

H. lit. P.

514

u

H. lit. P. 514 u

**О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ
СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.**

**РАЗСУЖДЕНИЕ
НА СТЕПЕНЬ МАГИСТРА ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ПЕРВАГО ОТДѢЛЕНІЯ,**

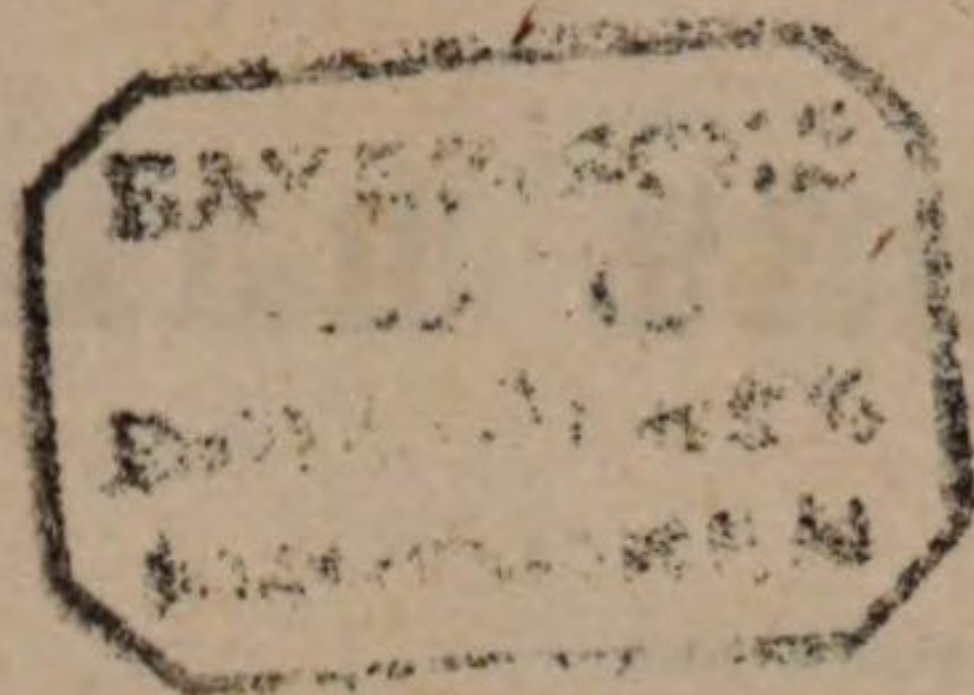
КАНДИДАТА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

Иосифа Бодянского.

**МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1857.**

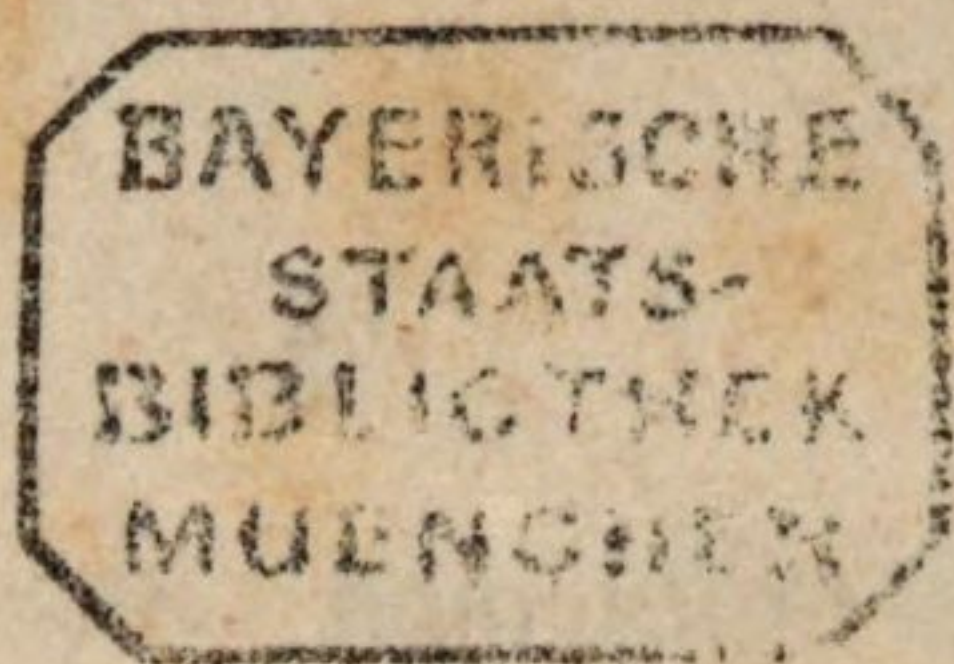
г. н. 5476

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Мая 7 дня 1837
года.

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ СЛАВЯНЪ.

Die Naturpoesie ist wohl bei keinem Volke mehr zu Hause, als bei den Slawen.

P. J. Schaffarik.

Въ наше время всеобщаго спремленія къ самобытности и самоспояшельности, всѣ почти народы, особенно Европейцы, хопятъ жить жизнию, въ полномъ смыслѣ имъ принадлежащую, выпекающею изъ собственныхъ ихъ нѣдръ, слагающеюся изъ совокупности всѣхъ спихій челоѳческаго бытія, коими на- всегда устанавливается фizioномія народа, рѣзко и мѣшко опличающая его отъ его сосѣдей и прочихъ народовъ; короче, хопятъ быть независимыми, истинно народными. Понятія народовъ объ этомъ предметѣ уяснились и получили большую опредѣленность. Испушенные вѣковыми опытами, они уже болѣе не навязываютъ себѣ съ такой младенческой вѣрой чужихъ мыслей, чувспвованій и успавовъ, хопь бы и лучшихъ ихъ собственныхъ, не испушавъ напередъ щашельно, шочно ли все это лучшее — лучше ихъ роднаго; а если и шакъ, идетъ ли имъ къ лицу, можетъ ли быть перенесено безъ

ущерба своему, примется ли успѣшно на чужой почвѣ, подъ другимъ небомъ, также ли благодѣтельны будутъ его плоды, согласно ли, наконецъ, оно съ элементами народнаго бытія? Нынѣ всѣ твердо убѣждены, и убѣждены основательно, что не все чужое хорошее — равно хорошо для всѣхъ, не всегда можно его заимствовать у другихъ простымъ перенесеніемъ, но что при усвоеніи чужаго должно обращать вниманіе на безчисленное множество условий, если хотимъ, чтобы оно столько же было спасительно и у насъ, сколько въ мѣстѣ своего перваго явленія. И потому изъ чужаго лучшаго перенимаютъ то только, что безъ насилія прививается, усваивается, обращается въ родное; въ противномъ случаѣ его или вовсе оставляютъ, какъ ненужное, безъ коего можно обойтись, ничего существенно черезъ то не теряя, или переносятъ не вполнѣ, а лишь часть, передѣлавъ по своимъ потребностямъ и принаровивъ къ своимъ нуждамъ, или же, водясь даннымъ примѣромъ, вымышляютъ сами себѣ подобное иноземному, но болѣе согласующееся съ своею самобытною жизнью, своимъ личнымъ, природнымъ характеромъ. Прошла уже пора соблазнительныхъ идей космополитизма; народы Европы перестали рабски копировать одинъ другаго или перекраивать себя по какому-нибудь образцу, признанному безусловно изящнымъ, видѣть въ немъ верхъ совершенства; прошла уже пора обезьянства. Нынѣ, въ настоящее время какъ всякое недѣлимое человеческого рода, такъ и всякій народъ хочетъ оставаться самимъ, чѣмъ онъ есть, чѣмъ онъ можетъ

сдѣлашся, чѣмъ суждено ему Провидѣніемъ означить себя на поприщѣ міра въ ряду своихъ собратій, хочешъ бышь собой, жишь своей коренной жизнью, мыслишь своей головой, чувствовашъ своимъ сердцемъ, желашъ своей волей, дѣйствовашъ самъ собой, непосредственно, и, такъ об., жишь всѣми силами своего бытія, сдѣлашся вполнѣ *народнымъ*. Народность нимало не препятствуетъ совершенствовашъ себя какъ каждому недѣлимому, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе человѣческой природы вездѣ возможно: оно условливается просвѣщеніемъ, образованіемъ, и только ими доспигается; а просвѣщеніе гдѣ угодно уживается. Для него нѣтъ разности климата: оно возможно вездѣ, поладитъ со всякою народностью, пошому что оно не только не испровергаетъ ее, напрошивъ помогаетъ ей еще успѣшнѣе развиваться, направляетъ дальнѣйшіе ея шаги, указываетъ вѣрный, возможно ближайшій, путь, охраняетъ отъ порчи и паденія, очищаетъ, просвѣтляетъ, совершенствуетъ. Одно лишь худо понятное или и вовсе ложное просвѣщеніе тѣснитъ и давитъ, гонитъ и истребляетъ народность. Не ужели просвѣщеніе необходимо требуетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ опшѣнковъ, требуетъ уровня безцвѣтності? Кто менѣе образованъ: спрасно ли привязанный къ идеализму Нѣмецъ, суевливый Французъ, или расчетливый Англичанинъ? И, однако же, родная фizioномія въ каждомъ изъ нихъ положительно всегда проглядываетъ, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственныя должности, опличающихся преимущественно своимъ просвѣщеніемъ.

ніемъ, такъ и въ людяхъ, споящихъ на низшей ступени общества, и ни вельможа, ни поденьщикъ, ни Лордъ, Перъ, Герцогъ, ни селянинъ и нищій, не гнушаются собой, не опшвергаются себя.

Конечно, не было еще народа, копорый бы изъ первоначальнаго возраста своей жизни, дикоспи, выходилъ самъ собою, точно какъ всякой человекъ доспигаешъ полнаго развитія своихъ способностей, полнаго образованія, шолько при помощи другихъ. Получивъ съ рожденіемъ душу, опшверсную къ разумнїю и совершенствованію, первыя начала образованія человекъ заимствуетъ чрезъ наученіе говоришь и, так. обр., съ словами принимаетъ въ себя первыя понятія — зародышъ будущаго развитія умствєнныхъ силъ, далѣе чрезъ наученіе нѣкопорымъ дѣйствїямъ для удовлетворенія жишейскимъ требованїямъ: вошъ начальная школа первичнаго образованія каждаго человека. Точно такъ и народъ: онъ всегда къ высшей образованности былъ выводимъ другимъ народомъ, прежде его образовавшимся: сначала довольствуется, обыкновенно, шолько своимъ руководителемъ; но умъ человѣческій по своей природѣ не можетъ вѣчно довольствоваться простымъ принятїемъ чужаго, чужими понятїями, истинами, опытношью, устройствомъ своей жизни по образцу жизни другаго. Наспупаетъ время, когда, сознавая свою мощъ и самоспояшельность, горитъ желанїемъ шворишь саомышно, создавашь собшвенный мїръ понятїй, и ш. д., житъ независимо, своею удѣльною житнїю. Эшого времени не минуетъ, рано или поздно, ни человекъ, ни народъ, если

только Судьбы опредѣлили ему не *прозябать* весь свой вѣкъ, а совершивъ полный кругъ своего бытія. Тогда народъ, управляемый опчешливымъ самосознаніемъ, хопя и не покидаетъ вовсе своихъ сосѣдей, болѣе просвѣщенныхъ, но уже сообщается съ ними не для простаго подражанія имъ, не для расположенія своихъ дѣйствій по ихъ дѣйствіямъ, не для того, чшобы поровняться съ ними, но чшобы слѣдиль ихъ своимъ умомъ, наблюдай, понимай ихъ хорошее, лучшее, спарайся собственное свое, родное, возведи до равной степени и, даже, пойди далѣе, возвысись, спай съ ними на одинакой высотѣ жизненнымъ развитіемъ стихій своенародныхъ. Слѣдовательно, любовь къ своему, родному, въ такомъ случаѣ, такъ понимаемая, есть настоящій ключъ къ истинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершенствованію, источникъ жизни живой, плодоносной, самоспояшельной, своеобразной, своевременной, своестихійной, всесторонной, полной, вѣчноюной. Вопъ въ чемъ заключается прочная самобытность народовъ!

При такомъ повсемѣстномъ спремленіи къ народности, и Словесность, какъ выраженіе общества, спѣвши оправдай свое назначеніе, бытъ вѣрнымъ и правдивымъ зеркаломъ жизни народовъ, направляясь какъ можно ближе къ стихіямъ, условливающимъ бытіе ихъ, и всѣми мѣрами опражая въ себѣ духъ народный въ чистѣйшемъ, безпримѣсномъ видѣ. Жизнь народа имѣетъ свою особенную фizioномію, слагающуюся изъ его физическихъ и душевныхъ свойствъ. Когда народъ развиваетъ въ своемъ суще-

спвованіи свою личность, свою особенность, онъ живешъ самобытно, своеобразно, народно, выражаешъ своимъ бытіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществишъ своею жизнію. Эша-шо идея, проявленіе всей своеобразной жизни народа, устанавливаемая его религіей, философіей, нравами, обычаями, исторіей, мѣстностью страны и ея свойствами, вѣрованіемъ, языкомъ, безчисленными житейскими условіями, и. п., ни въ чемъ такъ ярко, сильно, чисто, прочно и совершенно не выражается, какъ въ Словесности. И пошому Словесность, будучи отраженіемъ стихій, составляющихъ бытіе народа, непременно должна бытъ народною. Разумѣешся, Словесность для этого не должна рабски списывать свой народъ, ограничиваться однѣми внѣшними формами его жизни, низшими слоями общества, просонародіемъ, хотя и проспой бытъ нечуждъ прелести, своего изящества, своей поэзіи. Въ природѣ нѣтъ предмета, который бы былъ положительно худъ, на который бы нельзя было взглянуть съ поэтической точки зрѣнія, пошому что вселенная, какъ твореніе совершеннѣйшаго Существа, должна бытъ также совершенна. Точно, много утратила она своего изящества послѣ паденія человека, поставленнаго ей въ царя, но все же не вовсе лишилась своего совершенства, какъ и эшотъ послѣдній. Главное — уловишъ эшо изящество, провидѣшъ его сквозь толстую кору, покрывающую его собой. Пошому и голая, черневая сторона жизни народа, если взглянуть на нея съ эшой точки, прошедши черезъ горнило поэтического вдохновенія, можетъ возвы-

ситься до степени изящества. Таковую-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна отражать въ себѣ Словесность каждаго народа.

Отсюда и Поэзія, какъ цвѣтъ, вершина слова, вѣнецъ Словесности народа, непременно должна быть, также, въ высочайшей степени народной.

Народность нимало не препятствуетъ ей оставаться вѣрною идеѣ изящества, быть настоящею, изящною Поэзіей. Истинная Поэзія не можетъ быть не народною. Она есть выраженіе духа человѣческаго во всѣхъ его проявленіяхъ, не просто вымысль безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному міру, сухое, голое отвлеченіе, не рабское изображеніе дѣйствительности; напротивъ она есть спожайшее сочешаніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ, вѣрнѣйшее осуществленіе идеи изящнаго въ прекраснѣйшей, приличнѣйшей ей формѣ, такъ сказать ея оцувствленіе; она — творчество по глубокому разумѣнію силы внутренняго съ вѣшнимъ его образомъ, творчество по идеаламъ, отъ вѣка существующимъ, присущимъ всѣмъ временамъ и народамъ, гармоническое соединеніе духа и матеріи. Она истинное изображеніе жизни въ ея дѣйствительности, жизни, коей всякое бѣненіе уловлено, схвачено внутренній, настоящей смыслъ каждой ея части, проявлено въ формахъ, вполне ее выражающихъ, безъ педантизма, мѣлкой точности въ частности, легко добавляемыхъ при полной передачѣ главнаго, существеннаго. Но родъ человѣческій слагается изъ народовъ, изъ коихъ всякой имѣетъ свою Поэзію,

потому что Поэзія прирождена народу; народъ, какого бы онъ племени ни былъ, вовсе безъ Поэзіи быть не можеть. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэтический народъ — несбыточное дѣло: это не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. Отсюда у каждаго народа есть ему одному только свойственная Поэзія, какъ плодъ внутренняго его творчества, его поэтической способности. Эта его Поэзія, потому самому что составляетъ произведеніе его, непременно и прежде всего должна быть отпечаткомъ его жизненнаго бытія, отголоскомъ всѣхъ его сопряженій, являясь въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельству, — следовательно безпристрастно отражаетъ внутреннюю и лицевую сторону существованія его, быть своенародною, своевременною. Будучи народной, она не перескачетъ быть изящной; изящное никогда неизмѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково. Истинно изящное доступно и понятно всѣмъ вѣкамъ и народамъ, и можеть быть оценено всѣми по своему достоинству. Всѣ народы согласно признають одинъ и тотъ же предметъ прекраснымъ, изящнымъ, потому что въ духѣ нашемъ существуетъ первообразъ красоты, что идея изящнаго — неотъемлемая принадлежность всего человѣчества: оно равное производитъ впечатлѣніе и на грубыхъ, дикихъ народовъ, и на самыхъ просвѣщенныхъ. Только форма проявленія изящнаго до безконечности разнообразна: нисколько не измѣняя сущности его, народъ одѣваетъ прекрасное согласно своимъ понятіямъ о

немъ, согласно степени своего эстетического образования. Въ такомъ или другомъ взглядѣ народа на изящное, въ той или иной формѣ облеченія, осуществленія, именно—то и заключается оригинальность творчества, самоспоятельность всякаго искусства, слѣдов. и Поэзіи, какъ единственнаго словеснаго искусства. Опшого Поэзія необходимо должна имѣть на себѣ печать того народа, коему принадлежитъ, печать яркую, неизгладимую; опшого шѣ только поэтическія произведенія истинно изящны, кои, будучи свободнымъ плодомъ творчества человѣческаго духа, со всѣхъ сторонъ выражая идею изящнаго, оплипы въ шипѣ самобытный, свойственный тому народу, къ которому опносясь, опражающъ въ себѣ, какъ въ кристалловидной поверхности водѣ, народъ со всѣми его свойствами, похвальными качествами и недоспалками, представляющъ собой полную картину, вѣрнѣйшій оппечашокъ, самый правдивый образъ его жизни, его судебъ въ данную эпоху бытія его. Такая Поэзія будетъ въ высочайшей степени изящною, оригинальною, своенародною, Поэзіей жизни; ей будутъ сочувствовать, ее поймутъ и оцѣнятъ не опдѣльные любители, не одни только записные знашопки изящнаго, но цѣлая нація, цѣлый народъ, все человѣчество. Вопѣ ея слушатели, послѣдователи, цѣнили, судьи и вѣчные защитники! Напрошивъ, удаляясь опъ эпого, сполько естетического и единственно прямого, пути, Поэзія перешаешъ бытъ истинной Поэзіей, безопчепнымъ, свободнымъ созданиемъ творящаго духа, внушеннымъ своенароднымъ вдохновениемъ, живымъ голосомъ из-

вѣснаго вѣка, извѣснаго неба, извѣснаго народа, но сколкою другой Поэзіи, намѣреннымъ подражаніемъ какому-нибудь чужому произведенію, рабской капировкой, ребяческимъ передразниваніемъ. Какъ бы точно ни было подражаніе, Поэзіи ли другаго народа, природѣ ли, или чему иному, все оно подражаніе, ни болѣе, ни менѣе: эшо слѣпки безъ жизни и души, простое эхо. Допустивъ, даже, возможность поровняться съ какимъ-либо предметомъ, эшо не значить сдѣлаться шѣмъ же самымъ предметомъ, но только вознесшися до одинакой высоты, и все же оспашся спискомъ, а списокъ — не подлинникъ: здѣсь борьба пигмея съ исполиномъ! Безспорно, и въ подражательныхъ произведеніяхъ могутъ быть, и есть, великія частныя красоты, достоинства первостепенныя; и на нихъ можетъ лежать печать вѣка, болѣе или менѣе замѣтная печать народа, и ш. д., пошому чшо поэтъ всегда связанъ съ своимъ міромъ, землей, эпохой; но эшо красоты—прививныя, не вяжущіяся съ цѣлымъ; эшо оранжерейныя цвѣты, выращенныя въ теплицахъ, а не подъ открытымъ небомъ, вскормленныя искусственною теплошю, а не сокомъ родной почвы, возбуждающъ минувшее, преходящее, смѣшанное всегда съ невольной жалосшю, удовольствіе; эши оппечашки вѣка, народа и страны—родимая пашна, и шущъ только чшо увеличивающъ безобразіе, выказывая всю нееспешвенность положенія, въ которомъ поставлено цѣлое. Не бытъ Сѣверу Югомъ, не росши пальмовымъ лѣсамъ на нашихъ поляхъ, не дважды молодѣшь: такъ точно одной и той же Поэзіи разъ суждено совершить свое

поприще; прошла пора — ее уже не воскресить. Она была вполнѣ шѣмъ, чѣмъ ей быть должно, была собой въ свое время, въ своемъ мѣстѣ, у своего народа; для другихъ—она имѣетъ только докуменшальное, историческое достоинство: по ней можемъ судить о степени жизни этого народа и пр., ш. п., можемъ, и должны, изучать ее, не для того, чтобы опрешахъся ошъ своей Поэзіи, намъ прирожденной, располагать ее по ней. Позволишельно восхищашся и спарашся свою доведши до равной степени совершенства и, если можно, пойши далѣе; но идши своей дорогой, указанной намъ Промысломъ, и быть собой, а не Греками, Римлянами, Индійцами, и ш. д. Тѣ были, чѣмъ имъ быть суждено, были и прошли; не всѣмъ быть однимъ и шѣмъ же; шеперь наступило наше время, и намъ должно быть нами, а не кѣмъ другимъ. Къ совершенству ведетъ не одна дорога; каждому опредѣлено достигать его своимъ путемъ, если только захочетъ достигать его, быть своеобразно совершеннымъ, равнымъ прочимъ. Такъ точно и въ области Поэзіи. Всякая Поэзія должна быть собой, спремихъся своей дорогой къ полному, гармоническому развитію себя, съ твердою надеждой достигнуть такого же совершенства, какъ и другія ея сеспры, изъ коихъ каждая сдѣлалась шѣмъ, чѣмъ есть, единственшо спараясь быть собою; напрошивъ, сбиваясь съ этого пути, добровольно сама себя убивала, дѣлалась второсепенною, хвостомъ блестящей кометы, не производила вѣчноюнаго дѣйствія, не могла возбудить къ себѣ несшарѣющагося сочувствія. Но оставаясь вѣр-

ной себѣ, своей природѣ, Поэзія неминуемо, волею-неволею будетъ Поэзіей народа, зеркаломъ путей его жизни, отраженіемъ идеи, проявляемой этой жизнью, составляющей собой душу народа. Кромѣ того, направленіе Поэзіи, ея характеръ, устанавливается жизнью народа, его возрастомъ: въ какомъ возрастѣ находится народъ, такова и Поэзія его, какъ отраженіе народа; въ ней разоблачается характеръ возрастной его жизни, преобладающій надъ всѣмъ и дающій собой направленіе всѣмъ часпямъ, составляющимъ цѣлое, наводящій на все одинакій цвѣтъ. Ясно, что Поэзія опредѣляется исторіей народа: зная ее, зная какой періодъ своего бытія совершаетъ народъ, напередъ можно сказать, какой характеръ его Поэзіи, какой родъ ея преобладаетъ у него. И наоборотъ: случается, что народъ не всегда имѣетъ у себя лѣтописи своей жизни, или не всѣ, не вполне; въ такомъ положеніи Поэзія поясняетъ собой исторію, замѣняетъ ее. По ней пошчасъ можно сказать, какой путь прежде проходилъ народъ, что съ нимъ было, какъ онъ развивался и дошелъ до того состоянія, въ какомъ теперь находится. Конечно, путь не будетъ ни годовъ, ни чиселъ, ни именъ, и т. п. принадлежности лѣтописи, зато все это пополняетъ собой духъ времени, духъ прошлой жизни, потому что Поэзія есть самое вѣрнѣйшее и ни какому сомнѣнію не подлежащее свидѣтельство о жизни народа, картина его бытія, и т. д. Первые поэты, обыкновенно, большею частью, неизвѣстны, что очень естественно. Въ первомъ возрастѣ народа пѣвцы, подобно младенцу, не столько

забоплятсь о своей личной извѣстности, именномъ безсмертіи, сколько о своемъ твореніи, его дѣйстви на массу и принятіи, усвоеніи его эшой массой. Современемъ, съ посшепеннымъ образованіемъ народа, съ установленіемъ видимой, рѣзкой грани между высшими и низшими слоями народа, съ появленіемъ разныхъ званій и ш. д., и званіе поэта округляеться, дѣлаеться замѣшнымъ, опшводитъ для себя свой уча- спокъ, охраняеть принадлежащія ему права и ш. п., и, шак. обр., поэшы спановятсь болѣе видимыми, выдаються, шакъ сказашь, впередъ; имена ихъ заш- верживаються и переходятъ въ пошомспво. Опъ нихъ-шо шеперь зависишь дальнѣйшая учасъ Поэзіи, дальнѣйшее ея развишіе и совершенспвованіе, вмѣ- сшъ съ развишіемъ и совершенспвованіемъ самага народа, съ переходомъ его изъ возраста въ возрастъ. Если Поэзія ихъ еспественно развиваеться изъ самой себя, изъ своей первоначальной сущности, шогда она сильно дѣйспвуешь на народъ, ешь народная въ полномъ смыслѣ слова; напрошивъ, сбиваясь съ эшого пуши, дѣлаеться анахронизмомъ, шеряеть всю власъ свою, между шѣмъ какъ народъ осшаетсь шолько при прежнемъ своемъ богащспвѣ, пока вновь не выведеть ее добрый геній на свой прежній, на- стоящій пушь. Не многіе народы могутъ похвалишься полнымъ развишіемъ своей Поэзіи, совершеніемъ всего своего пуши, прохожденіемъ чрезъ всѣ возрас- шы. Для эшого шребуеться много условій, шребуеться, чшобы народъ неуклонно шель по своей дорогѣ, па- дая, сбиваясь съ прямой шропинки, снова воспша- валь, находиль ее и продолжалъ идши далѣе, до

самого конца. Но у большей части народов Поэзія не совершаетъ своего полного круга, или въ силу ранней смерти самого народа, или ложного направленія дальнѣйшей своей жизни, замѣняясь Поэзіей подражательной, чуждой, и т. п. безчисленными препятствіями. Но такъ какъ дальнѣйшая судьба, совершенствованіе, своеобразность народной Поэзіи, при ея естественномъ ходѣ, при описаніи неблагопріятныхъ ей обстоятельствъ, условливается ея первоначальною, первобытною Поэзіей, Поэзіей всего народа, Поэзіей младенчества народа, Поэзіей безыскусственной, естественной, простонародной (не въ нынѣшнемъ несчастномъ значеніи этого слова), составляющей собою источникъ, матеріею, корень и начало жизненности, то пошому для каждаго, ревнующаго по своей Поэзіи, принимающаго въ ней живѣйшее участіе, желающаго, чтобы она шла своимъ природнымъ путемъ, была въ полномъ смыслѣ Поэзіей, народной, національной, необходимо предварительное основательное изслѣдованіе, тщательное разсмотрѣніе этой первоначальной, естественной, безыскусственной Поэзіи, ея составныхъ элементовъ, существенныхъ свойствъ, духа и прочихъ характеристическихъ признаковъ. А пошому и мы въ нашемъ разсужденіи о народной Поэзіи Славянъ ограничимся только разсмотрѣніемъ естественной, безыскусственной народной Поэзіи Славянскихъ племенъ, нисколько не касаясь той народной Поэзіи ихъ, которая должна была развиваться изъ нея, какъ своего корня, если желала бытъ

истинно народной Поэзіи, полнымъ и всестороннимъ откровеніемъ духа своего народа.

Вообще, всякой первоначальной, естественной народной Поэзіи всѣхъ временъ и племенъ человѣческихъ непремѣннымъ шипомъ, общею формою, всегдашнимъ проявленіемъ, единственною одеждою бываетъ *пѣсня*. Эпо нмало неудивительно, эпо въ порядкѣ вещей. Каждый народъ, выступая на поприще жизни, начиная свое бытіе, и будучи опъ природы поэтомъ — художникомъ, все, что въ немъ и внѣ его ни творится, что выходитъ изъ колеи обыкновенной, положительной прозаической жизни, что нарушаетъ теченіе матеріальнаго существованія, выплескиваетъ за края однообразнаго, ежедневнаго житейскаго міра, что по какой бы то ни было причинѣ нарушаетъ обычный бѣгъ вещей, возбуждаетъ внутреннюю дѣятельность духа, производитъ живое, глубоко сильное впечатлѣніе, все это, всѣ эти необыкновенныя положенія свои, эти-исключенія въ своей жизни, народъ схватываетъ, жадно ловитъ и въ то же мгновеніе, на самомъ мѣстѣ событія, по свѣжимъ, жаркимъ, слѣдамъ его, воспѣваетъ въ звучной, самородной, своеобразной пѣснѣ. Само собою разумѣется, что такая пѣсня началомъ своимъ одолжена бываетъ какому — нибудь одному недѣлимому въ народѣ, какому — нибудь одному лицу, въ душѣ коего горитъ пламень поэтическаго шворчешва, сердце коего живѣе почувствовало данный шолчекъ, скорѣе, шакъ сказаъ, наэлектризовалось, поняло поэтическую сторону случившагося, вспыхнуло и невольно, безъ всякаго умышленнаго расчета

и подготовленія, запѣло пѣснь. Пѣснь эта шутъ же и пошла лепашь соловьемъ по народу, сообщаясь ему со всею легкостью, ему, приготовленному уже прежде самимъ событіемъ, слѣдовательно находящемуся еще подъ магическою властію впечатлѣнія, или же пораженному новостію, нечаянностію, общечеловѣческой, народной занимательностью, яркимъ изъясніемъ изъ пошлой, безхарактерной однообразности настоящаго. Так. обр. пѣсни порхаетъ между народомъ, кошорой ее доканчиваетъ, если она имѣетъ какую — нибудь шороховатость, неполноту, и дѣлается его достояніемъ, общимъ имущесствомъ всѣхъ и cadaго. Пѣсни составляютъ собою начало, исходный пунктъ какъ вообще Словесности, такъ особенноти Поэзіи народной, какъ первыя, самыя старшія ея произведенія, какъ первооппечашокъ, начальный оппрыскъ, первоявленіе, первенецъ шворчешва народнаго, какъ первобытная, ешесшвенная схема Поэзіи, и съ шѣмъ вмѣшѣ единшвенное имущество, весь, пока, наличный капишалъ народа; въ нихъ заключающся, какъ въ машернемъ лонѣ, всѣ элеменшы дальнѣйшей жизни Поэзіи, ея дальнѣйшаго хода, самостояшельнаго совершеншвованія и бышія. Пѣсни въ эту эпоху жизни народа составляютъ для него все, замѣняющъ собой всѣ роды и виды Поэзіи, будучи и родомъ и видомъ ея, будучи всей Поэзіей: тогда всякое поэшическое произведение принимаетъ образъ пѣсни, воплощается въ нее, пошому что народъ въ эту пору все воспѣваетъ. Такое состояніе Поэзіи представляешъ собою первый періодъ Поэзіи народной, въ обширномъ значеніи,

періодъ Поэзіи всего народа, безъ исключенія, общенародный, продолжающійся, даже, и тогда, когда народъ начинаетъ образовашъ изъ себя одно правильное цѣлое, болѣе сплоченое, шѣло, когда всшупаетъ въ гражданскую жизнь и продолжаетъ на эшомъ поприщѣ совершенствовашся. Эша Поэзія и теперъ продолжаетъ свое существованіе, если гражданственное образованіе развивается не цѣлымъ народомъ, идетъ неровнымъ шагомъ, но только въ высшихъ его слояхъ, въ высшемъ обществѣ, которое, въ эшомъ случаѣ, можетъ далеко уйши, между шѣмъ какъ масса народа остается въ прежнемъ своемъ первобытномъ состояніи, или нѣсколько измѣненномъ, и то больше во внѣшнемъ видѣ. Но когда гражданственность совершается дружно, пріемлется всѣмъ цѣлымъ народа, когда жизнь народа развивается одинаково и въ высшихъ и низшихъ его членахъ, тогда и Поэзія становится искусствомъ, достояніемъ частныхъ лицъ, рѣзко отдѣляющихся теперъ отъ толпы, получающихъ свое имя отъ рода своего занятія, дѣлающихся поэтами, такъ сказать, привилегированными. Они-то въ слѣдствіе большей сложности въ сшихъ жизни народной, явленія коей развиваются теперъ подробнѣе, осязательнѣе, въ силу дробленія ея, тоже дробятъ и Поэзію, обрабатываютъ ее въ родахъ, уже болѣе опрыточныхъ, заимствующихъ духъ и характеръ свой отъ того возраста жизни народной, который проходитъ онъ, котораго они составляютъ естественное выраженіе. Эша искусственная, воздѣливаемая Поэзія, если только вѣрно проявляетъ жизнь своего народа, есть также Поэзія народная,

оригинальная, пошому чшо она не чшо иное, какъ шолько продолженіе первой безыскусственной Поэзіи, составляешъ дальнѣйшее ея развитіе. Слѣдовательно, въ жизни народа, какова бы она ни была: дѣятельна, своевольна, разнообразна, или же покойна, шиха, одношаронна, главное — лишь бы она не получила еще высшей гражданственности, пѣсня составляешъ единственный родъ Поэзіи этого народа и единственную форму всѣхъ его поэшическихъ произведеній, какъ бы ни были они многочисленны. Это доказываешся еще ея названіемъ, одинакимъ, шождешвеннымъ у всѣхъ народовъ. Греческія Оды ($\omega\delta\eta$, canticum, cantio, carmen; $\omega\delta\alpha\rho\iota\upsilon\upsilon$, cantilena, опъ $\alpha\epsilon\acute{\iota}\delta\omega$, capo, canto, carmine celebro), Эпосы ($\epsilon\pi\omicron\varsigma$, verbum, vocabulum; carmen heroicum; опъ $\epsilon\pi\omega$), Итальянскія Канзоны, Испанскіе Романсы, Англійскія Баллады и пр., все это — названія первобытныхъ, самородныхъ поэшическихъ произведеній у разныхъ Европейскихъ народовъ, копорыя всѣ въ сущности не чшо иное означающъ, какъ пѣснь, пѣсню, и изъ копорыхъ развилась ихъ національная Поэзія. Славяне шже всѣ первоначальныя свои поэшическія прозведенія, всю свою ешественную Поэзію, называющъ *пѣснью*, *пѣснями* (Чешс. *писнь*, Серб. *пѣсме*, Словин. (Винд.) *песни*, Венд. *спѣваньо*, и ш. д.).

Но, не опнмая піишическихъ способностей ни у одного народа, нельзя, однако же, не замѣшшь, кшо сколько-нибудь на эпошъ предметъ обращалъ свое вниманіе, знакомъ хопъ немного съ нимъ, чшо изъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ Славяне всѣхъ богаче пѣснями, многочисленностію, разнообра-

зіемъ ихъ превышаютьъ всѣхъ своихъ сосѣдей и несосѣдей нашей части свѣта, что съ такою любовію къ пѣснопѣнію они соединяютьъ еще въ высшей степени спрасную привязанность, чрезвычайную способность къ музыкѣ и пляскѣ. Еще Греческіе лѣтописцы (Ееофилакшъ Симокашша, Анастасій, Ееофанъ, и др.) замѣтили, что Славяне спрасно любящъ пѣніе, музыку и пляску, и Греки при своихъ народныхъ играхъ, торжественныхъ праздникахъ, и. п., употребляли, большею частію, эшихъ сполько пѣснолюбивыхъ Славянъ (*Констан. Багрянородный De Caeremon. Aulae Byzant. L. I. c. 72. Reiskius in Com. ad Const. Porph. Caer. p. 44.*). Эту-то любовь къ пѣнію и вообще къ естественной Поэзіи, музыкѣ, пляскамъ, и ш. п., и потомки ихъ наслѣдовали и удержали навсегда за собою. Самые иностранцы, не говоря уже о своихъ, громко сознавали и сознають эту способность Славянъ къ Поэзіи, и единогласно, въ этомъ случаѣ, отдаютьъ намъ преимущество передъ собою и прочими Европейцами. Такъ, напр., *Якобъ Гриммъ* (*Serb. Gramm. S. 14.*) говоритъ слѣд.: «Alle slavischen Stämme scheinen von Natur dichterisch begabt, zu Gesang und Reizen aufgelegt; «*Якобъ Глауцъ* (*Frey-müthige Bemerkungen eines Ungars über sein Vaterland*): «Die ausserordentliche Liebe zum Gesang ist ein Haupt-und ein schöner Zug in dem Charakter der Slaven. Das slavische Frauerzimmer wird man selten stumm antreffen. Es schwatzt oder singt. In deutschen Orten, wo slavische Dienstmägde gehalten werden, ziehen diese, wenn sie des Morgens mit Grasbürden, gewöhnlich in einem Zuge zurückkom-

men, immer singend ein. Die Slaven haben in diesem Stücke einen entschiedenen Vorzug vor den Teutschen, die *Raichard* mit Recht sanglose Teutsche heisst;» *Popepъ* (Slav. Bew. ost. T. II. p. 7, 17, 28.): «Der grössere Theil der slavisch Nation verräth unverkennbar grosse Anlage zur Tonkunst. Dichter und Componist gehören zum gemeinen Volke;» *Пѣсньмеръ* (Gesch. d. Teutsch. S. 347.): «Alle Wenden-Slaven, ohne Ausnahme sind ein fröhliches, gesangliebendes Volk, und auch die, welche längst mit Teutschen vermischt leben, haben diesen auszeichnenden Zug, im Gegensatzt gegen die teutsche Ernsthaftigkeit behalten.» Самые Мадыяры, сполько соперничающіе съ Славянами, сполько унижающіе ихъ во всемъ прочемъ, въ эпомъ случаѣ являющія къ нимъ безприспраспными (Мадыар. Жур.: Tudományos Gyűjtémény, 1827 г. N II. стр. 104. См. Выкладъ ку Славы Дцере одъ Яна Коллара 1832 г. стр. 33-34.): «Народъ Славянскій самъ по себѣ—чрезвычайно веселый, остроумный и опъ природы поэшическій народъ, шакъ какъ и вся его жизнь, его радости и горе, сушь настоящая Поэзія. Самой даже проспой народъ, во всѣхъ обсто- ятельстввахъ своей жизни, поэшизируешъ и поешъ, и его пѣсни доходящъ къ сердцу, опличающія со- вершенствомъ. Онъ все воспѣваешъ: каждый день рожденія, каждую свадьбу, каждый пиръ, каждую забаву, каждое заняшіе, каждую нужду, даже смершь и похороны. «Эшихъ свидѣтельствъ, кажешся, до- вольно, чшобы видѣшь, чшо Славяне, по сознанію самыхъ чужеспранцевъ, вѣчныхъ своихъ соперни- ковъ, никогда не упускавшихъ случая унизишь ихъ

всѣми позволенными и непозволенными средсвами, созидать своего благосостоянія на развалинахъ благосостоянія первыхъ, что Славяне по праву называющаея самымъ поэтическимъ, самымъ пѣсеннымъ народомъ въ Европѣ, хотя они и не кричатъ объ этомъ, не зная сами себѣ цѣны, своего превосходства предъ другими. Кто же теперь скажетъ, что слѣдующія слова извѣснаго *Шафарика* дышатъ тщеславіемъ, внушены ему самохвальствомъ, кваснымъ патриотизмомъ? «Wo eine Slavin ist, говоритъ онъ, da ist auch Gesang; sie erfüllt Haus und Hof, Berg und Thal, Wiesen und Wälder, Gärten und Weingärten mit dem Schall ihrer Lieder; oft beebt sie nach einem mühevollen, unter Hitze, Schweiss, Hunger und Durst zugebrauchten Tag, die herandämmernde Abendstille während der Heimkehr noch mit ihrem melodischen Gesang. Welch einen Geist diese Volkslieder athmen, kann man aus den bereits erschienenen Sammlungen derselben ersehen. Man kann ohne Widerspruch behaupten, dass die Naturpoesie bei keinem Volk in Europa in einem so hohen Grade und mit einer solchen Reinheit, Innigkeit und Wärme des Gefühls verbreitet sey, wie unter den Slawen (Gesch. der slaw. Spr. u. Lit nach allen Mundarten, S. 52.)» Поэтому неудивительно, что они называли сами себя *Словянами*, народомъ *хотъ ѣхотъ* словнымъ: гдѣ бы они ни были, слово вездѣ имъ сопутствуетъ, потчасъ свидѣтельствуетъ о нихъ; они потчасъ имъ проявляютъ себя; у нихъ и горе и радость, все, что ни лежишь на сердцѣ, что ни сдѣлали бы, все это, все самое себя, ввѣряющъ, какъ своему вѣрнѣйшему, надежнѣйшему, единственному другу и спутнику, слову-пѣснь.

« Чо е славикъ мези пшакми »

« То е Слованъ мези народми. 1) »

Пѣсни — это ихъ дневникъ, ихъ Испорія, хранилище всякаго вѣдѣнія, всякаго вѣрованія, ихъ Теогонія, Космогонія, памяшь, призна по своихъ опцахъ и дорогихъ сердцу, надгробный памятникъ священной старины, живая, говорящая лѣтопись временъ, давно прошедшихъ, въ коей, какъ въ прозрачномъ кристаллѣ водъ, отражается, безъ малѣйшей примѣси, вся ихъ жизнь, съ ея добромъ и зломъ, характеръ каждаго врозъ и обще всего цѣлаго, многосложная картина минувшаго вѣка, его духа, вѣрный очеркъ быша и всѣхъ его, неуловимыхъ проснымъ глазомъ, мѣлчайшихъ, подробностей. Это исповѣдь души, разоблаченной передъ вами до тончайшихъ изгибовъ своихъ и опшѣнковъ чувствъ, волненій, дѣйствій, спраданій, надеждъ, веселія и грусти; это чистѣйшее выраженіе Славянской народности, нравовъ, обычаевъ, заняшій, причудъ, и ш. п. Въ нихъ, наконецъ, языкъ родной хранился во всей своей чистотѣ, неподдѣльности, свѣжести, силѣ, прелести и богатствѣ, языкъ, въ коемъ «озиваи се вшецкы глубоке цишы а срдечне глаголы одъ первего гласу въ колебце ажъ до пресладкего, розкошного говору милосши,» языкъ, звуки коего пріятнѣе всего на свѣтѣ ударяюшъ въ наши уши, какъ говоришъ Валшеръ Скопшъ. Славянинъ, въ какихъ бы обшпельствахъ ни находился, что бы онъ ни дѣлалъ, во всякую пору времени пѣсня у него шевелился на языкѣ: это безсмѣнная спутница, всегдашняя на-

1) Март. Сухани.

персница и повѣренная его думъ, мыслей и желаній; для нея сердце его и весь онъ самъ какъ ешь, когда угодно, ошкрышы, обнажены. Опшого, что спраннаго, если у него вы найдете на все, на каждый предметъ, по пѣснѣ? Что удивительнаго, если Славяне всѣхъ прочихъ Европейцевъ богаче пѣснями, этою одной настоящею народною Поэзіей, если они самый *пѣсенный*, самый поэпическій народъ въ Европѣ? Пѣснопѣніе составляетъ одну изъ наиболѣе характеризующихъ его чертъ, и, так. обр., говоритъ съ самой выгодной спороны объ его природныхъ свойствахъ, пошому что

«Wo man singt, da lass dich fröhlich nieder:
Böse Menschen habe kiene Lieder,»

говоритъ Шиллеръ, глубоко проникшій въ сердце человѣческое. Согласенъ, во многомъ другомъ, въ наукахъ, искусствахъ, изобрѣшеніяхъ, и ш. д., Славяне долго-долго еще будутъ подъ опекою прочихъ, опередившихъ ихъ своей образованностію, народовъ, будутъ нуждаться въ ихъ опытности, знаніи, свѣдѣніяхъ, будутъ ихъ прилежными, посшоянными слушателями, учениками; но что касается до естесшвенной Поэзіи, въ ней они далеко ушли впередъ, обогнали всѣхъ своихъ сверспниковъ, сосѣдей, друзей и враговъ. Тутъ они сами могутъ съ гордостію развернуть свое богатсшво, и, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и превосходсшва, сказать: «То ли у васъ?» О, пусть они сами, по всей справедливости, могутъ служить образцемъ для другихъ. «Въ нынѣшнемъ народномъ баснищшви, якъ далеце

намъ знамо, Слованъ зпѣвки безъ похыбы нейпѣкнѣши вѣнецъ собѣ на главу положиши може,» говоритъ *Челяковский* (Предмл. ку слованск. народн. писн. Дилъ I. сп. VII.), и говоритъ справедливо, безъ малѣйшаго преувеличенія, самохвальства и народнаго предубѣжденія.

«Же vzdѣланости нема нашъ лидъ, цизоземци млувише?»

спрашиваетъ другой пламенный Славянинъ иностранцевъ, и шупъ же опвѣчаетъ имъ со всей энергійей и благороднымъ упрекомъ ихъ неискренности: «Какъ же эшо?»

«Якжъ? вы мусише лиду зпиваши, намъ пѣе лидъ.»

Чшо можешъ бышь справедливѣе, доказапельнѣе, очевиднѣе и, шакъ сказашь, осязашельнѣе эшого крошенькаго опвѣша? Въ другой разъ, на замѣчаніе иноземца о бѣдности нашей въ операхъ и вообще въ театрѣ, шотъ же оспроумный поэтъ опвѣчалъ ему слѣдующимъ двусишіемъ:

«Ушклебо некрить намъ, же оперъ, же немаме дивадла;
Вы зди, мы маме целе въ лепѣ дивадло поле.»

Нѣкоторые эшой спрасши Славянъ къ пѣнію приписываютъ даже шо, что они занимають шакое огромное просстранство и крѣпкою ногою въ немъ ушвердились: «Dass die Slaven so leicht festen Fuss fassen, wird durch manche lebenswürdige Eigenschaft der Einwanderer erklärt, hauptsächlich durch das Talent derselben für Gesang und Musik, die sie beständig begleiten, und durch den regen Sinn für die Künste des Friedens, der sie beseelt (K. Ch. F. v. *Lützow* Gesch. d. Meklenb.)» И пошому Исшорикъ, Философъ, Фило-

логъ и Поэтъ, если хопяшъ узнашъ лицемъ къ лицу народъ Славянскій, оцѣнишъ его, какъ слѣдуешъ, по немъ самомъ, должны обратишъ все свое вниманіе на его пѣсни, копорыя, будучи естесшвеннымъ, необходимымъ выраженіемъ, вѣрнѣйшимъ ошпечашкомъ его народнаго духа, сосшавляющъ, пошому, самый правдивый образъ бышїа, его судебъ. Разумѣешся, въ пѣсняхъ не слѣдуешъ искашъ лѣшописныхъ или другихъ подробностей шакого и шакого собышїа, шого или иного лица, и. ш. д.; зашо все, чшо дѣлаешъ сильное впечатлѣніе на народъ, въ чемъ берешъ онъ прямое участіе, шо навѣрно ошощешъ въ его пѣсняхъ: онъ дорожишъ эшимъ какъ своею собсшвенностїю, и хочешъ, чшобы и пошомки его знали о шомъ. Судъ его въ шакомъ случаѣ очень важенъ для Испорика, какъ судъ современника происшесшвію. Испинный Испорикъ обязанъ предсшавишъ намъ въ своемъ дѣписанїи народъ шакимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, показывая посшепенно какъ въ извѣсшномъ вѣкѣ онъ выражалъ свои мысли и чувсшвованїа, какъ шѣ и другїа въ немъ развивались, каковъ его общїй характеръ, въ чемъ онъ сходсшвуешъ и въ чемъ ошличенъ ошѣ своихъ сосѣдей, одноплеменниковъ и иныхъ народовъ. Такому Испорикѣ пѣсни могутъ служишъ важнѣйшимъ и надежнѣйшимъ руководсшвомъ и пособїемъ: въ нихъ народъ самъ себя изображаешъ со всѣмъ шѣмъ, чшо ни ошноситсѣ къ нему. «Оны су образы, ве кшерыхъ каждый народъ самъ свой характеръ найвѣрнѣши малѣе а предсшавуе; су гисшорїе внишернаго свѣша а живоша; су кличе одѣ свашынѣ народности, кшерыми kdo ошви-

рапи незна анѣбъ нехце, шенъ ани знапи небуде цо
 еспъ чловѣченспви, ешпо се въ писнихъ пасшыр-
 скихъ не менѣ, нежъ въ египтскихъ пирамидахъ
 зъевуе. Въ челедѣхъ, поколенихъ, кменехъ, наречихъ
 познаваме цо еспъ народъ, въ народехъ познаваме цо
 еспъ чловѣченспви (См. Познам. а поедн. ку 2 Дил.
 Народ. зпѣв. Словак., себр. одъ Я. Коллара, стр. 489. *Dobrowsky's Slawin. Pr. 1834. S. 416 и 417.*)» Чшо касается
 до Миѳологiи, то она почши только опсюда и мо-
 жешъ бытъ заимспвуема; а для Словесности вооб-
 ще и ея Испорiи, пѣсни, какъ мы уже выше замѣ-
 шили, составляющъ начало, исходный пунктъ ея,
 какъ первыя, самыя старшiя ея произведенiя, вѣчно
 цвѣтущая, живая, свѣжая Словесность, истинное
 выраженiе народнаго духа. Далѣе, изучающiй сердце
 чловѣческое, любящiй проникаетъ въ сокровеннѣйшiе
 изгибы и тайники его, заглянутъ въ душу безъ вся-
 каго покрывала, въ ея первичномъ видѣ, чуждую
 всѣхъ прикрасъ и уловокъ свѣшскихъ, слѣдитъ есте-
 спвенное развитiе ея движенiй и спраспей, въ пѣ-
 сняхъ народныхъ Философъ — наблюдашель найдешъ
 для себя обильнѣйшую пищу: онѣ, слагаясь въ часъ
 живѣйшаго чувства, при электрическомъ потрясе-
 нiи всѣхъ нервъ нашего бышiя, при полномъ подчи-
 ненiи себя извѣстному впечатлѣнiю, суть, пошо-
 му самому, простѣйшiй и вѣрнѣйшiй оппечашокъ
 погдашняго состоянiя души нашей. Ревнишель чи-
 спшты, силы, богатспства и простшты оппечашвен-
 наго слова, не разспанется съ пѣснями: въ нихъ
 языкъ народа таковъ, каковъ онѣ еспъ въ своей
 сущности, каковъ долженъ бытъ, со всѣми своими

природными особенностями, ему лишь свойственными оборотами и извращениями. Въ нихъ Поэтъ увидишь стихосложение, единственно ему приличное, а не насильно навязанное, привишое, выписанное изъ чужой земли, составленное подъ другимъ небомъ, въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ. Напроставъ, стихосложение и пр. въ пѣсняхъ шаковы, какимъ слѣдуешь имъ бышь, суть произведенія той почвы, на коей они выросли. Наконецъ, человѣкъ высшаго сословія, занимающій одну изъ первыхъ ступеней въ обществѣ, къ кошорой открыва ему была дорога или самимъ уже его рожденіемъ, или же онъ доспигъ ее собственными своими заслугами и трудами, для шакого человѣка пѣсни заключающъ въ себѣ много очаровательнаго, сладостнаго сердцу, незамѣнимаго: въ нихъ онъ увидишь, какъ въ зеркалѣ, самаго себя—чѣмъ бы онъ былъ, если бы оспался въ своемъ первоначальномъ состояніи, въ кругу, назначавшемся ему самою Природою, какъ бы думалъ, чувствовалъ, что бы занимало, шевелило, волновало его душу, какъ бы онъ все эшо понималъ и передавалъ другимъ, выражалъ самое себя.... Словомъ, пѣсни составляютъ естественную, истинную Поэзію народа, коему онъ принадлежать. Въ нихъ шопъ же воздухъ вѣешь, какимъ народъ дышешъ, то самое небо, подъ какимъ народъ живешъ, та жизнь народа, безъ малѣйшей перемѣны въ краскахъ, какую онъ изжилъ; каждое недѣлимое, несмотря на всѣ свои частныя, дробныя особенности, взглянувъ въ эшо зеркало, шопчасъ узнаешь себя, и воскликнешъ:

«Kość z kości ojców naszych, ród jeden składamy,
J jednym wszędzie duchem oddychamy....»

Каковъ же эшотъ общій духъ, проникающій, дви-
жущій и оживляющій еспественную Поэзію народовъ
Славянскихъ? Чшо за характеръ ихъ пѣсень вооб-
ще? Чѣмъ онѣ опличаются опъ пѣсень другихъ на-
родовъ? Чшо составляетъ ихъ опличительную осо-
бенность, ихъ неопъемлемую, имъ однимъ принад-
лежащую, собственность? Короче: какія знамена-
тельные свойства всей народной Славянской Поэзіи,
или, чшо все равно, ихъ пѣсень?

Трудно, очень шрудно, разгадать главное направ-
леніе какой бы то ни было Поэзіи, проникнуть до
перваго, верховнаго двигашеля и руководишеля жиз-
ни народа, схватишь задушевную, завѣшную его
идею, положенную во главу его бышя, копорую
онѣ незримо, но шѣмъ не менѣе непрерывно, прояв-
ляешь во всѣхъ свои дѣйспвіяхъ въ возможнаго ро-
да образахъ. Уловишь эту заповѣдную, шайную
мысль народа, проводимую имъ чрезъ всю шкань своей
жизни, составляющую среду и вмѣстѣ шочку оппра-
вленія всей его многоразличной, внутренней и виѣшней
дѣяшельности, а пошому и въ Поэзіи его, какъ пер-
воначальномъ и нелицепріятномъ опраженіи его су-
щесшвованія, выражаемой неминуемо, неизбѣжно, зна-
чишь разобнажишь душу народа, засшавишь его ска-
зашься намъ, чшо онѣ шакое самъ по себѣ и въ ря-
ду прочихъ племенъ рода человѣческаго. Так. обр. и
общій духъ его Поэзіи, общій ея характеръ, ея глав-
ное направленіе, сдѣлающся для насъ понятными, яс-

ными. Повпоряю-эшо не легко, особенно вопношеніи къ Слявянамъ и ихъ Поэзіи, Слявянамъ, народъ, какъ говоришь Я. Колларъ, «наречими, писменами, вирами, берлами, поднебими, сполешими,» раздѣленномъ; но несмотря на шакое различіе ихъ между собою во всемъ прочемъ, на шакія преграды, опдѣляющія ихъ другъ опъ друга и сообщающія каждому изъ нихъ особую физіономію, ихъ «ницъ такъ неспоюе яко народне зпѣвы,» какъ Поэзія. Слѣдовашельно, еспь возмoжностъ схвапишь и озничить общія опличительныя свойсва ихъ Поэзіи, характеръ ихъ пѣсень. Характеръ пѣсень долженъ бышь вообще шаковъ, шаковъ характеръ народа, ихъ произведшаго, шакова его жизнь, положеніе, въ кошоромъ онъ находился, самая спрана, имъ занимаемая, и безконечное множесшво шѣхъ мѣлкихъ жишейскихъ условій, кои, хопя сами въ себѣ ничего особеннаго не заключающъ, но, при всемъ томъ, имѣющъ чрезвычайно сильное вліяніе на человекъ. Да иначе и бышь не можешъ. Пѣсни, какъ мы сказали и выше, — выраженіе духа народнаго, журналъ, въ кошорый народъ записывалъ все, что сколько-нибудь опносилось къ нему, сколько-нибудь его шевелило, шрогало. Тушь нѣтъ, да и не могли имѣть мѣста ложныя движенія, припворно вынужденныя мысли, чувспвованія, и ш. д., дѣянія, никогда и нигдѣ не случавшіяся, пошому что здравый смыслъ, всегда управляющій народомъ, никакъ не допустишь его въ эшомъ случаѣ взвести на себя шакую ужасную напраслину. Эшо возможно шолько намъ, пѣснопворцамъ съ перомъ въ рукѣ, воспѣвающимъ радость и горе, большею часпію, не радовавшія, не

огорчавшія насъ, оплакивающимъ то, чего не лишались, не на пепелищѣ, не надъ могилою ушраченнаго, дорогаго сердцу нашему, но за сыннымъ споломъ, въ возделъномъ состояніи тѣла и души. Посмотрѣшь, чужь ли мы не самые несчастнѣйшіе въ мірѣ, а какъ поразглядѣшь—дай Богъ всѣмъ, другу и недругу, бышь такими!... Не шѣхъ мыслей народъ, особенно Славяне о пѣсняхъ. Онѣ у нихъ составляютъ непришворное, естественное, искреннее изліяніе сердца: это ихъ — *vita vitalis*, необходимая потребность жизни, основа бытія, условіе, безъ коего они не могутъ вообразить себѣ существа разумно — свободнаго. Прислушайтесь, что поютъ Славяне (Словаки) въ пѣсняхъ:

Боже мой, діовченце, чожебы зъ насъ боло?

Кебы пыхъ песничкѣ на свѣтѣ не боло?

Вѣру бы сме боли спя ши Гандербурци 1),

Чо никды незпѣва, пребасъ быва въ Турци.

Это ихъ воздухъ, насущный хлѣбъ, шалисманъ опъ

1) *Ганбербурцали* Словаки называютъ Нѣмцевъ, живущихъ въ округахъ: Турчанскомъ, Нипранскомъ и Тековскомъ, и говорящихъ спраннымъ нарѣчіемъ. *Крикегай*, селеніе, близъ Кремница, считается какъ бы гнѣздомъ Гандербурцевъ, по коему они называются также и *Крикегайцали*. Такія названія, вѣроятно, они получили опъ образа рѣчи, т. е., опъ *криканя* (кричанья) и *бурцованя* (бурчанья) языкомъ. «*Germani, dubia aetate Comitatus Thurocziensi illati. Difficile est, etiamsi attentissime loquentes audias, intelligere, quid sibi velint; ut conjectatione opus sit his, qui barritus eorum insueti sunt, quoties sermo cum illis conferendus est. Gepidarum reliquias dicunt aliqui, alii ad Gothos, alii ad Quados originem eorum referunt. Linguam slavicam raro addiscunt, aut si quid ejus apprehenderunt, tam male eam pronunciant, ut murmur edere eos crederes, non loqui.*» *Belius* Not. Hung. T. II. p. 306. (См. Выкл. къ Слав. Дцер. стр. 447—448).

всего злаго, прошивоядное всѣмъ болѣзнямъ, душев-
нымъ и шѣлеснымъ:

Съ молишбамъ набожными

А пѣснѣмъ веселыми

Вшуды се пѣшиши будемъ,

Зармушки вшецкы забуднемъ.

Или: Пѣснѣ мое, пѣснѣ, веръ васъ я всло вѣмъ,

Кедъ я зпапо подемъ кде же васъ я подѣмъ?

Веръ васъ я закопемъ подъ мой мапкы спѣну,

Кедъ я зпапо подемъ слзы ма залею.

Или: Пѣснѣ мое, пѣснѣ, веръ васъ я много мамъ,

Веру васъ я вшецкы до мой пруглы сховамъ.

Кера е найкрашя на врхъ ю положимъ,

Кедъ ма мужъ набіе предъ нѣго предложимъ.

А кедъ си я будемъ дѣшапу зпѣваши,

Будемъ си по едне зъ пруглы выберати.

Они даже и въ гробъ не думаютъ разсшаться съ
своими пѣснями:

Умремъ, умремъ невѣмъ кеды,

Але умремъ кеды педы.

Эй кедъ умремъ лежатъ будемъ,

Прешо си я спѣватъ будемъ.

Все это правда; но каковъ же общій духъ Славян-
скихъ пѣсень? Приспупаемъ къ рѣшенію этого во-
проса по крайнему своему разумѣнію, сколько это
удалось намъ подмѣшнѣ, слыша, чипая, перечиты-
вая пѣсни этого народа и съ любовію вдумываясь
въ нихъ; пошомъ посшараемся уловнѣ и часшныя
характерисшическія свойштва пѣсень каждаго оп-
дѣльнаго Славянскаго племени, что собшвенно и

составляешь главную цѣль теперешнихъ нашихъ разсужденій.

Славяне, по единогласному свидѣтельству всѣхъ писателей, иностранныхъ и пуземныхъ, искони были народъ, преимущественно привязанный къ жизни земледѣльской, охотой, и потому миролюбивый, тихій, спокойный, уживчивый, больше всего на свѣтѣ любившій бытъ сельскій, семейственный, домашній, Напрошивъ, большая часть другихъ народовъ всегда почти опличалась своимъ опвращеніемъ къ земледѣлію, предпочитая ему звѣроловство, рыболовство, скошоводство, войну, вообще жизнь скитальческую, подвижную, больше подручную, требовавшую меньшихъ трудовъ и усилій. Конечно, впоследствии нѣкоторыя изъ нихъ оставили эпошъ образъ жизни, полюбили земледѣліе; но другіе цѣлыя тысячелѣтія удержали его за собою, не смотря ни на какія измѣненія и перевороты. Бытъ можешь и Славяне когда-нибудь, въ глубочайшей древности, при своемъ появленіи, были нечужды кошораго-нибудь изъ этихъ образовъ жизни, шѣмъ больше, что эпо спепени, черезъ кои каждый народъ, хошя-нехошя долженъ проходить, спепени естественнаго образованія чловѣка, *предѣлъ, его же не преидеши*. Но Славяне рано прошли эти спупени первичнаго образованія, и сколько люди запомнятъ, они были уже народъ земледѣльскій, и земледѣльскій исключительно, между шѣмъ какъ другихъ народовъ Исторія заспаетъ еще на кошорой-нибудь первой лѣстницѣ образованія, или звѣроловами, рыбаками, или спадопишателями, и ш. д. Жизнь зем-

ледѣльческая граничитъ съ жизнью гражданствен-
ной, есть первый и самый вѣрный шагъ къ высше-
му совершенствованію; она неразлучна съ осѣдло-
стью, тѣснымъ общеніемъ, порядкомъ въ образѣ
жизни, почтѣйшимъ распредѣленіемъ моего-твоего,
законностію, смягченіемъ дикости, нравами тихими,
привязанностію къ мѣсту жительства, къ своему
пепелищу, домашнему очагу, быту семейному, дѣш-
скою, неліцемерною любовію къ природѣ и ея не-
виннымъ, чистымъ удовольствіямъ. У земледѣль-
цевъ-то показывается первоначально грамота, ру-
кодѣлія, торговыя сношенія, зародышъ наукъ, ис-
кусствъ и художествъ: это ихъ колыбель. Все это
въ большей или меньшей мѣрѣ, какъ начатки, дол-
жны были имѣть и Славяне задолго еще до при-
нятія Христіанства, какъ народъ земледѣльческій,
осѣдлый. Левъ Мудрый (911), руководствовавшійся
сочиненіемъ Маврикія (602), *Strategicon*, и почти
слово въ слово повторившій его извѣстія о Славя-
нахъ, вопъ что говоритъ о привязанности ихъ къ
земледѣлію: «*Slavi maxime temperantiae in cibis
erant studiosi, qui alios agriculturae labores permoleste
praeterea ferrent (Tacticor. in Kollarii Amaenit. p. 69.)*»
Экгардъ: «*In privilegiis Wirzeburgensibus mentio fit
Winidorum, Slavorum, Serborum, Mainwinidorum ac
Radenz-Winidorum. Mainwinidi erant, qui agros cole-
bant ad Moenum, Radenz-Winidi, qui ad Radantiam;
colebant quoque ad alios fluvios. In silvestribus
locis Radantiam inter et Moenum a S. Burchardi
tempore (741) Slavi Winidi ex Sorabis puto et Bohemis
sedes fixerunt et terram excolerunt (L. 23 c. 7.
apud Chr. Jordan App. Hist. p. 251)*» Не упоминая

уже о *Тацитъ*, сказавшемъ, что Венеды «domos fingunt» и подшверженномъ *Иорнандомъ* и *Проконіемъ*, приведемъ слова новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей, извѣстныхъ своимъ именемъ и благонамѣренностію, обращавшихъ особенное вниманіе на образъ жизни Славянской. *Гердеръ*, незабвенный *Гердеръ* (Ideen zu Phil. d. Gesch. d. Mensch.) говоритъ: «Allenthalben liessen sich die Slaven nieder, um das von andern Völgern verlassene Land zu besitzen, es als Colonisten, als Hirten oder Ackerleute zu bauen oder zu nutzen; mithin war nach allen vorhergegangenen Verheerungen, Durch-und Auszügen ihre Geräuschlose, fleissige Gegenwart den Ländern erspriesslich.—Sie liebten die Landwirthschaft, einen Vorrath von Heerden und Getraide, verfertigten Leinwand, pflanzten Fruchtbäume. «*Ифустеръ* (J. C. Gesch. d. Teutsch., Hamb. 1829. B. I. S. 341, 4, 9.):» Wie sich die Germanen als Krieger in die römischen Provinzen getheilt, so sind dagegen die Slaven als friedliche Anbauer in die verlassenен teutschen Länder hereingekommen. In Teutschland ist ihre geräuschlose Niederlassung und ihr stiller Fleiss von den wohlthätigsten Folgen gewesen. Auch später sind noch Kolonisten von ihnen gehohlt worden, und man hat gewisse Aecker, nach ihrer Art zu pflügen *windische Beeten* genannt. Sie wollten lieber steuerpflichtig werden, wenn sie nur ihr Land mit Ruhe bauen dürften.—Da die Slaven wegen ihrer Arbeit-samkeit und Erfahrung in der Landwirthschaft gerne als Kolonisten aufgenommen wurden, so sind auch, besonders in diesem Fache manche Wörter aus ihrer Sprache in die teutsche übergangen. Къ такимъ словамъ принадлежатъ: *плугъ* (Pflug), *бишь* (Peitsche), *село*,

селеніе, сидло, (Siedelhof, ansiedeln), тынъ, тынить (Zaun, zäunen), работа (Rabatten), стодола (Stadel), и множ. друг. (См. Выкл. ку Сл. Дцер. стр. 93). Въ Журналѣ *Jsis*, издав. *Океномъ* (1823. Т. 5 л. 1.): Es ist geschichtlich erwiesen, dass die Slaven früher als die Deutschen von dem wilden Nomaden leben, zum bleibenden Stand der Landwirthschaft übergegangen, und sich darin den Ruf einer besondern Erfahrung erworben. Insonderheit wo es darauf ankam ganze Striche auszureuten und urbar zu machen, suchte man in Franken ganze Slavenstämme, als die geschicktesten herbeizubringen.—Sie gaben den neuen Pflanzungen, Wäldern, Flüssen, slavische Namen, die in der deutschen Sprache bis an den heutigen Tag wieder zu erkennen sind». Впрочемъ, не одни только Нѣмцы научились отъ Славянъ земледѣлію и приняли ихъ слова по этой части въ свой языкъ, но и Мадьяры: *Magyari, vita nomadica relicta, et sede in Panonia fixa*,—говоритъ Стеф. *Лешка* (*Elenchus vocab. Eur. Budae. 1825. p. 25.*),—*arationem primum apud Slavos conspexerunt ab iisque eam didicerunt. Inde factum est eos vocabula barázda, borona, eszteke, gereblye, кара, kasza, villa, boronálni, kapálni, kaszálni, aliaque ab iisdem suscepisse.* «Изъ туземныхъ писателей: *Лингартъ* (*Gesch. v. Krain T. II. S. 330.*):» Die Slaven waren es, welche die Wildnisse im Süden Deutschlands, das ehemalige Karantanien, in tragbares Ackerland umschufen. Dass dieses sogar in Oberösterreich der Fall war, ist aus einer Urkunde Karls des Grossen zu ersehen. *Terra illa, quae est infra locum, qui vocatur Forst ad Todicha et Sirnicha, quam illi Slavi colluerunt et cultam fecerunt* (*Ex dipl. monast. Cremif.*)»

Суровѣцкій (Sledz. pocz. nar. słow.) «Inne zdobywcze narody wprowadzone do życia wojennego, przelatywały z miejsca na miejsce w przerażających, tłumach, szukając nieprzyjaciół na to tylko, żeby ich gnieść, i wydzierać gotowe łupy; słowianie niestraszni z oręża, łagodni z przyrodzenia, przez wolne wędrówki szukali jedynie ziemi, którąby potem własnego czoła upłodniać mogli.... Słowianie należeli zdawna do rzędu narodów stale osiadłych, i różnych od pastersko-tulaczych.... Tę to panującą skłonność do prac rolniczych, tę cnotę, jak ją słusznie na owe wieki nazwać możemy, przypisać należy: że Słowianie i mniej doświadczali podezrliwych zazdrości od swoich sąsiadów, i wszędzie u nich, a nawet u nieprzyjaciół chętnie znajdowali przyjęcie.... Z taką właśnie skłonnością i usposobieniem do rolnictwa wyszły narody Słowiańskie z pierwotnych swoich siedlisk; i jeżeli niektóre z nich w ciągu wędrówki, bawiły się czas niejaki orężem, to tylko dla tego, żeby osiągnąć pusta ziemię i zamienić ją w płodną.» Будучи сполько привязаны ошъ природы къ земледѣлію, Славяне шѣмъ не менѣе были воинспивенны, не уступали другимъ народамъ ни въ мужеспвѣ, ни въ любви къ самобышности, свободѣ, хошя сами по себѣ были народъ миролюбивый. Они никогда не предпринимали войнъ изъ спраси къ оружію, изъ желанія похваспашъ своимъ удалеспвомъ, силою пожапъ поспявное и взлелѣянное чужими руками, ошпяпъ нахально, по праву сильного, принадлежащее слабѣйшему, покоришъ чужеземца и сдѣлашъ его своимъ рабомъ, данникомъ, а самимъ, между шѣмъ, предавашъ на счешъ другаго покою и бездѣйспвію, нѣ-

жишь и холишь себя. Напропивъ, они примѣромъ своимъ доказали, что владѣя сохою и серпомъ, также хорошо владѣютъ и мечемъ. Римъ, Греція, Нѣмцы, вѣчные сосѣди-соперники, пришлись и враги 1), и другіе Азіатскіе выходцы, испытали на себѣ силу ихъ мышцъ, удары ихъ перуна. Только Славяне оставляли свой плугъ, мѣняли серпъ на дубину, копье, мечъ, и ш. д., предпочитательно въ крайнихъ обстоятельстве, когда требовалось отстаивать свои поля, защищать свою собственность отъ наглыхъ приязнаній кого бы то ни было, охранять себя отъ обиды другихъ, ограждать свои права и независимость. Они никогда не раздвигали предѣловъ своихъ владѣній оружіемъ, довольствуясь доставшимся имъ отъ ихъ опцевъ и праопцевъ, и въ случаѣ несправедливости обитавшей ими страны, переходили въ другую, смежную, когда она или вовсе

1) Гердеръ (Ideen z. G. d. M. 1792. T. 4. S. 38.) Mehrere Nationen, am meisten aber die vom Deutschen Stamme, haben sich an den Slaven hart versündigt. Вольтманъ (Gesch. d. Teutschen in d. Sächsischen Periode. I. Th. Gött. 1798.) Es scheint Sitte bei den Teutschen gewesen zu seyn, dass sie ein Slavisches Volk angriffen, so baldes ihnen in den Sinn kam einen kriegerischen Zug zu unternehmen. Die Grausamkeit und Verachtung, womit ihre Ueberwinder sie behandelten, reizte sie unaufhörlich das Joch derselben abzuwerfen.—Пфистеръ (Gesch. d. Teutschen, Hamb. 1829. S. 345.): Nie haben Teutsche und Slawen sich als Brüder angesehen, ja nicht einmal als Halbbrüder. Wenn sie auch gegen den gemeinschaftlichen Feind mit vereinter Macht ausgegangen sind, so zeigt sich doch eben sobald wieder gegenseitige Abneigung, selbst Hass und Verachtung, und die Geschichte wird es bekennen, wie gar stiefbrüderlich die Teutschen ihre Slavischen Nachbarn behandelt haben.—Луденъ (Gesch. B. III. §. 241.): Zwischen den Slavischen Völkern und den Deutschen bestand, neben der

еще не была занята никѣмъ, или же оставлена своими жителями. Въ противномъ случаѣ, поселялись въ ней, испросивъ напередъ согласіе ея владѣтелей, любовною сдѣлкой пріобрѣвъ ее себѣ. Вошъ, между прочимъ, отзывъ древнихъ и новыхъ писателей о храбрости, любви къ свободѣ Славянъ. *Маврикій*: Slavorum gentes et Antum.... *libertatem* quoque colunt, nec ulla ratione ad serviendum vel parendum persuadentur, maxime in regione propria fortes tolerantisque; melius putabant ab indigenis suis violari, quam Romanis parere et sub eorum legibus vivere. Populosa natio est, omnium aerumnarum patiens, calores, frigora, pluvias, nuditatem, commeatus et rerum necessariarum inopiam facile perfert. Neminem ferunt imperantem.... sustinent facile frigus et calorem, et nuditatem corporum et penuriam. *Левъ Мудрый*: Slavorum gentes et ingenuae atque *liberae*, quibus servitus et subjectio nulla unquam ratione potuit persuaderi.... Romani saepe Slavorum populationibus infestabantur et bella multa ab illis illata sustinebant. *Витихиндъ*, родомъ Нѣмецъ, нелюбившій Славянъ, ошдаешъ, также, справедливостъ имъ: Slavi bel-

volksthümlichen, auch noch eine religiöse Feindschaft. Это говорятъ сами Нѣмцы о себѣ.—Principes Germanorum, — говорятъ Поморскій Князь *Прибиславъ* у Гельмольда (с. 83.)—tanta severitate grassantur in nos, ut propter vectigalia et servitutem durissimam, melior sit nobis mors, quam vita.—*Бальбинъ*, Чехъ, (Dissert. apol. pro ling slav. Pragae 1775. p. 11. 19.) Fatale est genti Teutonum linguas regionum mutare, aut penitus abolere. Saevius et inhumanius, ut mollissime dicam, apud Saxones actum cum Venedis; nam Saxones advenae, *Slavorum natura inimici*, hos antiquae simplicitatis homines, quibus possent artibus, opprimere statuerunt; ac primum duces Slavorum divisere discordiis, tum dissimulato universae nationis odio, divisos sunt aggressi.

lum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes. Transeunt sane dies plurimi his pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus (Ann. L. 2.). *Фабруций* (Orig. Sax. L. 3.): Slavos mori maluisse, quam servitute premi, in qua nec animi essent quieti, nec fortunae tutae, nec corpora periculorum vacua. *Беймеръ* (Discep. Hist. c. 1. p. 29.): De celebriore et potentiore gente quam Slavica nullibi legitur in historicis; quae olim totam orientalem fere Europae plagam continuerit, ita, ut si iisdem modis regna quibus occupantur, etiam tenerentur, Slavi omnium jam essent populorum potentissimi et *totius mundi Domini*. *Гайдорфъ* (Orig. ling. Sorab. Praefat):

Si par virtuti Slavis fortuna fuisset,
Orbis adoraret Slavica sceptrum tremens.

Словомъ: Plena,—говоришь Бель (Praef. къ Долеж. Грамм.)—de Slavorum antiquitate, bellis, victoriis, variante item fortuna, atque susceptis migrationibus sunt apud maxime idoneos scriptores omnia. *Антонъ* (Versuch üb. die al. Sl. I. S. 32.): Dass Tapferkeit die Slaven auszeichnete, ist wohl nicht erst zu erinnern nöthig, denn ohne dieselbe, hätten sie nie die Besitzer der grossen Länder werden können, die sie zum Theil noch haben. *Лингартъ* (Gesch. v. Krain. T. II. S. 211.): Die Slavische Nation fühlte ihren Werth und handelte nach diesem Gefühle. Sie liebte ihre Freyheit und vertheidigte sie gegen ihre Unterdrücker mit einer Verzweiflung, die ohne Beispiel war.

Отсюда и Поэзія Славянъ, народа издревле, во всѣхъ

своихъ вѣшвяхъ и подраздѣленіяхъ земледѣльческаго, проводившаго жизнь свою съ такимъ поспоянспвомъ и любовію въ объясніяхъ природы, такими неразрывными узами привязавшагося къ быту проспому, сельскому, народа, уже по той степени, которую занимаетъ онъ въ лѣспницѣ человѣческаго совершенствованія, не дикаго, но и не испорченнаго еще успѣхами въ гражданспвенности, споящаго на благодатной срединѣ, сполько желанной и искомой всѣми нами, вышедшаго уже изъ міра младенчеспва, но не успѣвшаго еще разочароваться своею юноспію, Поэзія такого народа должна неизбѣжно быть отраженіемъ жизни его, запечатлѣнной возможной гармоніей между имъ и его матерью, природой, въ коей здоровой умъ и фантазія не исключаютъ другъ друга, не ссорятся, но находясь въ счастливомъ равновѣсіи. Эта Поэзія — плодъ проспой, неискаженной природы, картина помысловъ, чувспвъ, нравовъ и дѣяній людей, не разнакомившихся еще съ пипавшею ихъ въ дни нѣжнаго младенчеспва, для коихъ она не мачиха, но мать, *веселящаяся о чадѣхъ своихъ*. Ошпого всѣ изліянія ихъ чувспвъ, всѣ ихъ пѣсни дышатъ чистѣйшею любовію къ природѣ; ошпого въ пѣсняхъ ихъ такое богатспво образовъ; ошпого они для каждаго движенія сердца своего такъ легко находятъ въ природѣ вполне выражающее его изображеніе; ошпого въ Поэзіи ихъ все такъ ясно, понятно, еспешвенно, все такъ идетъ къ дѣлу, потому что «они не мудрятъ, не поспѣютъ, сочиняя свои пѣсни; у нихъ пѣсни вырастаютъ сами, какъ цвѣпы на поляхъ зеленыхъ, и

ихъ шакое множешво, кажимъ не можешъ похва-
лишься ни одинъ народъ въ свѣшѣ 1).»

«Зпѣванкы, 2, гдѣ спе са вы взалы,

Чи спе зѣ неба падлы, чи спе раслы въ ган?»

спрашивають сами Славяне (Словаки) свои пѣсни, гдѣ
онѣ взялись, ошкуда пришли къ нимъ?

«Зѣ неба сме непадлы, въ ган сме нераспылы»

ошвѣчашють имъ пѣсни;

«Але насть младенци (2), а дѣвченце нашлы.»

Въ пѣсняхъ ихъ вы не найдете «людей власполю-
бивыхъ, жестокихъ, спрашныхъ ко всему необы-
чайному, привязанныхъ къ мечшамъ собшвеннаго
воображенія, кошорое, среди безмолвія зѣмковъ, среди
пуспынныхъ обипалищъ, окружаешъ ихъ вѣдьмами
и призраками чародѣйства, и кошорое возбуждаешъ
въ нихъ спрашъ единшвенно ко всему необычайно-
му; напрошивъ, въ пѣсняхъ ихъ увидите людей дале-
кихъ ошъ желаній причудливыхъ и спранныхъ, ошъ
спрасшей буйныхъ и насильшвенныхъ, имѣющихъ
воображеніе не своевольное и не расшроенное, спо-
собныхъ къ посшоянному совершеншвованію своихъ
нравовъ и вкуса (Каз. Бродзинскій, въ письмѣ къ
Редактору Варшавскаго журнала. См. В. Е. 1826. N
XIII.)» А все эшо ошъ шого, чшо Славяне, подобно
древнимъ (Индійцамъ, Египтянамъ, Персамъ, Евреямъ,
Элинамъ) и нѣкошорымъ новѣйшимъ народамъ, «вос-
пишали себя, не касаясь чужеземцевъ, подѣ небомъ

1) Шафарикъ.

2) Юноши, парни.

и на почвѣ своего опечесшва, въ полношѣ мужесш-
венной силы, вліявшей въ члены ихъ пишательнѣй-
шіе соки. Все, что было народнымъ и патриоти-
ческимъ, имѣло у нихъ великій характеръ единства:
ибо чужеземное прошиводѣйствіе не предшествовало
развитію опечесшвенной самобытной цивилизаціи. «
И въ самомъ дѣлѣ, «въ вѣка и тысячелѣтія Древно-
сти, народныя поколѣнія были шѣснѣе связаны меж-
ду собою и съ своею опечесшвенною почвою, мѣст-
ность имѣла большое вліяніе на особенность наро-
довъ и Государствъ. Вотъ почему эти народы въ
малой сферѣ своей, но совершенной и гармонической
по явленіямъ, достигли цивилизаціи съ прекрасными
формами и историческимъ характеромъ, даже лучше,
опредѣлительнѣе выраженнымъ, нежели во времена
новѣйшія (*Риттеръ*. См. Объ историческомъ началѣ
въ Географіи. Ж. М. Н. П. 1836. N IX. стр. 581-2).
Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ жизни Славянъ,
при такихъ природныхъ ихъ свойствахъ и характерѣ,
и ихъ естественная Поэзія неминуемо должна бытъ
зеркаломъ жизни дѣйствительной, жизни по преиму-
ществу, жизни, въ коей духовное и матеріальное, свѣш-
лый, здравый умъ и вѣрное, истинное чувство, вну-
треннее и внѣшнее, выражаемое, задуманное, и выра-
жающее, творящее и шворимое, не пересилываютъ, не
подавляютъ одно другаго, но совладаютъ во всѣхъ поч-
кахъ, проникаютъ другъ друга, но соединены шѣмъ
чрезвычайно рѣдкимъ, счастливымъ союзомъ, опъ
кошораго въ жизни человѣческой зависишь благо на-
ше, каждой единицы и всѣхъ вообще, а въ Поэзіи—
ея совершенство, красота, изящество. Такимъ обр.

Поэзія Славянъ — Поэзія жизни дѣйствительной, жизни въ полномъ смыслѣ этого слова, жизни, принимаемой « не какъ простое условіе развитія духовнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляющей и средство и цѣль бытія, вершину и корень всѣхъ отраслей умственного и сердечнаго просвѣщенія. » Поэзія, въ коей содержащаяся не одни только вымыслы ума, безъ всякаго соотношенія съ дѣйствительностію, равно и не такая, въ которой дѣйствительность перенесена во всей ея наготѣ, представляющая бытіе житейскій съ рабскою похотностію; напоминая Поэзія, непротиворѣчащая ни одному изъ двухъ міровъ — ни идеальному, ни дѣйствительному, не отдающая ни тому, ни другому исключительнаго предпочтенія; въ ней оба они присутствуютъ въ спрочайшей соразмѣрности, законы обоихъ ихъ уважены; по нимъ столько исполнено, сколько требовалось, сколько нужно было исполнить; въ ней все дышетъ, все навѣваетъ дѣйствительной жизнию. Внимая такой Поэзіи, невольно говорите себѣ: « Такъ есть! такъ похотно, дѣйствительно должно бытіе! » Эта Поэзія всегда возбуждаетъ васъ къ дѣйствию, заставляетъ жить жизнью вполне, на самомъ дѣлѣ, похому что она сама сдружилась съ жизнью, вытекла изъ нея, есть плодъ жизни, такъ сказать, *прожитой*. Къ этой Поэзіи всѣ мы теперь такъ жадно спремимся, между тѣмъ какъ предки наши давнымъ давно имѣли ее, ее, представляющую собой въ одно и то же время усовершенствованный идеалъ естественной Поэзіи и дѣйствительнаго смысла Славянъ. И этому такъ слѣдовало бытіе. Народъ земледѣльскій, про-

вождающій всѣ дни свои въ трудахъ и занятіяхъ, вовсе почти не имѣетъ времени предаваться праздности и лѣни, невольно пріобрѣтаетъ склонность къ положительному, направленіе дѣятельное, обращающееся ему послѣ въ природу; у него нѣтъ досуга играть мечтами своего воображенія, забавляться нестройными его созданіями, спроектировать другой какой-то небывалый, невѣроятный міръ, и, опъ нечего дѣлать, переселяясь въ него; напрошивъ, находясь въ состояніи общества самомъ желательномъ, самомъ несѣненномъ, гдѣ пребудешь безпреспанная дѣятельность, онъ, по тому самому, все взвѣшиваешь дѣломъ, на все смотришь глазами дѣятельнаго смысла, и не иначе привыкъ поступать, какъ дѣлая дѣло. А такъ какъ жизнь земледѣльца ни на мгновеніе не отрывается отъ природы, что бы ни дѣлалъ, куда бы ни взглянулъ, всюду видишь ее, и одну ее, то отсюда и Поэзія его вся унижена, перевиша, усыпана самыми прелестными, непоспжимо—вѣрными, изящными образами природы, словно долины благословенной Греціи, роскошно усыянные дивными, вѣчно благоухающими цвѣтами. Онъ во всякое время бесѣдуетъ съ нею, какъ своею нѣжнѣйшею матерью, всегда гостовою выслушаетъ своего сына, порадоваться его радостью, погоревать его горемъ. И пошому, повторяемъ, при такомъ направленіи жизни Славянъ къ положительному, ко всему дѣйствительному, и Поэзія ихъ запечатлѣна тѣмъ же самымъ характеромъ, дышетъ духомъ ихъ природы, ихъ свойствъ, духомъ внутренней и внѣшней жизни, выразившейся стремленіемъ къ дѣйствительности.

Какъ хорошо, вѣрно понималъ эту Поэзію пламенный Колларъ:

«Целе небе славске напелниое
 Неенъ гармоніе музицка
 А съ ни зпеву звучностъ надлидска,
 Кшера сардце дивнѣ окузлуе! . . .

Таковъ, по нашему мнѣнію, общій характеръ всей народной Поэзіи Славянъ, рѣзко опличающій ее отъ Поэзіи другихъ народовъ и дающій ей полное и законное право на одинакую съ прочими самобытность. Она, какъ и слѣдуетъ Поэзіи каждаго, самоспоятельного по происхожденію и жизни своей, народа, непохожа ни на какую другую Поэзію, ни своихъ сосѣдей и однокровныхъ, ни опдаленныхъ и чуждыхъ народовъ, исключая, развѣ, той черпы сходства, кошорою сближается все, что возникаетъ изъ нѣдръ одного и того же начала, получаетъ бытіе отъ пождеспвенной причины. Нѣкоторыя Поэзію Славянъ почишаютъ заодно съ Поэзіей Грековъ. Какъ ни леспно шакое пождеспво для насъ, но оно несправедливо, основываясь на поверхностномъ знакомствѣ съ той и другой Поэзіей. Согласны, Поэзія новыхъ Грековъ, шочно, своимъ духомъ и вообще всѣмъ соспавомъ сильно дышетъ Славянщиной, и эшо пошому, что нынѣшніе Греки, по розысканіямъ нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ ученыхъ, не что иное, какъ огречившіеся Славяне, принявшіе чуждый языкъ, но удержавшіе свой Славянскій духъ и пріемы. Но чтобы Поэзія древне-Греческая была одинакова съ Славянскою, эшо рѣшительно ложно. Если естъ

между ними какое сходство, такъ это то самое, о которомъ мы сей часъ только что сказали, сходство обще-человѣческое; далѣе то, которое замѣчается между народами, какъ и между ихъ единицами, поставленными Судьбою въ одинакія положенія, провождающими одинакую жизнь. Тутъ вся оригинальность зависишь не отъ сходства предметовъ, составляющихъ занятіе, но отъ образа проявленія себя въ занятіи, отъ пуши и пріемовъ практикованія ихъ. Всѣ, коимъ суждено дожить до глубокой старости, проходящи степені жизни человѣческой; но юность, возмужалость, и ш. д., одного человѣка, опличающія отъ юности, возмужалости другаго, получая свой характеръ отъ своего недѣлимаго: *Quemque sua voluntas trahit; Quisque suae vitae semina jacta metit* (Fort.). Такъ и здѣсь. Жизнь древнихъ Грековъ и Славянъ была одинакова — земледѣльческая; оттого Поэзія обоихъ ихъ, поочно, носивъ на себѣ печать дѣйствительности, Поэзія дѣйствительнаго міра; но это сходство, это сродство, — въ общихъ чертахъ; все дальнѣйшее у того и другаго народа — свое, самобытное, условленное особымъ характеромъ своего народа, его судьбою, образомъ выраженія жизни, нравами, обычаями, мѣстностью, климатомъ, и ш. д. Въ Поэзіи Грековъ, по общему сознанію всѣхъ знашковыхъ ея, преобладаетъ форма надъ идеей; напротивъ, въ Поэзіи Славянъ форма и идея находящаяся въ гармоническомъ соотношеніи между собою, соразмѣрномъ сліяніи, проникновении другъ друга; форма и идея не подавляютъ одна другой, но уравниваются; первая потому, что она не переходитъ за

предѣлы видимаго міра и, опшого, удобно облекается въ форму; форма пошому, что она выражаетъ идею сколько, сколько должна выразить, ни больше, ни меньше. Опсюда видно, что Поэзія Славянъ занимаетъ счастливую средину между Поэзіей Грековъ и Поэзіей прочихъ Европейскихъ народовъ, у кошорыхъ идея преобладаетъ надъ формой, у кошорыхъ форма разсыпается на части для того, чтобы помощію разнообразія выразить хоть сколько-нибудь идею: слѣдствіемъ этого бываетъ неопредѣленность, шуманность, неограниченность воображенія, и ш. д. Такое направленіе, духъ Поэзіи Греческой, Славянской и оспальныхъ Европейцевъ не есть дѣло просто случая; напрошивъ, оно—плодъ совокупности всѣхъ условій народнаго образованія, имѣетъ основаніе свое въ шѣхъ обспояшельствахъ, соединеніе коихъ порождаетъ народный характеръ, успановляетъ его навсегда. Выборъ шой или другой Словесности, шой или другой Поэзіи народами зависитъ не опъ прихоти, не опъ предварительнаго соглашенія между собою, не опъ намѣреннаго соображенія и предусмошрительности, заблаговременной, на досугъ сдѣланной смѣшы, чего имъ будетъ споить, каковы будутъ послѣдствія, выгоды и невыгоды, если они дадутъ шощъ или иной пущъ дѣяшельности своего духа, своей Литерашуръ. Напрошивъ, она условливается, совершенно опредѣляется, еще при самомъ началѣ ихъ самоспояшельнаго бышія, свободно, необходимо развивающагося по своимъ собспвеннымъ законамъ, шочно по шакимъ же, по какимъ совершаютъ весь кругъ своей жизни сущесшва органи-

ческія, повинующіяся непрекословно своимъ успавамъ и однажды на всю вѣчность опредѣленному ходу. Какъ жизнь каждаго чловѣка есть не что иное, какъ дальнѣйшее развиіе полученныхъ имъ даровъ отъ Природы, добрыхъ свойствъ и недоспашковъ, сѣмена коихъ условливались уже самимъ его рожденіемъ, какъ жизнь всякаго изъ насъ есть болѣе или менѣе удачная жатва эшихъ возрасшающихъ, зрѣющихъ сѣменъ, подбораніе плодовъ ихъ, шакъ, именно, и жизнь цѣлаго народа и всего, что ни принадлежишъ ему, есть, шоже, не что иное, какъ безпре-
 станное проявленіе шого начала, на коемъ, какъ на своемъ основномъ камнѣ, заложено зданіе всего предыдущаго его сущесшвованія. Начало эшо, какъ мы выше сказали, зависишъ отъ первобышнаго образа жизни, первоначальной самосшояшельности народа. И въ самомъ дѣлѣ, что шакое былъ древній Грекъ? Имѣлъ ли онъ время и случай глубоко заглядывашъ въ самого себя, отшвлекашъся отъ окружающаго его міра, распоряжашъся полномочно чувсшвеннымъ, внѣшнимъ? Окруженный со всѣхъ сторонъ прелесшнѣйшею природой, представляемой ему кромѣ шого самою его религіей въ крайне-плѣнишельномъ видѣ, провождая всѣ дни подъ отшкрытымъ небомъ, занимаясь дѣлами въ глазахъ всѣхъ согражданъ, публично, могъ ли онъ при шакомъ образѣ жизни, прошекавшей на шакомъ поприщѣ, гдѣ все кипѣло дѣяшельностію, бурно мчалось, само не понимая куда, не имѣя досуга обдумашъ основашельно въ вихрѣ всеобщаго спремленія и напора, могъ ли, спрашиваемъ, древній Грекъ не поддашъся обаянію окружающаго

его порядка вещей, сохранишь власць надъ *внѣшнимъ*, устояшь прошивъ его могущества? Могъ ли онъ, пласникъ опъ колыбели своей, по рожденію и положенію, свободно располагать *формой*, когда его помыслы и чувства, находясь въ непрерывномъ сполкновеніи съ великолѣпнымъ міромъ, шакъ легко ошыскивали въ немъ свое выражающее, покровъ свой, одежду для себя, шакъ непринужденно ошливались въ соопвѣстствующіе имъ изящнѣйшіе образы, представлявшіе выражаемое въ самомъ чувственномъ, осязаемомъ видѣ? ... Другое, совсѣмъ другое, былъ первобытный Германецъ. Онъ, жительство мрачнаго Сѣвера, выросшій въ своихъ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ прежде собою всю его родину, на кои смотрѣлъ онъ какъ на святыню, пишалъ родъ суевѣрнаго уваженія, и опъ коихъ даже желѣзное мужество Римлянъ препенало, Германецъ, провождавшій жизнь свою въ эпахъ дубровахъ и чащахъ, занимался, естественнo, одной только охотой, приучавшею его къ опважнѣйшимъ предпріятіямъ, пренебрегая всѣ другія занятія, какъ несогласныя съ его понятіями о своей личной независимости и свободѣ. Опшого даже земледѣліе, сполько любимое Славянскими племенами, онъ предоспалялъ своимъ рабамъ и невольникамъ, прибѣгая къ нему, развѣ, въ самой крайней нуждѣ. И шакъ какъ лѣсъ не предспавлялъ ему собой на одномъ мѣспѣ доспапочнаго жилища, шо онъ безпрестанно скишался по нему и часпо выселялся въ плодороднѣйшія области своихъ сосѣдей; но и здѣсь не могъ оспаваться долгое время, скучая по своимъ чащамъ и озерамъ, не имѣя шерпнѣя перене-

ести однообразіе осѣдлой жизни, и попому скоро возвращался въ лѣсъ, и, так. обр., былъ вѣчнымъ скитальцемъ даже на своей родинѣ. Лѣсъ пробуждалъ и поддерживалъ въ немъ это романшическое чувство, прошиву воли гнавшее его съ мѣста на мѣсто, въ какую-то неясную даль; лѣсъ, разъединяя его съ своими однородцами, заставлялъ его жить по своему, превращая охоту въ войну, и съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ характеру его то непреодолимое стремленіе къ чудесному, необыкновенному, сверхъестественному, за которымъ съ такою жадностію онъ гонялся вездѣ, и кошорое, даже и теперь, такъ нравится Нѣмцу. Провождая большую часть своего времени въ одиночествѣ, непрерывно внимая шуму своихъ вѣковыхъ лѣсовъ, онъ непринужденно входилъ въ самого себя, предавался думамъ и мечтаніямъ, позволялъ своей фаншазіи далеко по поднебесью носиться на своихъ, незнавшихъ усалосши, крыльяхъ, гордо ширявъ въ воздушной глубинѣ; и его помысламъ и мечтамъ не было границъ: они были неопредѣленны, мрачны, унылы, исполинскаго размѣра. Отсюда Поэзія его блещетъ безчисленнымъ множествомъ разнообразныхъ выраженій; отсюда въ ней замѣчается необузданный полетъ фаншазіи, вѣчное усиліе формы содѣлаться безконечною, чшобы выразишь собой какъ можно ближе, хоть нѣсколько, безконечность самой идеи. Слѣдовательно, пусть форма необходимо должна была подчиниться идеѣ, распасться на нѣсколько частей, и своимъ разнообразіемъ и многосторонностію, своимъ числомъ, соперничать съ мыслию, безъ надежды

когда-нибудь одержать надъ ней побѣду. Грекъ, обшавленный отовсюду роскошною природою, легко находишь въ ней образы для своихъ думъ и чувствъ; формы, самыя разнообразныя, самыя изящныя, добровольно, шакъ сказаешь, идушь ему въ руку, осаждая его на каждомъ шагу. Напрошивъ, Нѣмецъ, прожившій весь свой вѣкъ на дикомъ, скудномъ Сѣверѣ, въ своихъ лѣсахъ, навѣвавшихъ на него своимъ шумомъ мрачность, задумчивость, гнавшихъ его войши въ самого себя, естественно долженъ былъ заключиться, сосредоточиться въ своей сердечной глубинѣ. Его идеи, лишенная возможности проявиться себя въ богатыхъ образахъ своей бѣдной природы, облекались въ формы простыя, которыя отъ безконечности первыхъ и сами получали неопредѣленность, становились менѣе осязаемыми, необъяснимыми, совершенно подчинялись имъ: идея подавляла форму, преобладала надъ нею, владычествовала самодержавно, неограниченно. Что же Славянинъ? «Славянинъ, кажешься, отъ самой природы наслѣдовалъ склонность больше къ общественной дѣятельности и веселому проведению жизни, чѣмъ къ мрачному унынію и головоломнымъ созерцаніямъ; здоровая, чистая, свѣжая кровь, спрующаяся въ его жилахъ, сообщаетъ ему ту упругость и раздражительность мускуловъ и нервъ, то проворство и ловкость членовъ, ту ясность и пылкость взгляда, ту быстроту и пріятность движеній, ту говорливость языка, то радушіе и горячность сердца, которыми преимущественно и по всему праву отличается Славянинъ предъ остальными народами. И все это опниодъ

не есть плодъ воспитанія, образованія, упражненія, но просто дѣло природы (Gesch. d. S. Spr. u. Lit. S. 51—2).» Придайте къ этимъ дарамъ природы еще любимый образъ жизни Славянъ, о которомъ мы говорили выше такъ подробно, эту спросите ихъ къ земледѣльческому, сельскому быту, природу окружающую ихъ, природу не угрюмаго, грознаго, хладнаго, скупаго Сѣвера, не бѣдную, чахлую, равно какъ и не природу знойнаго, веселаго, смѣющагося Юга, Юга Греческаго, воздухъ, дышашій благоуханіемъ ароматовъ, землю, покрывшую блистательнѣйшими цвѣтами, вѣчно зеленѣющими деревьями и богатыми произрастеніями, напрошите природу Славянскаго міра, ни богатыю, ни бѣдную, всю заключенную въ умѣренномъ поясѣ, оплечающемся благораспоряденіемъ, своею строгою во всемъ соразмѣрностію, гармоніей. Наконецъ, присоедините сюда эту умѣренность въ желаніяхъ, то довольство малымъ, необходимымъ, эту незаносчивость въ поступкахъ и начинаніяхъ, опирающіяся всегда на благоразуміи и здоровомъ смыслѣ, оплечившемъ свойствъ Славянъ во всякое время и во всякомъ положеніи: тогда вы поймете, опчего и въ Поэзіи ихъ, какъ вѣрномъ отраженіи ихъ жизни, вездѣ видно строгое соотношеніе, гармонія между идеей и формой, между мыслию, чувствомъ и ихъ образомъ, ихъ выраженіемъ, опчего ни та, ни другая не подавляютъ другъ друга, напрошите проникающъ себя взаимно, во всѣхъ почкахъ своего соприкосновенія, сливающимся, и, так. обр., образуютъ цѣлое гармоническое, истинно изящное твореніе.

Изложивши предварительно, по крайнему своему разумѣнію, основанному на внимательномъ, оппечисшомъ и совѣспливомъ изученіи, общій духъ, главное направленіе и оппличительныя свойства Народной Поэзіи Славянъ вообще, мы теперь попытаемся означить, какъ эта основная идея проявлялась въ частномъ, какъ она въ немъ высказывала себя, какъ каждое Славянское племя выражало ее въ своей собственной, такъ сказать, домашней Поэзіи, въ какіе образы она облакалась у нихъ, какія принимала формы, частное направленіе, не измѣняя себя, удерживая свою сущность; однимъ словомъ: какой характеръ и другія знаменательныя черты Народной Поэзіи, или, что все равно, пѣсень каждого оппдѣльнаго Славянскаго племени? Въ чемъ онѣ сходящіяся и оппличающіяся между собою въ дальнѣйшихъ подробностяхъ? какую тему каждый изъ Славянскихъ народовъ бралъ себѣ и распѣвалъ, и въ какую одежду облакалъ ее? Частный характеръ Поэзіи есть необходимое слѣдствіе общаго ея духа, который, какъ уже и выше было замѣчено, зависить оппъ духа народа, порожденнаго его жизнію, обспоятельствами, сопровождавшими его сущесствование и выработавшими его личный, ему одному только принадлежащій, свойственный, характеръ. Слѣдовательно, чтобы уловить частнѣйшія оппличительныя свойства Поэзіи народа Славянскаго, иначе собственный характеръ Поэзіи каждого его племени, нужно разоблачить всю прежнюю и настоящую жизнь народа, со всѣми ея оппщѣнками. Гдѣ же ключъ къ этому? Въ самой Поэзіи народа, въ его пѣсняхъ, пошому

что Поэзія, какъ извѣстно, предпочтительнѣе естъ самое вѣрнѣйшее, самое безпристрастнѣйшее и основательнѣйшее изображеніе, ошпечатокъ образа бытія своего народа, какъ своего виновника. Народъ не можешь взводишь на себя небылицъ, воспѣваешь въ свсихъ пѣсняхъ чужую жизнь, чужія дѣянія, помыслы и чувствованія, выдаешь за свои. Нѣтъ, въ нихъ онъ изображаетъ то, что самъ испыталъ собственнымъ своимъ опытомъ, что ему выпало на его долю, что онъ встрѣпилъ на своемъ жизненномъ пути, что онъ *пережилъ* своею жизнью....

Начнемъ.

I. Чехи, изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ на [Западѣ Европы, долѣе и мужественнѣе прочихъ боролись съ Нѣмцами, покушавшимися выпѣснить ихъ изъ ихъ родины или, по крайней мѣрѣ, овладѣть и онѣмечить, точно также, какъ они сдѣлали это съ несчастными при-Балтійскими, Браниборскими, и др. Славянскими племенами. Вся ихъ исторія, вся ихъ жизнь, представляешь собою непрерывную цѣпь безпрестанныхъ, неумолкаемыхъ споровъ, браней и войнъ съ своими сильными сосѣдями, столько настойчивыми, по самой природѣ своей, въ задуманномъ и начатомъ однажды дѣлѣ, систематически губившими и переводившими инородцевъ, обратившихъ по какому бы то ни было поводу на себя ихъ негодование, гнѣвъ. Но какъ ни постоянны были Нѣмцы въ своихъ напискахъ, какъ ни неутомимы и разнообразны въ борьбѣ съ Чехами, но шупъ встрѣтили истинно Славянское мужество, стой-

косць и крѣпосць. Огражденные со всѣхъ почти сторонъ горами и лѣсами, занимая выгодное мѣстоположеніе и пишая спраспную привязанность къ своему языку и всему родному Чехи, несмотря на свою малочисленность и всестороннее сосѣдство Нѣмцевъ 1), несмотря, даже, на сильную приверженность къ Нѣмечинѣ многихъ своихъ Князей и Королей 2), тѣсныя ихъ связи съ Нѣмецкой Имперіей, бодро, неусыпно опспаевали свою дѣдину. Можно судить, какихъ усилій споило имъ удержашъ за собою опчизну, сохранишъ свою народную самообразность, не переродишъся въ Нѣмцевъ, можно судить о долговременности ихъ напряженій и прошивуборспва эшимъ послѣднимъ по словамъ одного Чешскаго вишязя IX вѣка (см. Краледв. рук.), въ копорыхъ онъ жалуешся на шо, что

«,,,Прінде цузи
усилно въ дѣдину
и цузими словы
...заповида,»

что имъ, еще тогда, нельзя было уже сказать своему шоварищу:

«Бапю 3), шы млуви къ нѣмъ (дѣшямъ)
опецкыми словы.»

Тѣснимые опъ всѣхъ чешырехъ вѣшровъ посшоянно

- 1) Еще Князь за-Лабскій говоришъ (въ Краледв. рук.): «Вездѣ намъ сусѣде нѣмци.»
- 2) Владиславъ 1-й, Собѣславъ 2-й, Фридрихъ 2-й, Премысль Опшпокаръ, Вацлавъ 1-й, Опшпокаръ 2-й, Янъ Люксембургскій, и др.
- 3) Брашець!

одними и шѣми же врагами, они имѣли полное право говорить свѣспилу небесному:

« Ай ты слунце, ай слунечко!
ты-ли си жалоспиво,
Чему ты свѣспишь, на ны,
на бѣдне люди?
Кдѣ еспѣ киѣзь, кдѣ людѣ наши браны?
кто ны врагомъ выпрже,
сира власпице?
Другымъ шагемъ нѣмци шагу,
въ наше кранны.
Дайте, небожашка, дайте,
спрѣбро, злапо, збожице,
поки вамъ, выжегаю
дворы, хыжице! 1). »

Однако же, при всей неупомимости непріятелей своихъ, не взирая на собственное сознаніе, что

« Трудно намъ валети съ шѣми врагы 2), »

они высились въ « краинахъ надъ врагы, » испребляли въ своихъ « земѣхъ непрятелы, » зная твердо, что

« Мрзкостѣ еспѣ пороба господину,
грѣхъ въ поробу самохтѣць дапи шію. »

Бальбинъ (Epit. Boh. p. 1.) справедливо судилъ, говоря: « Bohemia omnibus saeculis cruenta. » Но никогда ненависть Чеховъ къ своимъ недругамъ не доходила до такой высокой степени, до такого, почти нечеловѣческаго, изсупленія, какъ въ продол-

1) Бенешъ Германовъ. См. Краледв. рукоп.

2) Чеспміръ а Влаславъ. Там.

женіе XV-го стол., когда долгошерпѣніе Чеховъ, больше нежели обиженныхъ навязываніемъ имъ чуждаго языка, чуждыхъ нравовъ, обычаевъ, одѣянія, и ш. п., наконецъ совсѣмъ лопнуло, и месъ, свирѣпая, жестокая, неушолимая месъ, вспыхнула одновременно и единодушно въ сердцахъ и обняла своимъ заревомъ не только Чехію, но и смежныя Славянскія земли. Тогда-шо мужество Чеховъ разыгралось бурнымъ ураганомъ, и уже ничто въ мірѣ не могло оспановишь Чешскихъ львовъ. Прочъ Лапынство, прочъ Нѣмчизна, прочъ все не свое, неродное! Чехи оппали опъ Вашикана, ни думавшаго, ни гадавшаго о шомъ. Они, водимые здравымъ смысломъ, скорѣе прочихъ замѣшили излишество власши, присвоенной Первосвященниками Рима, ея злоупотребленія въ дѣлахъ Вѣры, перешедшія слишкомъ далеко за предѣлы всякой мѣры, ихъ самоуправство, опступленіе опъ чистоты первобытнаго Христіанскаго ученія, и первые изъ Европейцевъ возстали опкрытымъ образомъ, лицомъ къ лицу, дѣйствуя и словомъ и дѣломъ, прошивъ недосшойныхъ Намѣстниковъ Пешра, при своихъ золотыхъ ключахъ шолько и помышлявшихъ, что о золотѣ, первые произвели *противодѣйствіе* въ царствѣ Религіи. Они старались *преобразовать* (*reformare*), обновишь, воспроизвесъ ее въ прежній видъ, искаженный суешношю и чувственностію Папъ, прошивупоставляя, шак. обр., силамъ Запада мощъ Воспока, напискамъ Романо-Тевшонскихъ племенъ спойкостъ племенъ Славянскихъ. И напрасно вѣчный Градъ гремѣлъ сво-

ими громами, напрасно онъ мешалъ свои огненные перуны, грозилъ и предавалъ анаѳемъ, поднималъ всѣ народы и земли, всѣхъ владыкъ и сильныхъ Запада ополченіемъ, гналъ толпы крестоносцевъ (Пій II-й, Павелъ II-й, и др.). Чехи не испугались, шли весело на явную смерть, какъ на пиръ, и предводимые своими *грдинями* (Жижкой, Прокопомъ Большимъ или Голымъ, Прокопомъ Малымъ или Прокопкомъ, Горкой, и др.), удивили всю Европу мужесствомъ, шакъ, что самые ихъ враги сознавались, что въ то время «Чехове сами вице-красе вишѣзсви добыли, нежли мнози ини народове по celý бытъ свуй (Aeneas Sylvius, послѣ Папа Пій II. См. Юнгм. II. Чеш. Лист. стр. 67.).» О, тогда именно, какъ говоришь одна ихъ старинная пѣсня:

«и бы кланѣ, и бы порубанѣ,
и бы лканѣ, и бы радованѣ!...»

Передъ ихъ храбростію, соединенной съ совершеннымъ знаніемъ военного искусства, поддерживаемой правою дѣла и любовію къ независимости и родинѣ, все падало ницъ, все препешало и уступало. 13 лѣтъ не допускали они до престола Императора Сигизмунда, дѣйствовавшего противъ нихъ со всею почтою Западной Европой, и только за два года до смерти его ошворили ему вороша въ спольный градъ, но ошворили по доброй волѣ, сами испребивъ, ни кѣмъ неисребимыхъ, *Таборитовъ*. При *Подѣбрадѣ*, признанномъ всѣми современниками воинспвеннѣйшимъ и лучшимъ полководцемъ, они снова выдержали напоръ, чущъ не всей, Европы, двинувшейся на

нихъ по манію Римскаго Владыки, и со славою вышли съ поля бившы, вездѣ и всюду пожиная неувядаемые лавры. Aeneas Sylvius, современникъ и свидѣтель эпои исполинской борьбы Чеховъ, говоритъ въ своей *Historia Bohem.* (Praefat.): «Nec mea sententia regnum ullum est, in quo tot mutationes, tot bella, tot strages, tot miracula emergerint, quo Bohemia nobis ostendit.» Эпои воинственности, эпои ненависти, особенностями къ Нѣмцамъ, никогда не покидала Чеховъ, и, какъ всѣмъ извѣстно, начало славной тридцатилѣтней войны, эпои великолѣпнаго, чудеснаго эпизода въ жизни Западныхъ Государствъ, которыми одни сколько гордящся, другіе сколько гнушающся, начало эпои войны, освободившей Германскій Сѣверъ Европы отъ зависимости Рима, принадлежишь, поже, Чехамъ, пошому что она въ сущности своей не что иное, какъ только продолженіе, возобновленіе войны Гусситской: ее не было бы, по крайней мѣрѣ не въ такомъ видѣ была бы она, если бы не было эпои послѣдней. Только она кончилась не въ пользу ея виновниковъ, не пошому, чтобы Чехи забыли мужество своихъ предковъ; нѣтъ, а пошому, что герой ихъ, природный Чехъ, глава противной партіи, партіи Императора, Каполиковъ, эпои чудный Вальдштейнъ (переименованный Шиллеромъ въ Валленштейна) задумалъ инымъ образомъ доставить перевѣсъ своей опчизнѣ. Но рука, поразившая его преждевременно, и, еще прежде, бивша Бѣлогорская, послѣ которой вся надежда Чеховъ почилла на немъ, «целый чешскій народъ, какъ говоритъ Добровскій (см. Пресл. Ростлинаръ стр. 10.),

на души и на шѣле огромила а высилила.» И
шочно, хошь въ попомкахъ жилъ шопъ же самый
мощный духъ, шѣ же чувства ихъ волновали, шѣ же
мысли и поняшїя пролешали въ головахъ ихъ длин-
ной вереницей о прежнихъ, минувшихъ, дняхъ сла-
вы,

« Неседнулъ же никды на домъ Нѣмецъ, »

хошь сердце ихъ горевало горемъ

« . . . пуснымъ шѣмпо градомъ, »

думы смѣнялись думами о постигшемъ ихъ несча-
стїи и отношенїи къ шѣмъ, копорыхъ опцы ихъ
первоначально «пре рабошы» къ себѣ «прїяли,» копо-
рые «драли и копали, боли вжды найшенши,» но те-
перь «вчилъ» имъ «розказую,» хошь они видѣли, чшо
«Ческа земѣ

Зособнѣна, а ты спранаше

Гадры су въ ни цизоземцо племѣ,

и очень знали, что

« Пѣкнобрега Нѣмцо сокынѣ 1)

Звишѣзила въ преможенн самемъ; »

но, опушанные со всѣхъ споронъ цѣпями, они не
могли уже сказашь другъ другу, какъ эшо было
прежде:

« Нешужте, кметице, нешужте!

южъ вамъ правичка вспава,

тако длуго спупана

цузимъ копышемъ.

1) Соревновательница, соперница.

Выше вѣнце зъ полскыхъ квѣшовъ,
 свему выпросителю!
 Осень 1) съ зелена,
 промѣнь съ вше. «

Но *выпроститель* (спаситель, избавитель) не приходилъ къ нимъ по сю пору.... Не смотря, однако же, на то, чувствованія ихъ не перемѣнились нимало къ шариннымъ своимъ недоброхошамъ:

«Тенкрапъ Нѣмецъ Чеху прее,
 Кдыжъ се гусъ на ледъ грее, —»

не понизились ни одной ступенью, напрошивъ под-
 нялись еще больше, еще выше. Прислушайтесь, что
 они говорятъ сами о себѣ въ шеперешнемъ порядкѣ
 вещей:

«Мы цо ини доказали знаме,
 Нежъ по скрыпо преде иными,
 Цо мы въ книзе лидспва быпи маме.
 Вшецко маме, вѣрше мои дрази
 Сполувласпенци 2) а прапеле!
 То, цо мези велке, доспѣле,
 Въ чловѣченспвѣ народы насъ сази.
 Нуже! покудъ сардце млоде бѣе,
 Гледѣме шпѣспи власпи 3) ласкаве,
 Бдици пробужуйше дримаве,
 Тепли хлодне, живи вше цо гнѣе.
 Дейте намъ шу, съ духемъ вшеславоспи,
 А ай народъ маме видѣпи,
 Якый не былъ ешпѣ въ минулоспи....

Ихъ прошиводѣйствіе «невласпенцамъ» несвоимъ, не-
 родному, ни чушь не уменьшилось, но шолько, слѣ-

1) Жатва.

2) Соотечественники, земляки.

3) Опечество, родина, своя спорона.

дую закону extremae necessitatis, измѣнило свой бѣгъ, перемѣнило прежнее поле битвы на другое, новое, ограничилось внутреннимъ прошивуборствомъ, не имѣя возможности направлять свои удары собща, въ одно и тоже время, словомъ и дѣломъ. Тѣмъ не менѣе борьба продолжается, съча кипишь, и бьешь и хлещешь, неушомимо, беззапретно, неумолкаемо, и едва ли когда кончится. Любовь къ родинѣ, къ своему, сильнѣе всего въ мірѣ въ сердцѣ Чеха:

« Вшуды добръ, дома найлепѣи,
 Паромъ 1) по вшехъ вшуды цизинахъ!
 Ахъ мнѣ ве Славенскихъ краинахъ
 Сама земь ужъ вони пріємнѣи 2). »

Онъ помнишь, чшо

« Краснѣи се никдо негоноси
 Смѣлымъ челемъ, яко власпенецъ,
 Енжъ въ свемъ сардци целый народъ носи... »

Теперь спрашиваемъ: Жизнь, въ кошорой событія безпресшанно смѣнялись событіями, не давая ни на мигъ обозрѣться, ошановишь взоръ на быломъ, осмопрѣшь наспоющее, задумаешь надъ грядущимъ, когда, не покончивъ одного, должно было начинатьъ тысячу другихъ дѣлъ, переплешавшихся между собой чудно, непоспизжимо, фаншаспически, когда брань слѣдовала за бранью, чувспшованія волновались, шипѣли, брызгали и бурной, неукропимой рѣкою неслись, все увлекаая и низвергая въ свою бездонную пучину, когда въ эшомъ хаошическомъ

1) Перунъ, громъ.

2) Пріятнѣе, сладостнѣе.

положеніи умъ, эгошъ царь души, бросалъ свой скипешъ и руль, фантазія неслась на всѣхъ крыльяхъ, обыкновенный, прозаическій порядокъ вещей невыразимо-странно перемѣшанъ, а человѣкъ приведенъ въ высшую степень раздражительности, уязвленъ, такая жизнь, скажите, какіе должна была вызывать изъ глубины его души звуки, какія ощущенія породить въ немъ, что должно было тогда двигать, потрясать его человѣческой сущавъ? Какою печалью должны были означиться его поэтическія изліянія? Какой родъ Поэзіи вызывала такая его жизнь? Да какой же, Боже мой, какъ не *Лирической*? Лучшаго, желаннѣйшаго положенія для Лирики нельзя, и никакъ не вправъ, ни претовашъ, ни хотѣшь. И въ самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ Чеховъ вы видите преимущественно чувствованія копорыя непосредственно льются изъ сердца и опъ сердца и, пошому, прямо до него достигающъ, чувствованія, выражаемыя либо въ минушю порожденія ихъ, на самомъ мѣстѣ дѣйствія, въ жару кипѣнія, либо, спуская нѣсколько времени, при разсужденіи о волновавшемъ душу, при воспоминаніи о быломъ спраданіи, нѣкогда разрывавшемъ сердце, но теперь, своимъ воспоминаніемъ, доставляющемъ какую-то тайную, безопечную сладость, либо же въ пѣсняхъ ихъ вспрышите чувствованія, выраженные по поводу думъ о событіи, вспавшемъ на мысль случайно, гдѣ разсказъ ведется со всею простошю и дѣшскою опкровенностію, и перевитъ ощущеніями, шупъ же родившимися. Отсюда, пѣсни перваго рода имѣющъ шонъ *Оды*: онѣ чрезвычайно живы, порывисты, спремительны, испоргающъ изъ

сердца свѣтлой, роскошной рѣкой. Но ихъ гораздо меньше, чѣмъ пѣсень вѣраго рода, носящихъ характеръ *Элегій*, въ коихъ струятся чувствованія болѣе скокойныя, тихія, легкія, безъ всякихъ судорожныхъ изспупленій, въ свободныхъ, естественныхъ, непринужденныхъ звукахъ: эпосъ разрядъ чрезвычайно многочисленъ. Наконецъ, пѣсни вѣраго рода, ошмѣченныя знакомъ *Романса*, *Лиро-Эпическія*, ошмѣчающіяся спокойнымъ изложеніемъ, соединеннымъ нерѣдко съ игривымъ движеніемъ, часто съ примѣсью чудеснаго, темнаго, фантасмическаго: онѣ очень просты, незамысловаты и, во многихъ случаяхъ, обязаны началомъ своимъ какому-нибудь преданію, повѣрю (повѣспи, бахорки), и ш. п. Эпѣхъ пѣсень меньше всего у Чеховъ, копорые «смишени шаковето лирикоепицке за невкусне маю 1).» Чешскій пѣвецъ поешъ просто однѣ лишь пѣсни; «бахорки, дѣе сшаре анебо новины скоро 2) никды 3).» И далѣе: хопя Чешскій селянинъ слушаетъ шерпѣливо пѣсни пѣвца о «враждахъ, комешахъ а пророцвихъ», и ш. д.; однако «недбае много, абы се е зпиваши навчилъ:» ворошаясь домой, онѣ ихъ *повторяетъ* ошѣ нечего дѣлашъ; у него перенимающъ другіе, и онѣ ходяшъ по селенію въ родѣ *сельскихъ новинъ* (седлске новины), ни болѣе ни менѣе 4). Ошѣ чего же такая немилосш Чеховъ къ пѣснямъ изъ обласпи Эпопей?

1) *Ярославъ Лангеръ*. См. Ч. Ч. М. 1834. N. 3, стр. 269.

2) Почти.

3) Никогда.

4) Онѣ же.

Мы уже выше говорили, что народная Поэзія, какъ чистѣйшее выраженіе духа народнаго, всегда условливается образомъ жизни народа, степенью его совершенствованія; иначе она не была бы шѣмъ, чѣмъ есть, чѣмъ должна быть по своей природѣ и назначенію. И потому, согласно эпохѣ существованія и образованности народа, у него являеяся Поэзія, которая есть плодъ и представитель тогдашней его жизни, слѣдовательно имѣетъ свой особенный характеръ, свое особенное направленіе, и т. д. Если, почему бы то ни было, какой періодъ бытія народнаго оспался невоспѣтымъ въ свою пору, то такая потеря никогда уже не можетъ восполниться. Чехи, какъ и многіе другіе народы, имѣли, поже, свой Геройскій вѣкъ, воспѣвали дѣла своихъ доблестныхъ богатырей, и потому у нихъ есть пѣсни *грдинске, выправне*. Поэзія ихъ въ началѣ своемъ была Эпическая. Большую часть эпическихъ пѣсень время унесло съ собою; но кой-какія сохранились въ, шакъ называемой, Краловорской рукописи, открытой извѣстнымъ Вацлавомъ Ганкой (1817 г.). По нимъ, по эпическимъ уцѣлѣвшимъ пѣснямъ, можно судить о богатствѣ Чешской Эпопеи въ стародавнія времена. Нѣкоторыя были вооружались противъ древности эпическихъ пѣснопѣній; но, какъ бы то ни было, судя по одному письму, ихъ относятся уже къ XIII в., а другія (напр. *Либушинъ Судъ*) даже къ XI; судя же по языку и др. свойствамъ, есть нѣсколько, восходящихъ къ началу IX в. (Забой а Славой, Чешмѣръ а Влаславъ). Юнгманъ (въ своей Исторіи Чешской Словесности) говоритъ:» Снѣмы (сеймы), Чешмѣръ, Забой

и, можешъ бышь, Еленъ, своимъ содержаніемъ принадлежашъ къ эпохѣ (500—875 г.) эпохѣ, во 1) пошому, что по обращеніи Чеховъ въ Христіанство, покончившемся въ X вѣкѣ, невѣроятно, чшобы кто-нибудь сочинялъ пѣсни, дышащія такъ сильно язычествомъ; напрошивъ ихъ, уже соспавленныя, могъ всякой сохранить изъ естесшвенной любви къ своему родному языку; во 2) переписчики эпѣхъ пѣсень не были сочинителями ихъ: доказательствомъ тому многія ошибки и порча стиховъ, замѣчаемая особенно въ древнѣйшихъ изъ нихъ, между тѣмъ въ *Ярославѣ*, какъ новѣйшемъ стихошвореніи (полов. XIII в.) и меньше переписывавшемся, вовсе этого не видимъ; въ 3) многія мѣстныя обстоятельства, внутренняя истинность и весь ихъ сошавъ говорящъ ясно о томъ, что онѣ началомъ своимъ обязаны, если не современнымъ, по крайней мѣрѣ ближайшимъ къ этимъ послѣднимъ, пѣвцамъ; въ 4) самый языкъ свидѣтельствуетъ объ ихъ глубокой древности (ср. 9). » Так. обр., обращая вниманіе на содержаніе этихъ пѣснопѣній, видимъ, что Чешская народная Поэзія началась Эпикой, чему и слѣдовало такъ бышь по условіямъ жизни древнихъ Чеховъ, ихъ мѣстному положенію, отношенію къ своимъ сосѣдямъ и собственному природному характеру. Далѣе, когда героическій вѣкъ Чеховъ прошелъ, когда они, опѣ внѣшняго соприкосновенія и сношенія съ западными Европейцами, быстро подвигавшимися въ своемъ образованіи и гражданственности, и сами, въ слѣдъ за ними, начали гражданскую жизнь, просвѣщеніе себя науками, искусствами, и ш. д., вступили

въ другой возрастъ, возрастъ броженія и кипѣнія
спрасей, величайшаго развитія и напряженія силъ
душевныхъ и шѣлесныхъ, находясь въ вѣчной дѣя-
тельности, требовавшей непрерывнаго, личнаго уча-
стія, и неоспалявшей времени взглянуть чистыми,
свѣшлыми глазами на текущее, прошедшее и насшу-
пающее, въ эпошъ передъ ихъ жизни и Поэзія ихъ,
согласно Лирикѣ жизни, должна была измѣнить свой
прежній характеръ и принять новый, *Лирический*, обра-
щавшись въ пѣсни *Лирическія*. Вотъ и вся разгадка шущъ.
Безъ сомнѣнія, это должно понимать вобщности,
о большинствѣ народныхъ стихотвореній, о перевѣ-
сѣ одного направленія надъ другимъ. Спрогихъ гра-
ней въ области Поэзіи, какъ и въ жизни, провести
нельзя; исключенія необходимы и тамъ, и здѣсь,
и вездѣ. Переходы бывающъ шакъ посшепенны, не-
замѣшны, что вовсе невозможно навѣрное указать,
гдѣ именно одна область оканчивается, а другая
начинается; обыкновенно, въ шакоемъ случаѣ, предѣ-
ломъ первой полагающъ ослабленіе общности ея
и преобладаніе общности другой, начало кошорой
скрывается всегда въ предыдущемъ. Такъ въ періодъ
Эпической Поэзіи у всякаго народа находимъ много
стихотвореній *Лирическихъ*; и пошому нѣшъ ничего
удивительнаго, если и у Чеховъ въ этомъ періодѣ
вспрѣчаемъ пѣсни *Лирическія*, въ кошорыхъ пѣснь
льется «опъ сердца къ сердцу,» напр. Зезгулице (ку-
кушка), опличающаяся анакреоншическимъ изящесш-
вомъ, Кышице, Руже (букешъ, роза),—нѣжной грустью
Опушѣна, Скриванекъ (брошенная, жаваронокъ),—без-
конечной горесшью, Ягоды,—свободной радосшью юно-

шескихъ лѣтъ, Збыгонъ,—смѣлымъ освобожденіемъ похищенной Милой, Людише а Люборъ,—рыцарскимъ подвигомъ для полученія невѣсты-Княжны, Елень, —горесшью дѣвъ по юношѣ, убишомъ его злодѣемъ, и мн. др. И пошому названіе Лирической, Эпической и ш. д., Поэзіи, должно присвоять извѣстному періоду Поэзіи, единспвенно по перевѣсу кошорой-нибудь изъ нихъ въ народныхъ стихотвореніяхъ. Въ собспвенномъ, спрогомъ смыслѣ, нѣтъ чистшй, безпримѣсной, самосшояшельной ни Эпики, ни Лирики, ни Драмы; а говоря о нихъ опдѣльно, всегда разумѣемъ преобладаніе шой или другой надъ осшальными. Въ Чешскихъ народныхъ пѣсняхъ преимущественно замѣчаемъ перевѣсъ Лирики, слѣдовашельно эшо Поэзія—*Лирическая*, хошя ешть стихотворенія, какъ мы сказали, и Эпическія; но они, въ сравненіи съ Лирическими, — капля въ морѣ....

II. Топъ же самый духъ вѣешъ и въ пѣсняхъ *Моравскихъ*, пошому чшо *Моравцы*—шѣже *Чехи*, но называющся шакъ по мѣспу своего жишельспва, именъ географическимъ. Нравы, обычаи, языкъ, и ш. д., у нихъ одинаковы съ Чешскими, исключая небольшихъ, очень незначительныхъ, разностей и опспупленій, зависящихъ опъ мѣспности и сосѣдства съ другими Славянскими племенами и чужеземцами, напр. Мораванъ на границѣ Венгріи, спалкиваясь съ Словаками, въ выговорѣ словъ своихъ имѣешъ много Словацкаго (болъ, душа), на границѣ Польши-много Польскаго (вмѣсто *í* употребляетъ *ó* съ прибавкой неполнаго *n*), и ш. д. Опсюда, языкъ Морав-

скій составляетъ собой переходъ языка Чешскаго къ языку другаго сосѣдняго Славянскаго народа, и пошому въ Моравіи часшо слышите, чшо одинъ и шощъ же человекъ произнесетъ вамъ шоже самое слово разъ шакъ, а разъ инакъ. Историческая жизнь Моравцовъ шѣсно, неразрывно, соединена съ жизнью Чеховъ. Правда, сначала Моравія пошла было инымъ пушемъ при своемъ знаменишомъ К. Сватоуплукъ (ум. 894.), котораго К. Багрянородный (De adm. imp. с. 14, 42.) называетъ освободителемъ своего народа и прочихъ южныхъ Славянъ опъ иноземцовъ и основателемъ огромнаго Велико-Моравскаго Царства, заключавшагося между Эльбой, Тиссой, Дравой и Савой; но скоро, по смерти его, Царство эшо, раздробленное между шремя его сыновьями, жившими небрашски, сдѣлалось добычей Нѣмцовъ и Венгровъ. Бретиславъ, сынъ Удалярика, присоединяетъ его 1029 г. къ Чехіи, и съ шѣхъ поръ судьба Моравіи спановишя неразлучною съ судьбой Чехіи:

« Она, ачъ еспъ ныни дѣепозна,
Другды 1) была въ панствѣ широка,
Славске речи пилна, въ бои разна 2). »

Перечитывая пѣсни Моравцовъ, мы ничего не нашли въ нихъ опличнаго опъ пѣсень Чешскихъ: шощъ же характеръ, шѣже свойства, шѣже любимые обороты, сравненія, и ш. д.

III. Словаки, самы себя называющіе Словенцами, пошомки шѣхъ Карпатскихъ и Дунайскихъ Славянъ,

1) Нѣкогда.

2) Слав. Дцер. знелка 218.

которые въ древности занимали собой все пространство отъ Дуная и Тиссы до Карпатъ, превозили еще при Юстиніанѣ Греческую Имперію, никогда, по свидѣтельству Исторіи, не составляли самобытно существующаго политическаго народа, исключая, развѣ, того времени, когда всѣ народы бывающіе самобытны, времени младенчества народа, до-историческаго. Сперва они были членомъ Велико-Моравскаго Государства, потомъ, по разрушеніи его, вошли въ составъ Венгерскаго, наконецъ Римско-Нѣмецкой, послѣ Австрійской, Имперіи. При такомъ ужасномъ опустошеніи политической жизни Словаковъ, очевидно, въ Поэзіи ихъ нельзя искаать драматической стихіи, ея преобладанія, всегда свидѣтельствующаго о сильной политической дѣятельности народа. Окруженнымъ со всѣхъ сторонъ многочисленными, могучими, сосѣдами: Нѣмцами, Венграми, Чехами, Поляками и Руссинами, что оставалось имъ дѣлать? Можно ли было помышлять о самобытности? Конечно, у нихъ нѣтъ недосадка въ пѣсняхъ историческихъ; но всѣ эти пѣсни относящіяся къ событіямъ, въ которыхъ Словаки играли второстепенную роль, участвовали не *sua sponte*, спонтанно, пѣсни, принадлежащія больше къ Исторіи господствующаго народа. Избытокъ въ этихъ пѣсняхъ скорѣе указываетъ на общую всемъ Славянскимъ племенамъ природную склонность къ Поэзіи, пѣснопѣнію, чѣмъ на избытокъ политической дѣятельности Словаковъ. Если «Словенка въ Уграхъ есть, ахъ шакъ диме 1), ушавична, непрепержена писень, есть звидишелна

1) Говорить, сказать.

проспонародни Муза, а и будь въ жели будь въ радоспи успа заврипи 1), былабы снадъ 2) найцишелнѣши 3) покуша 4) про ни на земи,» если «кде она нени шамъ вше пусто а нѣмо, камъ она приде озиваи се шудижъ 5) либезнымъ зпѣвогласемъ поле, винице 6) заграды 7), пагоркы 8) а долины, якобы ей припомносшъ 9) вшемъ спромомъ а кровинамъ живе языки пропочила 10),» если, говоря словами Словацкой же пѣсни, «Кде Словенка шамъ зпѣвъ» или:

«То божѣ слнѣчко по неби си бега,
То словенско плема вшаде са роздѣга,»

если все эшо шакъ, шо какъ же они могли пропусти безъ вниманія чшо-нибудь, ошносящееся до ихъ родины, не воспѣшь событія, случившагося на ихъ землѣ, предъ ихъ глазами, сдѣлавшаго на нихъ впечатлѣніе, имѣвшаго непосредственное вліяніе? Тогда Славянинъ не былъ бы Славяниномъ. Так. обр. Словаки, находясь подъ чуждымъ правленіемъ, ещеспвенно должны были обратишь свою дѣяшельность въ другую спорону, на другіе предметы, искашь другихъ заняшій. Къ чему же было прежде всего,

1) Сомкнушь, заключишь.

2) Можетъ быть; легко; безъ сомнѣнія.

3) Самое чувствительное.

4) Наказаніе.

5) Тотчасъ, немедленно.

6) Виноградникъ.

7) Сады.

8) Присутствіе.

9) Кустарникъ.

10) Доставила. См. Познам. а поедн. ку Слов. п. спр. 488.

сручнѣ имъ обратишься, какъ не къ природѣ, къ домашней, семейственной, сельской жизни, сколько любимой искони всѣми Славянскими племенами? Славяне, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, ошъ природы — народъ миролюбивый, ошъ пеленокъ предпочитавшій жизнь тихую, земледѣльческую всему прочему; а если когда мѣнялъ соху на мечъ, то не иначе, какъ только въ самомъ крупномъ положеніи, чшобы опсшояшь себя, свои права и свободу, и потомъ, по прошествіи ненастья, снова ворошишься къ своимъ полямъ и лугамъ. Эту любовь къ сельской жизни и ея занятіямъ, любовь къ природѣ, предпочтительно питали и питающъ Словаки, хошя въ ней нельзя опказать и другимъ Славянскимъ народамъ; но первые, по своей малочисленности и невозможности играть блестящую роль на политическомъ поприщѣ, по своему мѣстному положенію, и ш. д., передъ всѣми однородцами долѣе согрѣвали ее, такъ что они душой сроднились съ природою. А потому они народъ, можно сказать, въ Европѣ—самый близкій въ первобытной патриархальной жизни, народъ, по преимуществу, самъ въ себѣ живущій, миролюбивый, тихій невинный, довольствующійся малымъ, что посылаетъ ему его доля; ему нѣтъ нужды ни до какихъ потрясеній и переворошовъ. Онъ спокойно смотритъ на наши гражданскіе бураны и невзгоды, всегда готовъ навстрѣчу всѣмъ случайностямъ и съ евангельскимъ терпѣніемъ понести крестъ житейскихъ горестей; онъ цѣлымъ сердцемъ преданъ своему быту, всѣмъ занимаешься, есть самый трудолюбивый и спокойный на-

годъ. Въ то время, какъ другіе ломають головы и чахнутъ надъ полишкой, онъ, говоритъ Чапловичъ (въ своей *Gemälde von Ungarn*. Т. II. S. 45), «*arbeitet gern mit Händen und Füßen, versetzt sich aus die manichfaltigsten Erwerbszweige. Er baut sein Feld, züchtet Vieh, handelt, treibt Gewerbe, arbeitet in Bergwerken, ist ein geschickter Fuhrmann, zu Wasser und zu Lande, Sorger und Vogelfänger, lernt fleissig.*» Отсюда и въ пѣсняхъ ихъ, какъ образъ народной жизни, такой бытъ ихъ долженъ рисоваться неминуемо широкою кистью. А если это такъ, каковъ же характеръ ихъ Поэзіи, духъ ихъ пѣсень? Тотъ самый, который вытекаетъ естественнo изъ жизни сельской, земледѣльской, бываетъ непринуденнымъ ея слѣдствіемъ, опличительнымъ признакомъ. Слѣдовательно-Идиллическій, характеръ Идилліи въ ея первичномъ видѣ, въ ея истинномъ значеніи, или, если хошете, въ такъ называемомъ обширномъ смыслѣ, Идилліи, какъ полной картинѣ, безыскусственномъ, чистѣйшемъ изображеніи жизни и быта людей, не разнакомившихся еще съ природой, близкихъ къ ней, неиспорченныхъ нашею прищипною, черезъ чуръ уже переищренною, гражданственностію. Но отнюдь не той Идилліи, въ которой только что паслухи да паслушки, какъ будто одни они и наперсники природы, дѣши первобытнаго состоянія человѣчества, одни они населяютъ поля, села, и ш. д., одни они далеки всякой принужденности, всѣхъ условій законовъ и приличій утонченнаго свѣта; или въ которой, такъ какъ поэтъ не находить болѣе въ поднебесной блаженной Аркадіи, ея обитателей безъ за-

бошъ и гибельныхъ спраспей, безъ печалей и воздыханій, шо изобрѣшаетъ какихъ-шо небывалыхъ, лишенныхъ всякой вѣроятности, людей золошаго вѣка, эшого анахронизма во всякое время, или же въ кошорой только и видите чшо лица нѣжныя, невинныя, шакія добрыя, шихія аки голуби, мечшательныя аки луна, окруженныя на каждомъ шагу прелесшями живописной природы, любовь для коихъ—вѣчное занятіе, и больше ничего. Нѣшъ, въ пѣсняхъ Словаковъ не ищите подобной Идилліи, а скорѣе приглядишесь къ нимъ хорошенько, вникните спрого въ ихъ характеръ и духъ, и вы найдете въ нихъ истинную Идиллію, представляющую людей небезгрѣшныхъ, но и неиспорченныхъ еще успѣхами въ гражданственной жизни, незнакомыхъ съ ея искусственными нуждами, прихотливымъ вкусомъ и пустыми условными обычаями и приемами. Напрошивъ, шупъ увидите каршины простосердечныя, но не низкія, грубыя, опшрашительныя, каршины дробныя, мѣлкія, но интересныя, живыя, оплично изящныя. Разумѣетсѧ, приписывая пѣснямъ Словаковъ характеръ Идиллическій, мы опнюдь эшимъ не ушверждаемъ, чшобы пѣсни ихъ вовсе не имѣли ничего лирическаго, драматическаго, эпического. Идиллія, въ ея насшоящемъ видѣ, не исключаетъ эшихъ родовъ Поэзіи, образовавшисъ сама у Грековъ изъ мимовъ, сосшавлявшихъ родъ побочной драмы, представлявшихъ опдѣльныя явленія человѣческой жизни, въ кошорыхъ схвашывались болѣе—менѣе вѣрно характерныя особенности въ нравахъ, обычаяхъ, и ш. п., извѣстныхъ лицъ, селеній, городовъ, обласшей, и пр. Изложеніе ея—шо повѣсп-

вовашельное, то разговорное, то перевишое пѣснями и она писалась гекзаметрами; даже иногда и эпиграмма называлась Идилліей, ш. е. вообще небольшія легкія стихотворенія какого бѣ ни было содержанія. Поэтому неудивительно, если въ пѣсняхъ Словаковъ встрѣшите что-нибудь эпическое, лирическое, и ш. д.; дѣло въ томъ, что это послѣднее не есть главное, а привходящее, и привходящее по самому свойству и происхожденію Идилліи; или если найдете даже пѣсни, цѣликомъ содержанія эпическаго (каковы историческія), лирическаго, и ш. п.; но онѣ далеко не составляютъ большинства, а исключеніе. Обыкновенная жизнь Словаковъ, прежде и теперь, мало, очень мало, имѣла и имѣетъ случаевъ, годныхъ для вдохновеній эпика, сильныхъ порывовъ лирика и смѣлыхъ движеній и положеній драматика. Для этого требуется въ высокой степени развитіе умственной жизни народа. Напрошивъ, все у нихъ обращается въ кругу домашнемъ, въ кругу ихъ обычной жизни и предлежащей, окружающей, природы, что, какъ справедливо замѣчаетъ Янъ Колларъ (Слов. нар. пѣсни 1834-5 г. 2 ч. стр. 489.), «пѣкнымъ доказемъ есть того, же нашъ лідъ великимъ есть природы миловникомъ.» Они издревле не разскавались съ нею, составляя, так. обр., предпочтительно, передъ всѣми своими одноплеменниками, по причинамъ, приведеннымъ выше, ш. е. по невозможности имѣть политическое существованіе, народъ, занимающійся земледѣліемъ со всѣми его опраслями и соприкосновеннымъ съ нимъ. Что дѣлали ихъ праотцы въ глубокой древности, то дѣлаютъ и теперь ихъ потомки:

«О Словацї! ти наши предковѣ
 Пилни плугу, мотыкы бывали,
 Заграды, винице шпѣповали,
 Спашекъ а добышекъ ховавали,
 Мѣстъ и градо моцъ наши опцове
 Широко, далеко наставѣли
 А пущины въ быдла обрацели.»

«.... ажъ поднесъ су Словацї спали 1),
 Якъ были опцове пакъ дѣпки зоспали 2).»

Отъ такой любви къ природѣ и всегдашняго обхожденія съ нею, отъ жизни, проводимой ими вѣчно въ ея объятіяхъ, и Поэзія ихъ проникнута этой природой, есть ея чадо, непосредственное отраженіе ихъ сельской жизни, вся дышетъ Идилліей, или, лучше сказать, вся есть не что иное, какъ одна непрерывная Идиллія. Она родилась не въ душныхъ стѣнахъ городской жизни, но на поляхъ, подъ вольнымъ, чистымъ небомъ, излилась отъ полношны сердца, естественнo, непринужденно, сама собой, гдѣ попало и какъ попало, потому что для Словака пѣсня тоже, что жизненный воздухъ: она сопутствуетъ ему неоплучно во всѣхъ его занятіяхъ; нѣтъ работы, нѣтъ труда, нѣтъ отдыха, гдѣ бы онъ разсѣлся съ нею: «Quantumvis laboriosissima sit natio Slavorum, agit tamen hilariter,—говоритъ *Matheus Belius* (Not. Hung. T. I. p. 53),—diebus inprimis festis et si quae sint a laboribus vacationes. Simul ac in vico tibia utricularis insonuit, concurrunt alacres eduntque adhuc sobrii saltationes, quibus seniores moderantur, ne quid tumultuarie, aut cum alicujus injuria eueniat.»

1) Крѣпки, сильны.

2) Слов. нар. пѣсн. ч. 2 стр. 144, 140.

Эпо относитъся не къ одному какому-нибудь округу Словаковъ, но вообще ко всѣмъ имъ, взятымъ вмѣстѣ:

Словаци, словаци!

Вшецци сте еднаци,

Ако бы васъ мала

Вшецкыхъ една маци 1).

Что касается до внѣшней формы пѣсень Словацкихъ, послушавъ нѣкоторыхъ, такъ онѣ шѣже Краковяки. Справедливо, форма, какъ проявленіе внутренняго, много значить и въ жизни вообще, и въ искусствѣ. Однако же, не всегда можно заключаешь ошъ внѣшняго къ внутреннему, равно и наоборотъ; эпо тогда только истинно, когда форма и идея во всѣхъ почкахъ совпадаютъ одна съ другою; иначе всѣ поэмы, писанныя гекзаметрами, были бы *Иліады*, *Одиссеи*. Такъ и шуть: формою пѣсни Словацкія и Краковяки сходствуютъ между собою, и шо не вездѣ, преимущественно въ пѣсняхъ обрядовыхъ, и ш. п., гдѣ уже самое содержаніе пребуешь крапкосши, но духомъ своимъ весьма опличны однѣ ошъ другихъ. Не знаемъ, чему приписать такое сходство ихъ въ эшомъ случаѣ. Данныхъ для рѣшенія эшого мы, по сю пору, еще не имѣемъ у себя подъ руками, да и не знаемъ, можно ли будетъ надѣяться имѣть ихъ когда-нибудь. Неужели и здѣсь все рѣшается заимствованиемъ, подражаніемъ? Но опчего же пѣсни Словаковъ не носятъ на себѣ формы пѣсень Чеховъ,

1) Словацкая пѣсня.

Словинцевъ, Руссиновъ, Сербовъ, съ коими они шакіе же сосѣди, какъ и съ Поляками? Языкъ? Но по языку Словаки гораздо ближе къ Чехамъ, Руссинамъ, чѣмъ къ Полякамъ. Жизнь? Жизнь Словаковъ и Поляковъ шожe ничего не имѣетъ между собою общаго. Такъ что же? Пусть рѣшатъ болѣе опышныя; на нашъ глазъ, если ужъ непремѣнно должно высказашъ свое мнѣніе, на нашъ глазъ шутъ просто случайное сходство, подобно какъ случайное же сходство во внѣшней формѣ между пѣснями другихъ народовъ.

IV. Пѣсни Поляковъ.... но Поляки шакъ бѣдны пѣснями, что, не согрѣшивъ, можно сказать: «У Поляковъ нѣтъ пѣсень.» Всѣ ихъ пѣсни—или переименованіе, переводъ, подражаніе пѣснямъ Руссиновъ, или прямо сочиненіе какого-нибудь позднѣйшаго поэта; собственно же *народныхъ* пѣсень не имѣется у нихъ. Опъ чего это? Какъ! Племя Славянское безъ пѣсень? Славяне, если не во всемъ мѣрѣ, шакъ ужъ безпрекословно въ Европѣ, *самый пѣсенный* народъ. Или и впрямъ Поляки не Славянскаго происхожденія, какъ того хопяшъ нѣкошорые, а только лишь *ославянившіеся*? Такое перерожденіе очень сбшочно; Ишорія много предшавляетъ подобныхъ примѣровъ: Пруссы, Сѣверо-Германскіе Славяне, Сербы въ Новороссіи, Славяне въ Морей, и ш. д. Но предложеніе это шребуетъ доказательствъ, да и доказательствъ; если бъ оно когда-нибудь обрашилось въ аксіому, бѣдность Поляковъ въ пѣсняхъ сама бы собою обьяснилась. Однако, пока это сбудется (чему плохо вѣримъ), мы, не опнимая чеспи у Поляковъ бытъ и имъ Славянами, поищемъ шому другихъ причинъ.

Славяне ли Поляки, не Славяне, что намъ до того? Мы знаемъ, что народъ, какого бы онъ ни былъ племени, происхожденія, вовсе безъ Поэзіи быть не можешь. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэтический народъ—не сбыточное дѣло. Забышь, заперяшь нѣкошорыя поэшическія свои произведенія, по давности ли то, или другимъ какимъ причинамъ, передѣлашь ихъ на иной ладъ и складъ—это возможно; но совсѣмъ не имѣшь ихъ, быть отъ природы лишены всякой способности къ Поэзіи, чувствовашъ къ ней непримиримое отвращеніе, антипатию, во все время своего бытія, въ этомъ никто насъ не утѣришь. Недѣлимое человѣческаго рода, какъ уже и выше мы замѣчали, одинъ, два, десятъ, нѣсколько человѣкъ безъ поэшического дара, расположенія и любви къ Поэзіи, мы это почти на каждомъ шагу видимъ; не всѣмъ же быть поэтами: *poëtae nascuntur*. Если бы можно было собрать всѣхъ непоэшовъ въ одно мѣсто и отвесить имъ землю, если бы и ихъ потомки были все такіе же антипоэшы, вопіть тогда бы сказали, что на бѣломъ свѣтѣ точно существуетъ народъ непоэшическій, безъ Поэзіи. Но допустишь бытіе народа непоэшического, отъ самаго его начала до послѣдняго конца, народа, до единого человѣка отъ природы непоэшического, кто хочешь, пусть вѣришь и исповѣдуешь сердцемъ этошъ догмашъ; мы лучше приспанемъ къ сторонѣ невѣрныхъ, откровенно сознаемся въ своей неспособности къ такой выпренней Поэзіи.... Так. обр., каждый народъ имѣешь свою Поэзію, ему одному только свойственную, какъ плодъ внутренняго его творческа,

его поэтической способности. Эша его Поэзія, въ шакомъ или иномъ видѣ, являешся смопря по роду жизни народа, его положенію и обстоятельствъ. Гдѣ народъ имѣлъ больше досуга, больше случаевъ оспавашся съ самимъ собою, входилъ въ себя и раздумывалъ о своей радости и горѣ, шамъ и поэтическія его произведенія предспавляются въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, носятъ печать большей художественной окончанности въ опдѣлкѣ внутренней и внѣшней, гораздо зрѣлѣе, совершеннѣе, гораздо разнообразнѣе и многочисленнѣе. Но гдѣ, по чему бы то ни было, у народа опнято было время и способы вникашъ въ самага себя, размышляшъ о своей судьбѣ на свободѣ, гдѣ онъ шолько урывкомъ, на скорую руку, призадумывался, входилъ въ поэтическое состояніе, Поэзія шакого народа — въ меньшихъ размѣрахъ, характеръ ея—крашкосшъ, сжапосшъ, перерывъ, поспѣшность, недокончанность, какъ въ самомъ изобрѣшеніи, шакъ и въ выраженіи и обработкѣ. Правда, и эша Поэзія многочисленна, но многочисленность ея слишкомъ однообразна, менѣе важна по своему внутреннему и внѣшнему поэтическому достоинству.... Теперь припомните себѣ Испорію Польскаго народа. Чшо это за жизнь? Извнѣ—вѣчныя войны съ Крижаками, прочими Нѣмцами, Шведами, Русскими, непрерывныя нападенія Липовцевъ (*para'sc' Litewska*), Ташаръ, Козаковъ, (страхи—на Ляхы), безпреспанныя брани съ Турками, Венграми, и ш. д.; внутри—возстанія и буншы Руссиновъ по поводу различныхъ ушѣсненій и гоненій на исповѣдуемую ими религію, эшошъ спранный образъ Пра-

вленія Республіко-Монархическій, на копорый споль-
ко жаловались всѣ благонамѣренныя и добра желав-
шіе своей опчизнѣ Поляки, это неумолкаемое бро-
женіе и смятеніе въ знаменишій Ржечи Посполишій,
это несогласіе, разладъ ея, больше всего на свѣтѣ
для нея любезный, драгоцѣнный: «Polska nierządem
stoi! 1),»—«Gdyby Polska rządna była, tedyby niedługo
zginęła:» 2)

«Nierządem Polska stoi,» dobrze ktoś powiedział,
Lecz drugi odpowiedział: «Nierządem że zginie 3);»

эта ея золотая вольность, по милоспи копорой
сильный давилъ слабаго: «Kto mocniejszy ten lepszy,»
смѣясь надъ законами и королемъ:

«W Polsce złota wolność pewnych reguł strzeże,
Chłopa na pal, Panu nic, Szlachcica na wieże;» 4)

это ея общее равенство, повсемѣстное «*Panie Bra-*
cie!», по копорому каждый

«Szlachcic na zagrodzie
Równa się Woiewodzie,»

по копорому:

1) «To było powszechnie szalone u nas domnięcie,» замѣчаетъ Графъ
Спан. *Потоцкій*. (въ *Mowach* и *Rozpr.* Warsz. 1816 г. *Rozpr.* V.).

2) «Кто говоритъ: «Nierządem Polska stoi,»-пишетъ *Фредро* (см.
его *Przysłowia*),—«sam ma nierząd w głowie.»

3) *L. Opaliński*. (*Satyr.* 89).

4) *Ad. Naruszewicz*.—*Красицкій* въ сатирѣ: «Świat zepsuty» пишетъ
слѣд.:

«Był czas, kiedy błąd ślepy nierządem się chlubił,
Ten nas nierząd, o bracia, pokonał i zgubił,
Ten nas cudzim w łup oddał: z nas się złe zaczęło,
Dzień ieden nieszczęśliwy zniszczył wieków dzieło.»

«Starszy Szlachcic Polski,
Niż Baron Niemiecki. 1)

Эта, наконецъ, мѣлкопомѣстная, дробная Шляхта, столько необузданная, столько многочисленная, рассыпанная повсюду, съ своею слишкомъ неправсвенною жизнію, какъ саранча толпившаяся въ хоромахъ роскошныхъ вельможныхъ пановъ, упошреблявшихъ ее своимъ оружіемъ и для того кормившихъ ее наубой, лукаво припѣвая:

«Stara polska iest to cnota,
Nie zamknąć nikomu wrota,»

и хвасшаясь шѣмъ,

«Co Polak wypie na dzien,
Niemca majątek stanowi,»

хотя часто случалось, что иной

«Zaczął złotem »

а смопришь —

«Skonczył błotem », —

Шляхта, въ одно и то же время безстыдно цѣловавшая прахъ ногъ Магнашовъ и гордо попиравшая всѣхъ ниже себя, наругавшаяся надъ бѣднымъ селяниномъ, вольно обиравшая, грабившая его и ни на мгновение не дававшая ему покоя своими безконечными переѣздами съ одного мѣста на другое, то на сеймики, то на сеймы, то на трибуналы, то на элекціи, и ш. п., съ своимъ грознымъ:

1) Вацл. Потоцкій говоритъ:

«Skoro Szlachta nastała, giną Baronowie,
Brat, a brat, równi wszyscy koronni synowie.»

« Nie pozwalam! » гдѣ, въ ту годину, когда нужно было дѣйствовать, сражаться, гнать враговъ изъ родины, она спорила и ссорилась, судила и рядила:

« I tymeście podobno wiele utracili,
Bo gdy bić trzeba było, toście wy radzili.... » 1)

Шляхша, изъ среды коей самый ничтожный, самый голый, *хльборобъ*, пошому только, что былъ шляхшичъ, мечпаль,—о пусшомъ!—о коронѣ, могъ и имѣль право домогаться ее, бышь выбрану въ *крули*.

« Tyś królem? Czemu nie ia? mówiąc między nami
Ja się nie będę chwalił — ale przymiotami
Nie złemi się zaszczycam. Jestem Polak rodem
A do tego Szlachic. A choćbym i miodem
Szynkował, tak iak niegdyś, ów Bartnik w Kruszwicy 2),
Czemużbym nie mógł osieść na Twojej Stolicy? 3)

Насчастный земледѣлецъ нигдѣ не ускользалъ отъ Шляхшы: всѣ его работы, занятія, обряды, всѣ домашніе обиходы, пошчасъ прерывались, лишь только эшопъ *гнѣвъ Божій* посшигалъ его. Шляхшичъ, какъ мячикомъ, игралъ имъ, онъ былъ спрадашельнымъ членомъ въ государствѣ, навсегда удаленнымъ отъ всякаго учаспія въ немъ, его правахъ, лишенный всякой защиты законовъ и постановленій:

« Prawa są nasze iako paieczyna,
Wróbel się przebie, a na muszkę wina. » 4)

Жалкій народъ! Самыя священнѣйшія обязанности

1) I Kochanowski.

2) Piast.

3) I. Krasicki (Satyr. do Króla.)

4) I. Kochanowski.

свои отправлялъ онъ изрѣдка, только украдкой: свадьбу, крестины, и ш. п. Наконецъ, придайте сюда еще жидовскіе обманы, плушны, продажу горячаго вина и прочихъ хмѣльныхъ напишковъ, словомъ всю внутреннюю промышленность и сбытъ произведеній земли, и. ш. д., находившихся въ рукахъ иноземцевъ, преимущественно же въ рукахъ эшихъ христопродавцевъ, пошому что Шляхшичъ считалъ для себя низкимъ занимашся чѣмъ бы то ни было, кромѣ оружія, подѣ опасеніемъ бытъ разжаловану въ *хлопы*: «Co Wloch to Doktor, со Niemiec to kupiec, со Polak to Hetman,» и послѣ всего эшого, при жизни, кошорая вся была «*prawdziwe bezkrólewie,*» когда

«W domu nikt o niczym nie wie,
Każdy rządzi swoim dworem,
Ty dokładaj własnym worem,» 1)

скажише: до Поэзіи ли было Польскому простолюдину? Поэзія необходимо потребуешъ досуга, спокойствія, свободныхъ думъ, вдоволь времени, шакъ сказаць, для разговору съ самимъ собою. А у него? Онъ не могъ привольно вздохнуть, не шолько поэтизировать. Гдѣ ему до историческихъ, обрядныхъ, и подобныхъ шому, пѣсень, когда онъ не имѣлъ ничего за душой, долженъ былъ всѣ дни и ночи проводить за работою на пана:

«Co sobie Ziemiaŋin nagotuie, to mu Senator zie,»

когда на него смотрѣли не какъ на своего собрата, но какъ на бездушную вещь:

1) *Konst. Kwiatkowski.*

« Chłop ma być iak nasiekany kiy, »

когда

« Słomiany Starosta dębowego ziemianina zwalczy, »

и только шайкомъ отбывалъ кой-какіе свои обряды. Удивительно, какъ онъ, находясь въ такой Египетской работѣ, совсѣмъ еще не онѣмѣлъ, пошому что у него, не смотря на всю горечь его жизненной чаши, есть свои поэшическія произведенія. Это *Краковяки*. Они были плодомъ того мгновенія, въ кошорое, мимо всѣхъ припѣсненій, вѣчныхъ насилій и безпокойствъ со стороны Шляхты и внѣшнихъ враговъ, несчастный селянинъ входилъ въ самого себя, и изливалъ свои чувствованія въ *немногихъ* словахъ, облакая ихъ въ поэшическія формы съ величайшею поспѣшностію, какъ бы въ попыхахъ, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ ему въ томъ, желая облегчить свою грудь отъ гнѣвущаго ее бремени хоть однимъ глубокимъ вздохомъ. Въ эшихъ Краковякахъ заключены всѣ его думы, всѣ помыслы, всѣ чувствованія, какія только рождались, могли родиться въ немъ въ такое короткое время; и пошому Краковяки составляютъ единственную народную Поэзію Поляковъ: они ихъ *національныя пѣсни*. Самыя свойства эшихъ коротенькихъ пѣсень указываютъ на ихъ происхожденіе, обстоятельство, ихъ породившія. Свойства эши-*краткость*: два, три, четыре, рѣдко больше, стиховъ. Обыкновенно, въ первомъ стихѣ (или куплетѣ) какая-нибудь черта или образъ, взятый изъ окружающей природы, либо своего подручнаго міра, и то, большею частію, наудачу, такъ что съ мыслию,

чувствомъ, находящимся въ слѣдующемъ стихѣ (или куплетѣ) почти никакой связи не имѣешь, а взявъ лишь для одной рѣмы, для того, что нужно же чѣмъ-нибудь начавъ. Часто случается, что въ Краковякѣ прямо изливается чувство, выражается какая-нибудь дума, практическая истина, и ш. д., безъ всякаго снесенія, сравненія, уподобленія, безъ всякой подставки, повода, посредничества. Это-то говоришь о поспѣшности, съ какою Краковяки складывались: не было досуга ни вполне выразить, проявить чувство, помысль, ни найдши для нихъ образъ во внѣшнемъ мірѣ, строго отражающій въ себѣ, совпадающій во всѣхъ возможныхъ точкахъ сходства, соотношенія, или подобія. Второе опличительное свойство Краковяка-его *веселость*. Спрадая безпрестанно то ошъ того, то ошъ другаго, селянинъ, въ мимолетные часы своего краковременнаго покоя, предавался съ жадностію веселости, не пошому, чшобы у него было на сердцѣ весело, но чшобы сколько-нибудь и какъ-нибудь забыться, расперяться, прогнать хоть пѣсню свое обычное горе, и шѣмъ, если не облегчить, шакъ, по крайней мѣрѣ, на два, на три мгновенія заглушить свои душевные и шѣлесныя раны. Много, впрочемъ, этой веселости Краковяковъ помогаетъ ошъ природы живой характеръ народа, а не то, шакъ какъ въ старой Польшѣ нѣкогда было весело жить вельможнымъ Панамъ, то, будшобы, эта веселость сообщилась и прослодюдину. Это то же, что въ чужемъ пиру похмѣлье. Кромѣ того, жалобы на похищеніе дочерей у бѣдныхъ родителей, на разнаго рода насилія,

обида и наругательства, и ш. п., что очень часто составляешь содержание многих Краковяковъ, показывающихъ, что простолудину трудно, невозможно было брать участія въ радостяхъ пановъ, его притѣснителей. Какъ ему было отвѣчать веселіемъ на веселіе своихъ владыкъ, когда онъ же самъ говорилъ о своей родинѣ:

«Nie będzie w Polsce dobrze,
aż będzie *bardzo źle*;»

а онъ зналъ, онъ видѣлъ, опъ чего и опъ кого не добро въ Польшѣ....

Краковякъ всегда соединенъ съ музыкой и пляской. Лучшее, почтѣйшее описаніе его находимъ въ *Краковской Селянцѣ*, подъ названіемъ «*Młody Wiesław*,» соч. извѣстнымъ *Казиміромъ Бродзинскимъ*. Вотъ оно:

«Naprzód wychodzi, przed muzyką staie
Halina w piasach rękę mu podaie,
Za nim się w koło młodziany zebrali,
Hucą i bią w podkówki ze stali.
Wiesław się niał za pas ręką prawą
I piasa lekko przed Haliną zwawą.
W skrypcie i basy sypnął grosza hoynie
Oycom za stołem skłonił się przystoynie.
Tupnął, i głowę nachilił ku ziemi
I zaczął nócić słowy takowemi:

«Niechże, ia lepięć nieżyię,
Dziewcze! skarby moje,
Jeśli kiedy oczka czyie
Milsze mi nad twoie:
Patrzayże mi prosto w oczy,
Bo Bóg widzi w niebie,
Ze mi ledwo niewyskoczy
Serduszko do ciebie!»

Bierze Halinę, i tak w około,
Przodkuiąc družhom tańczy wesoło;

Halina w płasach przed nim ucieka,

On w ręce biiąc goni zdaleka;

A gdy dogoni znowu z nią wróci,

Staie i w płasach, tak daléy nuci:

«Nieuciekay dziewczę lube,

Moie sto tysięcy?

Dogonię ia swoją zgubę

I niepuszczę więcéy:

Kraży ptaszek w ciemnym lesie,

Gałązek się czepia,

Aż dognany piórka niesie

Gniazdeczko ulepia.»

Sam teraz w płasach przed druchną stroni,

A ona za nim wesoło goni,

I dogoniony, gdy znowu wrócił,

Stanał i w płasach różne pieśni pocił.»

Ошносительнo духа Краковяковъ,—онъ виденъ уже изъ самаго ихъ происхожденiя и опличительныхъ свойствъ, ихъ послѣшно — сжааго выраженiя чувствованiй души, ея волненiй и пошрясенiй, большею часпiю принадлежавшихъ къ обласпи любви. Прoшполудинъ, изнемогая подъ игомъ крупной, а еще пуще, мѣлкой, сошечной, но безчисленной, Аришпокрашiи, въ слишкомъ крашкiй срокъ своего досуга, лишь только начинавшiйся, какъ ужъ и гошовый кончишься и, Богъ вѣсшъ, когда снова мелькнушь, пролешъшь незамѣпной пшашкой, спѣшилъ выразишь шо, что было ближе всего къ нему и вообще всякому челошъку, чувствованiя, незаглушимыя ни въ какое время и ни въ какомъ положенiи народа, чувствованiя, порождаемыя любовью. Изливая эши чувствованiя, онъ шѣмъ самимъ думалъ, хошѣлъ и надѣялся сколько-нибудъ опвеспи свою расшерзанную душу, пролишь, хошъ немного, цѣлебнаго

бальсама на свои жгучія раны, поддерживашъ оправд-
 нымъ освѣженіемъ свой упадающій духъ и, ш. об.,
 съ новыми силами пойди опять на встрѣчу своему
 неопразимому, безошлучному врагу. А извѣстно,
 что, когда человекъ видишь шакъ окруженнымъ се-
 бя со всѣхъ споронъ своимъ смертельнымъ врагомъ,
 своимъ горемъ, безшаланьемъ, что какъ ни увершы-
 вайся, какъ ни изгибайся, что ни дѣлай и передумывай,
 а нельзя отъ него не только опвязаться,
 но ни на шагъ подашь впередъ, ни пяди выиграшь
 въ самой упорной битвѣ, человекъ, въ шакоемъ слу-
 чаѣ, упрямѣ всего на свѣшѣ: онъ ожесшочается, и,
 опказываясь отъ всякаго боя, пропивошавляетъ
 свое желѣзное шерпѣніе. Защо, улучивъ минушу,
 кошорою можешъ располагашъ какъ власшелинъ, ра-
 споряжашъ по своему, онъ, словно дия, бросаешъ
 ся на нее, шоропишъ, опрометью спѣшишъ вос-
 пользовашь своею собшвенностію, не нагладишъ
 ся на нее, не напѣшишъ ею, и, на зло своимъ не-
 другамъ, спараетъ всѣмъ, что только ешъ у него,
 угосишъ свою дорогую, рѣдкую госшью; онъ не-
 нарадуешъ ею, и пошому, ловя случай, съ жадно-
 стію лепишъ на пиръ, даетъ полную волю себѣ и,
 въ разгулѣ и на проспорѣ, ищешъ расшеряшъся,
 опогнашъ свою обычную шоску, злодѣйку — печаль,
 шумнымъ веселіемъ, хочешъ забышъся въ этой но-
 вой, шолько рѣдкой, усладительной для него, сфе-
 рѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ себѣ
 сжашосшъ, живосшъ и веселосшъ Краковяковъ, и
 ихъ *Лиризмъ*, эти знаменательныя свойшва націо-
 нальныхъ Польскихъ пѣсенъ, свойшва, шолько за-

пруднѣшїя многихъ ученыхъ и умныхъ людей, пѣтавшихся объяснить ихъ себѣ, явно и такъ сильно противорѣчившія жизни народа, которому обязаны своимъ началомъ, составляющъ выраженіе, картину его бытія.

Говорятъ, и у Руси (Южной), составлявшей нѣкогда одно политическое шѣло съ Польшей и Литвой, имѣющаго своего рода Краковяки, происшедшіе, будто бы, отъ подобныхъ же обстоятельствъ: шаковы, именно, *Коломїйки*. Но это чистая напраслина на Русиновъ, никогда не находившихся въ одинакихъ обстоятельствахъ съ Польскими прослоюдинами. То правда, Русинъ, со временъ Сигизмунда III-го, еще больше спрадалъ, жребій его былъ несравненно хуже; однако, до появленія Уніи, онъ, находясь подъ ближайшимъ управленіемъ своихъ Русскихъ пановъ, бывшихъ къ нему гораздо снисходительнѣе и человеколюбивѣе, чѣмъ Польскіе паны къ своимъ хлопамъ и вообще низшему классу, а послѣ, перешедши, большею частію, въ достояніе Магнашовъ-Поляковъ, хоть много былъ ими угнѣщаемъ, но все, таки, имѣлъ время и случай отправлять свои урочныя обязанности, исполнять свои обряды, слѣдовать своимъ обыкновеніямъ, и ш. д., пошому что онъ, помня о своей прежней независимости и добровольномъ, полюбовномъ, соединеніи черезъ Литву съ Польшею, какъ равныхъ съ равными (См. Привил. Ягайла 1410 г.), часто напоминалъ припѣсни-телямъ свои права. Далѣе, дробной шляхшы менѣе разсыпано было по селеніямъ Русиновъ, слѣдовательно они не знали и шѣхъ бѣдъ, какія терпѣлъ

селянинъ въ Польшѣ. Руссинъ, попому, имѣлъ больше времени оспаваться съ собою, уединяясь въ самага себя, думашь о своемъ горѣ, а опсюда его пѣсни—обширнѣе, опчешиспѣе, многообразнѣе, совершеннѣе. Пѣснямъ, подобнымъ Краковякамъ, нельзя было явисься у него, шакъ какъ не доспавало причинъ и поводовъ къ шому. А шо, что нѣкошорые (напр *Вацлавъ изъ Олеска*. См. изд. имъ Руссин. и Польск. пѣсни въ Галиціи, предисл. XL, XLI стр.) разумѣють подъ ними (*Коломійкы*), сушь просто на выдержку взяшые куплешы изъ другихъ пѣсень, начало коихъ Гг. Собирашели пѣсень не знають, и попому выдають эпи куплешы за нѣчто цѣлое, въ родѣ Краковяковъ. Не споримъ, многіе куплешы изъ пѣсень поюшся и опдѣльно, примѣняя ихъ къ какому-нибудь случаю; но все же они часпи другаго цѣлаго и опнюдъ непохожи на Краковяки. Равнымъ образомъ у Руссиновъ еспъ довольно плясовыхъ пѣсень, соспоящихъ, по самому уже роду своему и цѣли, изъ небольшого числа куплешовъ; при всемъ шомъ грѣшно бы было называшь шакія пѣсни — Краковяками, приписывашь имъ одинакое происхожденіе и значеніе. Беремся всѣмъ, шакъ называемымъ, *Коломійкамъ*, указашь, къ какой онѣ опносяшся пѣснѣ, опкуда именно взяшы. . . .

Нѣкогда, впрочемъ, какъ еще Шляхта не доспигала шакой ужасной, неимовѣрной, многочисленности, силы и вліянія на проспой народъ, какъ эшопъ послѣдній пользовался большею свободою, и Поляки, ушверждають, имѣли довольно другихъ пѣсень, гораздо въ обширнѣйшемъ объемѣ и размѣрѣ. Такъ, напр.,

Бѣльскій въ своей лѣтописи говоритъ, что Казиміръ, возвращаясь въ Краковъ, былъ встрѣченъ народомъ пѣсней, начинавшейся:

«A wytayże, wytay, nasz mily gospodine!»

Длугошъ увѣряетъ, что онъ, въ свое время, слышалъ пѣсню, въ копорой оплакивалась смерть Лупгарды или Лукѣрды, супруги Короля Пржемисла. Далѣе, Чацкій приводитъ посланіе Мелеціевъ къ Юрію Сабину 1551 г., гдѣ упоминается о давнихъ Польскихъ пѣсняхъ при похоронахъ, напр. слѣд.:

«Ha Lele, Lele!

Y procz ty mene umrał?

Za to ty nye miał szto isty, albo pyty?

Y procz ty umrat?

Ha Lele! Lele!

Y za ty nye miał krasice mlodzice?

Y procz ty umrał?»

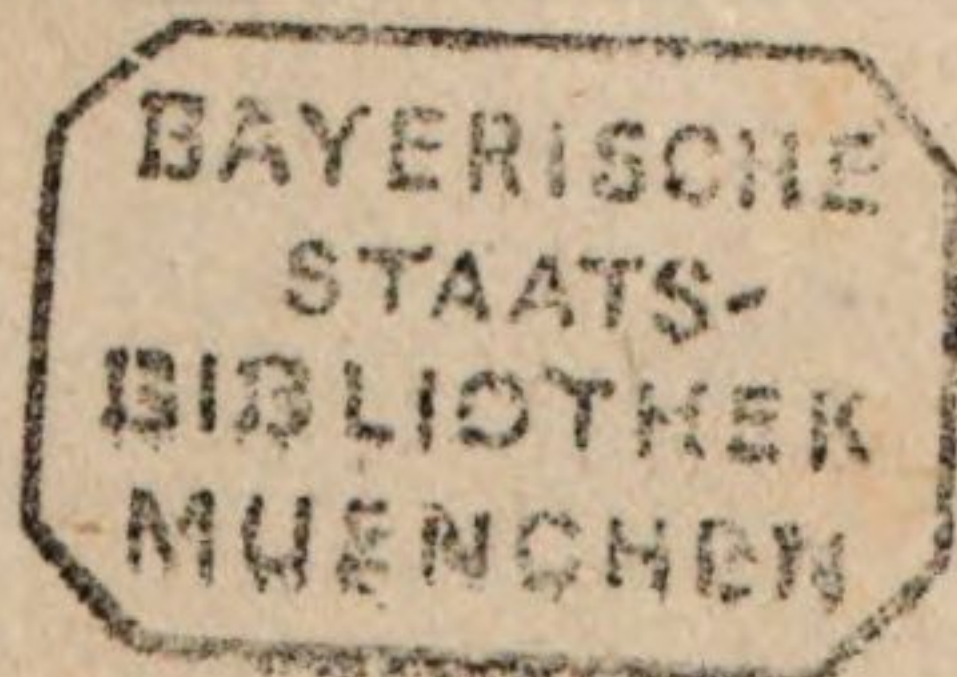
Но усиленіе Шляхты, раннее знакомство съ Классическою Луперашурою, ея быстрое и, почти, повсемѣстное распространеніе между Поляками, изгнало эшѣ пѣсни. Поэтъ воспѣвалъ своихъ паспуховъ и паспушекъ: Дафнисовъ, Палемоновъ, Лауръ, или какихъ-нибудь Дульциней, Шляхшичъ перенималъ у него и вшорилъ ему, горожанинъ-Шляхшичу, селянинъ горожанину, и ш, д., боясь опсшашъ, не показашъся проспакомъ, невѣжей, блеснушъ своимъ вкусомъ, образованіемъ, презирая прадѣдовскія пѣсни, и, шак. обр., мало помалу въ большей части Польши онъ забылись и, наконецъ, испребились вовсе, а завыванія школяровъ, между шѣмъ, распространились. Но эша школьная Поэзія, какъ чуждая, неродная,

не могла оспапсья навсегда между Польскими про-
сполюдинами, не понимавшими ее вполнѣ, и пошому,
съ прошеспвіемъ моды на нее въ высшихъ классахъ,
и она посшепенно исчезала, выпѣснивъ и погубивъ
шолько свою соперницу, еспеспвенную народную
Поэзію. Чшо оспавалось дѣлать бѣдному проспо-
людину? Тѣ, кошорые жили близъ или среди Руси,
шѣ начали пѣть ихъ пѣсни, переводя какъ попало
на свой языкъ и, даже, совершенно передѣлывая, шакъ
чшо съ шрудомъ узнаешь подлинникъ; другіе же про-
спо молчали или повшоряли спарыя дрызги школьной
Поэзіи, пока, наконецъ, не дошли къ нимъ Краковяки,
обязанныя, первоначально, своимъ происхожденіемъ
поселянамъ Краковской земли. Съ жадносшію бро-
сились на эши Краковяки, и ихъ послѣ сполько
появилось, чшо почти невозможно сдѣлать имъ пол-
наго собранія, пошому чшо по нимъ каждое селеніе,
городъ, каждый селянинъ, молодой парень, и ш. д.,
шворилъ свои собспвенные Краковяки, и шѣмъ легче,
тѣмъ скорѣе, чшо эшо — именно ша форма, ко-
шорая одна шолько и была способна къ выраженію
душевныхъ чувспвованій въ его положеніи. Эшо по-
казываетъ шакже, опѣ чего Краковяки сдѣлались на-
родными пѣснями Поляковъ, ихъ народною Поэзіей.

V. Разсмапривая Испорію Сербовъ, перечишывая
ихъ народныя пѣсни, слѣдуя за ихъ нравами, обыча-
ями, преданіями, повѣрьями, и ш. п., видимъ, чшо
вся жизнь Сербовъ, съ древнѣйшихъ временъ до на-
шихъ дней, кой-гдѣ, даже, и шеперь и, можешъ бышъ,
еще надолго и въ будущемъ, еспѣ не чшо иное, какъ
непрерывная цѣпь ужаснѣйшихъ бишвъ, самая пе-

спрая, кровавая, картина войнъ съ разными разноплеменными, разноречными, разновѣрными, народами. Здѣсь духъ ихъ поднялся до высшей степени героизма, исполинскаго мужества, швердоспи и упругоспи, сердце ожесточилось, характеръ сдѣлался энергическимъ, стойкимъ, словомъ: все 12 вѣковое бытіе Сербовъ представляется намъ безпрерывнымъ рядомъ богатырскихъ подвиговъ. Намъ не извѣстно, таковы ли они были и до прихода своего въ Иллирію, на прежнихъ старинныхъ жилищахъ; зато навѣрное знаемъ, что, послѣ водворенія ихъ на Оракійскомъ полуостровѣ, они не имѣли себѣ покоя ни въ какую годину, ведя вѣчныя брани съ иноплемениками. Брани эшѣ распадаяшся естественнo на двѣ великія половины, на двѣ знаменательныя эпохи: въ обѣихъ ихъ разыгрывалась одна и таже драма, т. е., опспо-яніе родины опѣ находцевъ, насильниковъ (по выраженію лѣтописца), бившы съ ними не на жизнь, а на смерть, пошому что «еданъ пушъ умрети», что «прошивъ смрши нема лѣка», а «мршвога вече зубы не боледу», и, дыша мщеніемъ, весело неслись на встрѣчу своимъ врагамъ, повшоря: «каковъ поздравъ, онакій и опздравъ». Начавъ разъ, они не бросали уже начашаго, по пословицѣ: «болѣ е што не почеши, неголи почешо на край не довеши.» Въ первой эпохѣ имъ выпало «свашове держати и пиръ имати» прежде всего съ туземцами Илюрика, пошомъ съ Булгарами, Печенѣгами, Половцами, Греками, Италіанцами, Венграми и Нѣмцами. Изъ государей ихъ эшого времени особенно прославились своимъ воинственнѣмъ духомъ: Милушинъ, Стефанъ Дечанскій и Стефанъ Душанъ

Сильный, при коихъ «бѣше красно време» Сербовъ, «не имаху чему плакаши;» тогда каждый изъ нихъ говорилъ: «што болѣ піемъ, болѣ жедямъ» пошому что «какво гнѣздо, шаква пшца: каковъ опецъ, шаква дитца.» Эшотъ періодъ ихъ жизни весь полонъ геройскими дѣлами Сербовъ, чущь было не уничижившихъ Греческой Имперіи и уже гошовавшихся замѣнишь слабыхъ и недоспойныхъ попомковъ Великаго Константина своими Царями, эшотъ періодъ долженъ былъ, также, изобиловать народными пѣснопѣніями въ честь вишазей судя вообще по врожденной склонности всѣхъ Славянъ къ нимъ и по шѣмъ извѣстіямъ иностраныхъ писателей, преимущественно Греческихъ, въ кошорыхъ явно говоритъ, что Сербы въ шу пору воспѣвали своихъ юнаковъ. Такъ, напр., у *Приска* мы читаемъ, что онъ, проѣзжая 590 г. нынѣшнюю Валахію, самъ слышалъ въ краю Аварскомъ, ш. е. Славянскомъ, разныя пѣсни: «*Quibus (Slavis) etiamnum ex avaricis (i. e. slavici) cantilenis consopitis etc. (Stritt. II. 6.1)*; далѣе, *Никифоръ Грегорасъ*, отправленный 1326 г. посломъ къ Сербскому царю Стефану Дечанскому, говоритъ въ своемъ описаніи эшого посольства: «Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ, особенно Славяне, пѣли пѣсни: *In famulatio, quod pone sequebatur, nonnulli praesentia pericula parum metuentes vociferabantur et tragicis cantibus celebrabant laudes veterum heroum, quorum famam solam audivimus, res autem gestas non vidimus (ed. Par. 1. 232.* Извѣстный *Вукъ Караджичъ* (въ Предисл. къ св. Сербскимъ пѣснямъ, Ч. I-я, стр. XXXVII.) вошъ что говоритъ о пѣсняхъ эшого времени: «Што се шиче

спарине наши пѣсама, я би рекао, да имамо спариі женски, него юначки; ерѣ юначки пѣсама мало имамо старіи одѣ Косова, а одѣ Неманича нема старіе ниедне; а между женскима може биши да и има и одѣ иляде година, напр., между Краличкима, Додольскима и ш. д. Я мисли, да су Србљи и прие Косова имали и юначки пѣсама одѣ спарине, но будучи да е она премѣна тако сильно ударила у народѣ, да су гошово све заборавили, што е било донде, па само оданде почели наново приповѣдати и пѣвати.» 1)

И шакѣ большая часть пѣсень Сербскихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ женскихъ, обрядныхъ, и ш. п., ошносится не къ этому времени, но къ другой половинѣ бышїа эшого народа, ш. е., ко времени появления Турокъ въ Европѣ, разрушенїа ими царства, ужасныхъ пригнѣненїй, копорыя послѣ того постигли несчастныхъ, но не терявшихъ бодрости, Сербовъ. Почти пять вѣковъ продолжалась борьба ихъ съ Мусульманами, въ копорой вся Сербїа обра-

1) Эту же мысль *Караджича* повтораеиъ и неизвѣстный сочинитель статьи: *Poésie populaire des nations slaves* въ *Revue Britannique* (4-e série, N 13) Janvier 1837 (сир. 47). «On ne peut attribuer une antiquité très reculée aux poèmes épiques des Serbes. Aucun d'entre eux ne remonte plus haut que le quatorzième siècle. Mais avant la rédaction de ces poèmes, tels que nous les possédons, il en existait d'autres, aujourd'hui perdus et entraînés par le cours des âges. Déjà de nouveaux héros,—замѣчаеиъ онъ,—(что иначе и быиъ не можеиъ у шакого народа) sont devenus populaires en vie. Le *Noir Georges* et d'autres vaillans guerriers, nos contemporains, sont devenus célèbres dans la poésie populaire: le *Noir Georges* aura le même sort que *Marco Kraljewitsch*, héros du quatorzième siècle; il sera chanté sous leurs traits; il deviendra poétique d'après la même combinaison d'idées; et sans doute, il aurait quelque jour effacé et englouti ses prédécesseurs, si la publication des vieux chants serbes ne l'avait fait vivre à jamais.

шилась въ побратимовъ для сохраненія своей на-
 родности, и хоша видѣла, что ей невозможно
 совладѣть съ своими врагами:» сила Бога не моли:
 сила кола ломи, » но памяшуй, что «на развалинахъ
 оживи новина» она не влагала меча своего въ
 ножны, а великодушно обрекла себя на вѣчное ски-
 шаніе на родинѣ, на вѣчную брань съ невѣрными:
 болій е добарь гласъ, него злашанъ насъ.» Эпа пяши-
 вѣковая борьба, гремѣвшая неумолкаемо, богашая не-
 слыханными подвигами героизма, зашмила своимъ
 блескомъ все, предшествовавшее ей, всѣ прежнія
 рыцарскія дѣянія Сербовъ, подобно какъ эпоха Коза-
 чества у Южныхъ Руссовъ заслонила собой эпоху
 междуусобицъ ихъ Князей. Опъ шого какъ у Рус-
 синовъ, шакъ и у Сербовъ пѣснопѣній изъ древнѣйшаго
 періода ихъ жизни (у первыхъ изъ періода до-Коза-
 цкаго, у вторыхъ Царско-Княжескаго) вовсе почши-
 нѣшъ, а если и ешъ, то очень мало: народъ собышій
 эшого періода какъ-то неохотно, не съ такою
 любовію пересказываетъ, слушаетъ и поетъ, хошъ
 они великостью, звучностью, очарованіемъ едва ли въ
 чемъ уступаютъ послѣднимъ. Конечно, прошивники
 Сербовъ были могущественны, многочисленны и на-
 стойчивы, и имъ, лишеннымъ своего Царя, шрудно,
 шяжело было боротся съ ними поодинокѣ: «шеж-
 ко и сили безъ власши;» но могли ли, должны ли
 были они опказаться опъ прошиводѣйствія, подкло-
 нишъ свою шею подъ ярмо иноплеменниковъ, послѣ
 сполькихъ вѣковыхъ подвиговъ на полѣ брани, пок-
 рывшихъ опцевъ ихъ неувядаемой славой, сознавая
 въ себѣ и мощь и полное право на лучшій жребій?

Нѣтъ, они видѣли, какъ эпи поклонники Магомеша обходились съ народами, рѣшившимися покориться своей судьбѣ: покорность не спасла ихъ отъ смерти и зашоченія: » зла е куша шемниса;» « нѣтъ, » и насъ е маши доила,—говорили они,—како и другога, « и пошому опчаяно, грозно бились и были бишы: « какви живопъ, шаква смерпъ, » не только не прося пощады, но и не думая о ней никогда: » како си проспрешъ, тако чешъ лежаши. » Пришомъ же не вѣчно громъ гремишъ; время и обстоятельство измѣняющся, а съ нимъ и люди: « време се меня, а и мы у времену;» а пошому Сербы могли льспишъ себя хоть опдаленною надеждой на лучшіе дни, что усилія ихъ когда-нибудь да увѣнчаются: « ни е несреше безъ среше. » Но глядѣшъ равнодушно на спраданія ближнихъ своихъ, на испребленіе огнемъ и желѣзомъ своей опчины, бышъ невольникомъ у себя и изъ-за своего добраго: « себи орешъ, себи сеешъ, себи влачишъ, себи чешъ и жеши: » эшо невыносимо, эшо не въ духѣ Серба: « чегъ око не види, сердце не жели. » Да и что пріятнаго могла въ себѣ заключать для нихъ жизнь, чѣмъ могла она манишъ ихъ къ себѣ, когда имъ нельзя уже было жишъ болѣе по правдѣ опцевъ своихъ? О, коли шакъ, не доставайся же мое доброе ни мнѣ, ни моему злодѣю; умру, но побрашимъ мой опмспишъ за меня! Лучше бышъ обречену на висѣлицу, видѣшъ смерть со всѣхъ споронъ, чѣмъ служишъ на своемъ пепелищѣ невѣрному, губителю родины: « лепше е злопо и попоношено, нежели сребро изнова ковано. . . . »

При такомъ положеніи вещей, при такой бурной,

мяшежной, обставленной всѣми ужасами и гибелью, жизни, когда всякой говаривалъ о своемъ жишѣ-бышѣ: «Онакый ми е живошъ, као мѣсець: часомъ пунъ, часомъ пражанъ,» при такой настроенности духа цѣлаго народа, ничего нѣтъ удивительнаго, если и въ Поэзіи его вы только и слышите, какъ «громъ грми, се земля пресе,» какъ «луцаю попе, дуаю приморски вѣшрове, мешю дюмишки пишполе, чесполи се войске ударау по полю широку, опъ юшра до мрака, а одъ мрака до бѣла данка, чія гине войска, чія добива, шпо оспало, шпо поплашило,» какъ «нагони се юнакъ на юнака: бѣле руке изсѣчене, а по шѣлу ране поградене, шпо говоре, а съ душомъ се боре, шпо рекше, а душу пустише,» какъ Мусульманинъ

«Пали села и бѣле вароше,
Сѣче, коле мало и велико,
Сужне хвата, по войсци ихъ дѣли? ...»

Что страннаго, если Поэзія Сербовъ вся полна рассказами о доблести, о славныхъ подвигахъ и смерти ихъ вишязей—«юнакъ до юнака,»—неушомимо пытавшихся въ печеніе цѣлыхъ сполѣшій возвратитъ свободу своей отчизнѣ, если ихъ пѣсни преимущественно Гомерическаго содержанія? Всякой народъ въ своемъ юномъ возрастѣ, при полномъ разливѣ силъ физическихъ, обыкновенно больше всего поражается и увлекается дѣлами, въ коихъ выказываешься во всемъ своемъ блескѣ эта сила. Придайте сюда естественную склонность человека увѣковѣчивать свои и своихъ ближнихъ подвиги, желаніе жишъ въ памяти попомсѣва, и, напоследокъ, если еще народъ питаешь отъ природы

любовь къ Поэзіи, по послѣ этого очень понятно, что онъ, въ такомъ возрастѣ своей жизни, всегда чуждомъ высшей гражданственности, но за то всегда почти дѣятельномъ, разнообразномъ, кипучемъ, могъ имѣть не иначе исторію своего бытія, какъ только *литическую, рапсодическую, въ отдѣльныхъ національныхъ пѣсняхъ*, а Поэзія его должна быть непременно историческая, героическая, отражающая въ себѣ весь огонь, весь пылъ, все мощное, славное его прекрасной юной жизни. Поэтому характеръ Сербскихъ пѣсень предпочтительно—*Эпическій*. Это въ полномъ смыслѣ народная Эпопея и по своему содержанію,—богатырскимъ подвигамъ Сербскихъ юнаковъ,—и по нравамъ ихъ, какъ представителей цѣлаго народа, и походу и приемамъ своимъ, и по языку, простому и вмѣстѣ живописному, пластическому, съ его образами, сравненіями, уподобленіями, повторами, и т. п. Вспомните шутъ еще и то немаловажное обстоятельство, на первый взглядъ, правда, кажущееся пустымъ, но по соображеніи и дальнѣйшемъ его разсмотрѣніи, чрезвычайно многоцѣнное, именно, что разрозненные частіи, или лучше, пѣсни, изъ коихъ послѣ рука искуснаго художника (или художниковъ) составляетъ одно правильное цѣлое, одолженные началомъ своимъ, одни — самимъ дѣйствующимъ, ихъ соучастникамъ, другія—кому-нибудь изъ среды самаго народа, сложенные, нерѣдко, на мѣстѣ событія, и составляющія каждая какъ бы особую поему, что каждая изъ эпическихъ пѣсень поется людьми, образующими собой отдѣльный, самобытный классъ въ народѣ, для ко-

ихъ онѣ—все доспояніе, все имущество, берегущими ихъ *яко цѣницу ока своего*, и передающими изъ рода въ родъ, какъ свое наслѣдіе. Эпи люди въ древности, напр., у Грековъ, извѣсны были подъ именемъ *рапсодовъ* 1), люди просые, бѣдные, большею частію вмѣспѣ съ шѣмъ музыканшы и припомъ слѣпцы, бродившіе поодинокѣ всю жизнь свою опѣ селенія къ селенію, опѣ города къ городу, распѣвая на многлюдныхъ собраніяхъ, праздникахъ, играхъ, шоржищахъ, и ш. п., извѣсныя имъ пѣсни и перенимая для той же цѣли неизвѣсныя еще у подобныхъ себѣ и у самого народа, даже нерѣдко и сами соспавляя новыя; у Славянъ, именно у шѣхъ, жизнь коихъ предспавляла къ тому случай, у Южныхъ Руссовъ или Малоросіянъ (Украинцевъ), они назывались и называющся *бандурыстами* 2), а у Сербовъ просто — *слѣпцы* 3). Они шже дѣлающъ, что и Греческіе рапсоды, и ведутъ такую же шочно скишальническую жизнь, соединяя пѣніе съ музыкою: эшо въ полномъ смыслѣ Гомеры, будешели вы производить имя Гомеръ опѣ *ὁμῶν* (una, вмѣспѣ) и *ἑρῶν* (опѣ *ἑρῶ*, sero, consero, copulo verba verbis, *ὁμηρεῖω*, sum obses, *Ὀμυροῦς*, obses), или опѣ нарицашель-

1) Опѣ *ῥάπτω*, шью, соединяю, созидаю, *ὠδᾶς*, пѣсни; *ῥαψῳδέω*, carmina contexo, quasi consuo, — decanto, praecipue carmina heroica, epica; *ῥαψῳδός*, carminum textor, recitator, quasi consutor.

2) Опѣ инструмента *бандура*, Греч. *πανδοῦρα*, *πανδοῦρίς*, instrumentum musicum, triplici instructum chorda, Лат. pandura, Итальян. pandora. *Бандуристы* играютъ также и на *кобзѣ* и *лырѣ*.

3) Играющіе на инструментѣ «*гусли*.»

наго имени на Іоническомъ нарѣчіи *Ομηρος (саесис), слѣпецъ. Мы увѣрены, что изъ тщательно собранныхъ историческихъ пѣсень Сербовъ и Малороссіянъ человѣкъ, съ истиннымъ поэтическимъ чувствомъ и смѣшливостію, очень могъ бы составить одно систематически цѣлое, такое, какимъ представляется намъ *Иліада*, могъ бы составить свою *Славянскую Иліаду*. Содержаніемъ *Иліады* Сербской была бы борьба Сербовъ съ Турками за независимость; предметомъ *Иліады* Украинской—подобная же борьба Козаковъ съ Ляхами; почкой осправленія первой—несчастный бой на Коссовѣ, второй—такой же при Пяшкѣ (или же убіеніе Пи(о)дковы, иначе Серпягы во Львовѣ); изъ пѣсень семейственныхъ и ш. п. можно бы образовать *Славянскую Одиссею*; и наоборотъ, изъ историческихъ пѣсень новѣйшихъ Грековъ тоже могла бы образоваться ихъ новѣйшая *Иліада*. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь такимъ же образомъ составились *Эпопеи* Индійская, Скандинавская, Нѣмецкая, Романская, и ш. п.? Это народныя историческія пѣсни, распѣвавшіяся, когда-то, самимъ народомъ, а послѣ, по умноженіи ихъ, особыми пѣвцами: Браминами, бывшими вмѣстѣ жрецами, учеными, поэтами и пѣвцами, Скальдами, Бардами (не отъ Санскритскаго ли слова Барада, богиня дѣяній, дѣеписанія?), Трубадурами, Труверами, Миннензингерами, Рапсодами древнихъ, слѣпцами-нищими, спранниками новыхъ Грековъ, такими же слѣпцами Сербовъ, зпѣваками Чеховъ, Словаковъ, Бандурышамы Южныхъ Руссовъ, и ш. д. Теперь дѣло доказанное, что *Исторія* каждаго народа всегда начинается преданіемъ, мифами, не въ

теперешнемъ значеніи эшого слова, но въ его первоначальномъ, испинномъ смыслѣ, ш. е., какъ настоящее, дѣйствительное сказаніе о какомъ-нибудь событіи, и историческими пѣснопѣніями. Такъ всѣ дикіе народы, всѣ народы, неначинавшіе еще гражданственной жизни, или гошове переиши въ нее, въ эшомъ періодѣ бышія своего, ознаменованномъ преобладаніемъ, разгаромъ силъ физическихъ, всѣ лучшія, замѣчательнѣйшія по чему бы то ни было событія своей жизни, обыкновенно стараются сохранить надолго, воспѣвая ихъ въ своихъ пѣсняхъ, кошорыя, пошому, съ одной стороны, въ одно и тоже время, образуя съ собой разрозненные члены Эпои народа, а съ другой—первоначашки, основу его Истории, его прежняго быша, нравовъ, обычаевъ, и ш. д. Извѣстно, что древнѣйшая Исторія Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ, и другихъ народовъ, вся опирается на успешномъ преданіи и національныхъ героическихъ пѣсняхъ 1); равнымъ образомъ нѣкошорые (*Шафарикъ*) утверждаютъ, что и въ Истории Славянъ самыя старѣйшія извѣстія, сохранившіяся въ писаніяхъ льпописцевъ, чужихъ и своихъ, почерпнушы тоже изъ историче-

1) *Tacit. De morib. etc. c. 2. Carmina unum apud illos memoriae et annalium genus. Въ другомъ мѣстѣ: Arminius canitur adhuc barbaras apud gentes, Graecorum annalibus ignotus.—Павелъ Діаконъ* Н. Л. I. 27. Alboini ita praeclarum longe lateque nomen percrebuit, ut hactenus etiam tam apud Bajoariorum gentem, quam et Saxones, sed et alios ejusdem linguae homines, ejus liberalitas et gloria, bellorum felicitas et virtus in eorum carminibus celebratur.

скихъ пѣсень народа 1). Но ни чьи героическія или эпическія пѣсни сполько не сходствують между собою своимъ соспавомъ, ходомъ, языкомъ (его разнообразіемъ и ш. д.), оборошами, выраженіями, сравненіями, подобіями, карпинами, образомъ своего появленія, распроспраненія, сохраненія, пѣнія, и ш. д., какъ пѣсни древнихъ и новыхъ Грековъ и Славянъ, особенно Славянъ по-Дунайскихъ (Сербовъ) и Южно-Русскихъ (Руссиновъ или Малороссіянъ) 2).

1) Напр. извѣстіе Конст. Багрян. о пришествіи Хорватъ изъ Бѣлохорватіи въ Илирикъ (634 г.) подъ начальствомъ пѣши Князей—братъевъ и двухъ сесперъ, извѣстія Галла и Кадлубка о Краковѣ, Вандѣ, Лешкѣ, Попелѣ, Пяспѣ, и ш. д., Косьмы Пражскаго о Чехѣ, Неспора о построеніи Кіева, о походѣ Кіа на Царьградъ, о правленіи прехъ братъевъ и сеспры Лыбеди, о прибытіи двухъ братъевъ, Радима и Вятка, опѣ Леховъ на Русь, о насиліяхъ Обровъ, и ш. п. См. *Slow. Staroz.* стр. 196, 197. примѣч. 25.

2) Впрочемъ о новѣйшихъ Грекахъ теперъ идетъ споръ: почно ли они потомки древнихъ Грековъ, или же Славяне огречившіеся? Последнее предположеніе, судя по всему, кажется, справедливѣе перваго. На это указываетъ самая Испорія, ихъ нравы, обычаи, повѣрья, ихъ теперешняя географія, языкъ, пѣсни, и ми. др. По словамъ Прокопія, Приска и др. Славяне (Хорваты, Сербы, Булгары, и др.) съ VI-го ст. дѣлали набѣги и ужасно пусшошили Элладу и др. часпи Греческой Имперіи: *Iam enim saepe Hunni, Antae et Sclavini trajecto fluvio (Danubio) Romanos pessime foedissimeque vexarant. Procop. de bell. Goth. L. III. c. 14. Slavisata fuit universa regio (Peloponnesus, ἐσθλαβώδῃ παντα ἡ χώρα) ac barbara effecta (καὶ γέγονε βάρβαρος), quando pestilens morbus in omnem terrarum orbem grassatus est, quo tempore Constantinus Copronymus Romanorum imperii sceptrum rexit. Itaque quempiam e Peloponneso oriundum de nobilitate sua, ne dicam ignobilitate, gloriantem, Euphemius, illustris ille Grammaticus, cavillatus salse fuit hoc trito et pervagato senario (jambo):*

Вошъ почему всѣ, изучавшіе основательно Сербскія пѣсни, начиная съ перваго собирашеля и издашеля ихъ, славнаго Вука Стефановича, до иносстранныхъ переводчиковъ: Гергарда, Гримма, Вегзели, Тальве (дѣвицы Терезы Якобъ, шеперь Г-жи Робенсонъ). Боуринга, Гжи Э. Вояршъ, равно какъ и единоплеменныхъ (нѣкопрыхъ шолько пѣсень:) Челяковского, Ганки, К Бродзинскаго, Касшелица, и др., всѣ они единодушно соглашающся насчетъ эпического харак-

Γαλασδοειδὴς ὄψις ἐσλθαβομένη

Hic autem fuit *Nicetas*, qui filiam suam *Sophiam*, collocavit *Christophoro*, filio *Romani*, egregii ac probi Imperatoris. Конст. Багрян. (De them. L. II. p. 20. Th. VI). Сравн. I. P. Fallmarayer's *Gesch. d. Halb. Morea*, 1830. S. 340. Hiebey ist nicht zu vergessen, dass sogar die noch griechischredenden Ueberbleibsel des Peloponneses schon im X Iahrhunderte zu Constantinopel nicht mehr als *Hellenen*, sonder als eine Bastard-Race angesehen wurde, welche die Spuren ihrer slawischen Abstammung im Antlitze herumtrage. Desswegen wurde auch ein moraitischer Archont, dessen Tochter *Sophia* den Sohn des Kaisers *Romanus* geehlicht hatte, und welcher sich rühmte, aus dem Blute der alten Peleponnesier entsprossen zu seyn, von einem *Euphemius* mit folgendem Trimeter bestraft: «*Ein runzliches Slavonier-Gesicht.*» In vacuum habitatoribus Peloponnesum et magnam Macedoniae partem circa an. 750 Slavini immigrarunt. Конст. Багрян. (De Them. Th. 7. L. 2). Theoctistus praetor missus est ad thema Peloponnesi cum magna manu Thracum, Macedonum caetorumque thematum occidentalium ad Slavos debellandos subjugandosque. Et omnes quidem Slavos vicit et subjugavit. Soli *Ezeritae* et *Milengi* relinquebantur sub Lacedemonia et Elas. Ac quandoquidem mons illic magnus est et valde altus Pentedactylus nomine, qui cervicis instar longe se in mare porrigit, propter loci difficultatem ad latera ejus sedes posuerunt hinc *Milengi*, inde *Ezeritae*. Онъ же (De Adm. Imp. c. 50). Καὶ νῦν δ'ε (ок. 2000 г.) ὡς ὅσον "Ἡπειρον καὶ Ἑλλάδα σχεδόν, καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν

пера народной Сербской Поэзіи. Напр. извѣстный Якобъ Гриммъ: « Was epische Volksdichtung sey, wie sie sich gestalte und fortpflanze, welche natürliche überraschende, keiner Kunst erreichbare Kraft der Erfindung ihr zu Gebot stehe, wird man aus den Männer-und Heldenlieder der Serben studiren können, deren Inhalt Märchen, Sagen und neuere Geschichte umfasst, und sich mit den Denkmählern ferner Völker berührt (S. Gramm. S. 14, 20.) » Наиболѣе эпѣ эпическія пѣсни распространены и упошребительны, наиболѣе одолжены

Σχῦσαι Σχλάβοι νέμονται. [Сократ. Спрабона. *Tschakonen* in Osten des alten Sparta, jetzt noch nur 1500 Familien, in 4 Dörfern zwischen Nauplia und Monembasia, sind aber kaum noch in einzelnen Sprach-und Wortresten [Slaven. Die Namen der tschakonischer Städte *Kostanica*, *Sitina*, *Gorica* und *Prasto* sind slavisch, in ihrer Gegend ist sogar ein Ort Namens *Slabochori* (Slavendorf), und andere slavische Ortschaften in ganz Griechenland, z. B. *Kamenica* bei Patras. Копитаръ (Wiener Jahrb. d. Lit. 1822. B. 17). Фалльмерайеръ (Gesch. d. Hbb. Morea, Vorred. W. S. 243): Auch nicht ein Tropfen ächten und ungemischten Hellenenblutes fliesset in den Adern der christlichen Bevölkerung des heutigen Griechenlands. *Slaven, Blutsverwandts der Serbier und Bulgaren, der Dalmatiner u. Moskowiten sind die Völker, welche wir heute Hellenen nennen, u. zu ihrem eigenen erstaunen in die Stammtafeln eines Perikles u. zu Philopoemen hinaufrücken.*—Die Halbinsel Peloponnes wird seit mehr als tausend Jahren *Morea* genannt. *Moreas* ist aus dem slavischen Worte *More*, das Meer, entstanden, ist ein rein slavischer Name, welcher Küstenland, Seeland, Fläche am Meeresstrande, Litorale bezeichnet, so wie *Pomoran*. Die Moraiten des Flachlandes nannten die Bergcantone des Pentedactylos noch am Ende des 13. Jahrhunderts *Slavenland*, τὰ Σχλαβικά. Пукевиль (Voyage dans la Grece, T. II. стр. 191, 372) говоритъ, что племена Славянскія, обитающія въ срединѣ Греціи, по сию пору удерживаютъ много своего въ нравахъ и даже въ самой наружности, что жены Пелагонскихъ Булгаръ до сихъ поръ оплечаются русыми волосами и глазами голубы-

своимъ началомъ и совершенствованіемъ Сербамъ живущимъ въ Босніи, Герцеговинѣ, Черногорѣ и по южнымъ краямъ собственной Сербіи. Тутъ вы найдете въ каждой хижинѣ, у каждого человека гусле, и трудно отыскать, кто бы не умѣлъ играть на нихъ; многія даже женщины и дѣвы искусны въ нихъ. Напрошивъ, около Савы и Дуная и на лѣвомъ берегу Моравы рѣдко встрѣшите гусле. Въ Сирміи же, Бачѣ и Банатѣ ихъ увидите, развѣ, только у

ми, что Николая Чудотворца тамъ почитаютъ больше всѣхъ Св. Угодниковъ, и что они и теперь еще говорятъ языкомъ Славянскимъ. — Вотъ перешія Греческія названія урочищъ, городовъ, селеній, рѣкъ, горъ: Арахова, Баба, Бабино поле, Бардо, Борки, Быстра, Бѣлица, Вели-гости, Вербя, Виспица, Войница, Воспица, Гаспуни, Горица, Грабли, Градица, Гребено, Дельвино, Десница, Долина, Добра вода, Добро поле, Езеронъ, Загора, Каменица, Клиново, Клокова, Коница, Косовица, Крабапа, Курпа, Лавка, Ледорики, Ливно, Миса, Мудрица, Ново село, Оспрово, Планица, Поля, Премипи, Селица, Славена, Слави, Славица, Скала нова, Тепеленъ, Тополиасъ, Триполица, Трупя, Хельмина, Хорипица, Чока, Ялова. Сверхъ того въ Греціи, именно въ Эполіи, Акарнаніи, и др., озера такъ и называются, т. е. *озерами* же. — «Hr Kopitar beweist (Wien. Jahr. d. Lit. 1822. B. XVII), говорятъ Шафарикъ (Gesch. d. Lit. S. 115), dass das Neugriechische mit Slawischem stark versetzt und der tschakonische Dialekt, den andere Griechen nicht verstehen im Osten des alten Sparta, beinahe gewiss ursprünglich slawisch sey. «Въ языкѣ Русскомъ, замѣчаетъ покойный Гильдишъ (см. Введ. къ изд. имъ Ново-Греч. народн. пѣсн., стр. XXXI),—а особенно Малороссійскомъ, встрѣчаются слова Гелленскія, и такія, которыя остались въ языкѣ Ново-Греческомъ, и такія, которыя не вошли въ него; но что у насъ сохраняютъ они какъ значенія, иногда прямые, иногда переносныя, такъ и звуки Гелленскія. Такъ слова въ Велико-Россіи, или въ Малороссіи употребляющіяся: Βουγχιος, Бугай, Γλαχιος, Глечикъ молочный, и опшуда же глянганка, чѣмъ заквашиваютъ молоко, Κρηνις, криница, испочникъ, Κρυβδα,

слѣпцовъ. Так. обр. Эпической Поэзіи меньше всего благопріятствуюшъ Сирмійцы, Бачяне и Банашцы; Сербы на Савѣ и Дунаѣ меньше Босняковъ и Герцеговинцевъ (См. Серб. народн. пѣсни Ч. 2-я, Предисл. стр. XVII, XVIII и XIX). Такъ и бытъ должно: гдѣ нѣтъ причины, тамъ нѣтъ и дѣйствія; безъ случая, безъ повода къ опличію, нѣтъ опличія; нѣтъ героя безъ препяствій, затрудненій, надъ кошорыми бы онъ могъ испытать свои силы и, если можно, прео-

опъ нарѣчія существительное Кривда, неправда, коварство, Λάγνον, Лаханъ, пазъ, Μήστωρ, Масперъ, Майсперъ, Σκελετοῦς, Скелетъ Σκήτων, Скипка, Скибка, щепка, кусокъ, Τέττα, Тапо, опецъ, въ общемъ и почпительномъ выраженіи, Χαλεπός, Халепа, бѣды, несчастія, Χῆρος, Хирый, хворый, бѣдный здоровьемъ, Δρύπτω, Дряпаю, царапаю, Μόσσω, Мацаю, щупаю, Χολάδες, внутренности, кишки: послѣднее слово для любителей гипотезъ и толкованій. Праздникъ и пѣсни *Коляды*, въ Малороссіи и теперь существующія, можно изъяснить сими *Холядесъ*. Обыкновенно о Рождествѣ дѣлають памъ изъ свиныхъ кишокъ колбасы, *Холядесъ*; въ эпоже время просполюдимы ходяшъ подъ окнами домовъ колядовашъ, такъ сказашъ, выпрашивашъ колбасъ: ибо въ пѣсни, копорую при этомъ случаѣ поюшъ, перебуюшъ въ награду между прочимъ — *кольцо колбасы (кильце ковбаски)*» *). Далѣе, касательно сходства Славян. яз. съ древн. Греч., указываемъ на извѣстное сочиненіе опца *Экономида*: Опытъ о ближайшемъ сродствѣ яз. Славяно-Росс. съ Греч. 3 часпи 1828. Спб., на сочиненія Г. *Данковского*, хопя, правда, смѣлая, мечпательная, но пѣмъ

*) Но Χολάδες (Χολὰς, intestinum, а Χολᾶιος, biliosus, felleus; hinc τὸ Χολᾶιον, hepar, а Χολή, bilis, fel.), кажется, имѣетъ ближайшее еще соотношеніе съ Малоросс. *Хлякамы*, рубцами, п. е., кишками живошпаго, напр., бараньими и ш. д., Чеш. Flák, Flek, коими мясники называютъ kusy drobno neb masa, Швед. flinga, flank, Исланд. flycke, Нѣм. die Flecke, Stücke vom Fleisch und Eingeweiden (см. Слов. Юнгманна).

долѣшь ихъ: *per angusta ad augusta*; но при нихъ *potest ex casa vir magnus exire*. Въ названныхъ нами краяхъ Сербіи, Сербы имѣли и имѣють всѣ случаи къ геройскимъ подвигамъ, находясь во всегдашней почти враждѣ и непріязненныхъ отношеніяхъ съ Опшманами, неменѣе ихъ воинспвенными, изспупленными: «Кодъ еданъ зевне, зеваю и други,» и: «Уза сухо дерво и сирово гори.» Вошъ опъ чего они богашы

не менѣе очень важныя въ эпомъ отношеніи.—Сходство пѣсень Ново-Греч. съ Славянскими (Русскими, Сербск., Чешск., Малоросс., и др.): въ сравненіи отрицательныхъ (совершенно чуждыхъ Поэзиі древнихъ Грековъ), лирич. приступахъ, употребляющихся во многихъ различныхъ пѣсняхъ съ небольшими, иногда, измѣненіями, участіи предметовъ неодушевленныхъ, а болѣе всего пшицъ, конхъ, на эпомъ разъ, снабжають способностью говорить, и мн. др. — Наконецъ у древнихъ и новыхъ Грековъ многіе Славяне занимали важныя государспвенныя должности, самый даже пресполь, напр., *Юстиніанъ В.*, наз. *Управда*, *Ὀυτρωουδα*, правда, *justitia*, управо, *recte*, *juste*; отецъ его *Истокъ*, а *Истокъ* у Сербовъ—*sol oriens*; мать—*Бигленица* (опъ *bedliwý*, *bedlný*), *Бедлиница*, обращен. Лапшницами въ *Vigilantia* (Имя *Правда*,—говоритъ *Колларъ* въ Выкл. ку Сл. Д.,—носятъ и теперь еще многіе Словаки, напр., въ Песнь и др. м.). *Василій Македонянинъ*, род. въ окреспноспахъ *Θεσσαλονικъ*, былъ Славянинъ, по словамъ Араб. писателя, *Гамза*, изъ Испгани, въ нач. X стол. (см. *Engel's Gesch. d. alt. Pannon. u. d. Bulgar. S. 516. 1797*). Папріархъ *Никита*: *Anno 780* (*Theophanes apud Stritt. II. p. 82*). *Nicetas, genere slavus, eunuchus, Constantinopolitanus Patriarcha, diem extremum obiit.*—*Nicetas, presbiter SS. Apostolorum et monasteriorum praefectus, e Slavo patriarchae dignitatem adeptus, annis 13 mensib. 4 patriarchatum tenuit* (*Nicéphorus ap. Stritt*). Въ началѣ X вѣка Импер. Александръ имѣлъ при себѣ двухъ Славянъ, *Гавриила* и *Василила*, бывшихъ его любимцами, изъ конхъ послѣдняго назначилъ даже своимъ наследникомъ. Въ послѣдною войну Грековъ съ Турками сколько опличилось Славянъ! Многіе изъ нихъ были славными вождями новыхъ Грековъ: *Боццарисъ* (Бочаръ), *Грива*, и др.

юнацкими пѣснями: они всѣ природные юнаки, и рѣдкій изъ нихъ умираетъ на пуховикѣ. Укрываясь въ горахъ, коими устья ихъ родина, они вѣчно провожаятъ поклонниковъ пророка своими отважными вылазками, спѣшаютъ на встрѣчу имъ какъ на брачный пиръ, не съ голыми руками, но съ свадебными подарками: «Кодъ идешъ къ вуку на пиръ, поведи пса уза се.» Сирмійскіе же Сербы, сославляя собой часть Австрійскаго Государства, обезпечивающаго ихъ существованіе, вовсе лишены всѣхъ случаевъ къ удачнымъ подвигамъ; прежній суровый, айдуцкій характеръ ихъ, шеперь смягчился, потерялъ всякую упругость и энергію, необходимыя условія героизма, понизился до того, что даже «ни женске народне пѣсме не пѣваю, него кое-каке нове, што праве учени люде и джици и калфе прговачке (Предисл. Вука Сшеф. къ Серб. нар. пѣсн., стр. XIX)». Да, *omnes artes quotidiano usu et jugi exercitio proficiunt* (Veget L. 2), или, какъ говорятъ сами Сербы: «Гды е месо, шамъ су пси....» Отсюда понятно также, почему юнацкія пѣсни поютъ исключительно одни только «люди средовѣчни 1) и шарци (рапсоды),» наиболее съшою цѣлю, «да други слушаю,» и пошому особенно обращающъ вниманіе не столько на голосъ, на пѣнье, сколько на самую пѣсню, ея содержаніе. Между шѣмъ, какъ въ пѣсняхъ женскихъ (любовныхъ, обрядныхъ, и ш. п.), кошорыя и у нихъ, какъ и вездѣ, всѣ дышатъ Лиризмомъ, и далеко уступаютъ въ числѣ

1) Особенно «айдуци,» которые «зими на япаку даню леже у пошан, а по сву нощъ пію и пѣваю узъ гусле (Предисл. къ Серб. нар. пѣсн., стр. XXXIV)».

первымъ (пошому чшо при шакомъ грозномъ положеніи жизни Сербовъ, имъ было не до женъ, не до домо-вишоспи, не до общесшвенноспи, « больше думая о «онашшву, него о любовѣ»), болѣе смощряшъ на « пѣ-ванье, него на пѣсму, » и поюшъ « найвише по двое у еданъ гласъ ради свога разговора (Тамъ же, смр. XVII.) 1.)» Юнацкія пѣсни чрезвычайно просшы; но вмѣстѣ съ шѣмъ рѣзки, разишельны, богашы внезап-носшью, неожиданносшью оборошовъ; въ нихъ мало чувствъ возвышенныхъ, зашо много, больше чѣмъ много, изящныхъ образовъ, и сравнивая съ Малорос-сійскими Думами, усшупаюшъ эшѣмъ послѣднимъ въ силѣ, драматическомъ движеніи и разнообразіи кар-шинъ піишическихъ, пошому чшо дѣйствіе въ эшѣхъ Сербскихъ пѣсняхъ всегда почти *разсказывается*, из-лагаешся, а не представляешся на самомъ дѣлѣ, какъ эшо бываешъ въ Южно-Русскихъ. Эпическая шкань первыхъ своимъ сосшавомъ больше подходишъ къ Одѣ, Героидѣ, хощя нерѣдко и онѣ начинаюшся дра-матическимъ вопросомъ, (иногда и аллегоріей), между шѣмъ какъ въ послѣднихъ видише вездѣ и во всемъ Драму 2).

1) «Женске се пѣсме данасъ слабо спѣваваю, осимъ шшо дѣвойке кашпо припѣваю момчадма и момчадъ дѣвойкама (Тоже, смр. XXXI).»

2) Les évènements de ces récits se dessinent avec nettelé comme dans les oeuvres des poètes helléniques. Mais il a manqué aux chanteurs Serbes ce sentiment dont les Grecs étaient doués: *l'idéal*. Jamais la beauté des formes, la grâces des proportions, la noblesse des contours, l'unité de la composition, éternelle gloire des compatriotes de Sophocle et de Pindare, n'a caractérisé les oeuvres naïves de cette nation agricole, говоритъ неизвѣстный сочинитель спашьи: *Poésie populaire des nations slaves* (въ North American Review,

VI. Прежде насъ уже было другими сказано, хоть и недоказано, что отличительный признакъ пѣсень Сѣверныхъ Руссовъ (Великороссіянъ) составляютъ глубокая унылость, величайшее забвеніе, покорность своей судьбѣ, какое-то раздолье и плавная просяженность. Отъ чего же это? Тутъ много было причинъ, выработавшихъ этошъ характеръ Русскихъ пѣсень; во первыхъ вспомнише мѣсто жительства, этошъ хладный, угрюмый Сѣверъ, съ его пасмурнымъ небомъ, съ его мрачными, дебрисными лѣсами, необозримыми полями и болошами, Сѣверъ, — царство зимы, вьюгъ, мяшелей и бурановъ, его ми-

переведенной въ *Revue Britannique* 4° série, tome 7-e, 33-e livraison, Janvier 1837, p. 47). Но причину этого онъ уже самъ сказалъ выше (стр. 46), говоря: «On y voit toute l'existence de la société dans les époques patriarcales; les poètes qui les ont créés sont inconnus. Quiconque a ressenti, l'inspiration, l'a répandue à son tour: acceptant une histoire donnée, par les traditions, déjà revêtue de formes poétiques et enrichie de circonstances merveilleuses; il l'a communiquée à ses auditeurs, ou léguée à ses descendans. Ceux-ci ont fait de même; et, de poète en poète, le chant national s'est perpétué, se chargeant d'ornemens nouveaux, de variantes et même de contradictions. Une verve féconde anime ces oeuvres que tout un peuple et des générations nombreuses ont composées à frais communs. Mille épisodes sont venus s'adapter au récit principal et en diversifier l'unité. Souvent ces divers rameaux s'enlacent et forment comme une forêt de poésie, pleine de fraîcheur et de charme.» Онъ же прибавляетъ: «Certaines tournures et certaines images fréquemment répétées rappellent la poésie des Grecs modernes. En Grèce, et spécialement en Morée, les races grecque et slavonne se sont confondues pendant le moyen âge. On doit aussi porter en ligne de compte l'identité de culte entre les Serbes de l'Eglise grecque et les Hellènes modernes.» Это говоритъ также въ пользу большаго сходства какъ самыхъ новѣйшихъ Грековъ съ Славянами, такъ и ихъ пѣсень съ пѣснями послѣднихъ.

молетную весну, короткое лѣто, его осень, которая ужаснѣе зимы южной. Далѣе вспомните скудость, бѣдность природы, ея почти повсемѣстную равнинность, прерываемую только изрѣдка, кой-гдѣ, небольшими холмиками, нагорностью, извѣстной подъ обыкновеннымъ названіемъ плоской возвышенности, и наконецъ спростную привязанность Сѣвернаго Русса къ отдѣленію себя отъ всего существующаго, къ какой-то забывчивости, такъ молвить, къ отвлеченію отъ міра дѣйствительнаго, его неохоту выражать обстоятельство и событія этого послѣдняго, отъ коихъ зависишь замѣчательный переломъ въ судьбѣ человѣка, какъ члена гражданскаго общества. Это-то причины условили шеперешній характеръ Сѣверо-Русскихъ пѣсень: мрачность, суровость, уныніе Сѣвера навели и на пѣсни Сѣверныхъ Руссовъ эту унылость, томность, составляющія ихъ необходимую принадлежность. Однообразіе и скудость природы, безъ горъ, утесовъ, скалъ, пропащей, водопадовъ, безъ этихъ дикихъ, страшныхъ, но возвышенныхъ, мощныхъ явленій, грозно-величественныхъ, прелестныхъ въ самомъ ужасѣ, лишило ихъ поэтической картинности. И хотя онъ друженъ съ своей природой, любитъ себя окружать ею, описывать ее, нерѣдко усиливая краски, но при всемъ томъ не позволишело было бы требовать отъ Поэзіи Сѣверянина, чтобы въ ней были:

..... полуденныя розы,
 Душистые, лимонные лѣса,
 Зеленый миртъ и виноградныя лозы,
 И синія, какъ яхонтъ, небеса....

Здѣсь жишель ни въ чемъ невиновашъ: какова природа, таковы и краски: « по неволѣ къ полю, коли лѣсу нѣшъ. » Руссинъ Сѣвера оспался при своемъ, что судьба послала ему на долю; всякому зерну своя борозда: шакъ почно всякому человѣку и народу свой учаспокъ въ жизни человѣчества. А оставшись при выпавшемъ ему жребіи, онъ, такимъ образомъ, оспался вѣренъ самому себѣ, проявилъ своею жизнію то, что ему опредѣлено было проявить; онъ не спѣшилъ жить по заморскому, а спѣшилъ собой быть. Разумѣется, онъ въ гражданской дѣятельности никому не уступилъ, ни своимъ соплеменникамъ, ни другимъ народамъ, сосѣдямъ и несосѣдямъ; шолько на позорище ея онъ смогрилъ своими глазами, имѣетъ о ней свои собственныя понятія, не бѣжитъ на рыспалище ея, подобно прочимъ, опрометью, сломя голову, напропивъ, при своей умѣренности и благоразуміи, при своемъ здоровомъ смыслѣ и незаносчивости, при своемъ довольствѣ малымъ, что Богъ послалъ, и ошсупствіи нахальнаго, безстыднаго тщеславія, онъ расправу чинилъ, рядъ рядилъ, судъ и правду весилъ предославляетъ своимъ Придержавшимъ, своимъ Вѣнчаннымъ главамъ, къ коимъ искони ошличался онъ своей вѣрностію, преданностію, своей безпредѣльной любовію: «вѣра Володарю — заборало Руссину.» Послѣдніе дѣйствовали умно, хитро, съ величайшей прозорливостію и знаніемъ дѣла, съ удивительной стойкостію, швердостію и ошотришельностію на опасномъ, скользкомъ политическомъ поприщѣ. Онъ на эшотъ шумный, устѣанный скалами и подводными камнями, театръ глядилъ, безъ со-

мнѣнія, не какъ на чуждый себѣ міръ, но какъ на такую, копорый не его сфера, не за обычай ему, на копоромъ дѣйствуютъ для его и общаго всѣмъ блага Володѣющіе имъ; а пошому онъ счишаешь неприличнымъ, чуждымъ себѣ, не дѣломъ проникашь въ тайныя, сокровенныя причины и цѣль предпріятій Водившихъ его на поля битвъ, будучи увѣренъ, что все это необходимо для счастья его родины, что съ его стороны пребудетъ одно орудіе, преданность, довѣріе, послушаніе и ревностное выполненіе велѣній своихъ Государей.

И такъ онъ пѣснѣе сдружился съ своимъ семейнымъ бытомъ, охопнѣе оспашеся въ своемъ семейномъ кругу, въ своемъ подручномъ мірѣ. Тутъ, безопшечно предаваясь покорности Судьбѣ, съ дѣтскою готовностью и незлобіемъ склоняя свою главу предъ ея велѣніями, предоспавляя все въ мірѣ и самага себя ея распоряженіямъ, онъ занимается, интересуется однимъ, окружающимъ его, однимъ текущимъ, суешимся въ этомъ мірѣ и воспѣваешь его въ своихъ пѣсняхъ, пошому что въ немъ только однимъ можешь свободно высказаться его душа. Такова ужъ природа человѣческая: что занимается, шевелишь человека, что по немъ, то для него мило, то онъ и холишь и забоишься упрочишь, передашь другимъ, сдѣлашь извѣстнымъ, увѣковѣчишь чѣмъ бы то ни было, пѣснѣю ли, разсказомъ, или инымъ образомъ: «гдѣ больно, шамъ рука, гдѣ мило, шамъ глаза.» Таковъ ходъ жизни Сѣвернаго Русса, испари заведенный, опъ копорого онъ никогда не

опшскупаемъ , свято исполняя усшавы опцовъ ,
 оспавляя ихъ навсегда неприкосновенными, завѣшны-
 ми: « Будь по сшарому, какъ посшавлено. » Въ эшомъ
 же сшародавнемъ образѣ жизни и быша, конечно,
 должно искашь и причинъ богатштва Сѣверо-Руща
 пѣснями бышовыми и п.п. Въ нихъ Поэзія его ешь
 чистое, вѣрное опраженіе его жизни, шой самой,
 какую изжили его опцы въ годы прежнія, времена
 старобышныя, первоначальныя, какою и шеперь жи-
 вушь ихъ пошомки: иныхъ звуковъ и пѣсень, по-
 вшоряемъ, нельзя было ожидать и никшо не впра-
 вѣ домогашься. Опсюда, обыкновенное содержаніе
 пѣсень Великорущскихъ: удалой, доброй молодець
 лихой дѣшина, свѣшъ-радосшь, душа-красна дѣвица,
 попеченія, « заботы » о своей « любви опкровенныя,
 нерѣдко опшзывающіяся всею просшошою первобыш-
 наго сосшоянія, « сравненія съ березою, сосною, съ
 голубушкой, ушицей, » бѣлой лебедушкой, сизымъ ор-
 ломъ, яснымъ соколомъ, и др. предметами своего,
 не очень богатаго природой, міра. « Въ Русской пѣ-
 снѣ парень да дѣвка, » или « по кошорой улицѣ идешь,
 про шу и пѣсенку поешь, » говоритъ Русская посло-
 вица, лучше всего характеризующая Русскую пѣс-
 ню. Если Русскій прибѣгаетъ къ природѣ, шо онъ
 рѣдко стараешся передать ей жалобы, свои сѣпо-
 ванія, чувстввованія и думы, и, шакимъ образомъ,
 дѣлясь съ другимъ своимъ горемъ, облегчишь грудь
 опъ подавляющей ее тягосши. Большею частію въ
 шакомъ случаѣ онъ ищешъ разсѣянсья, описыва-
 ешь окружающіе его предметы, и ш. д., час-
 шо довольствуюсь просто копировкою, или же,

что всего обыкновеннѣе, разсказомъ, повѣствованіемъ. Взглядъ его, такъ сказать, скользитъ по природѣ, не проникаетъ вглубь; опъ того описанія его больше всего поверхностны, какъ бы мимоходомъ набросаны, иногда прикрашены; но всего чаще онъ предается забвенію, и, зажмуривъ глаза, закрывъ ухо рукою, склонивъ голову на сторону, хочетъ расперяться въ своихъ просяжныхъ, заунывныхъ звукахъ и переливахъ: въ полномъ смыслѣ слова—заливается. Оприцательныя сравненія, столько любимыя, повсемѣстныя въ пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ, суть также, если не ошибаемся, плодъ обыкновенной настроенности, обыкновеннаго состоянія духа Сѣверо-Русса, условленнаго его географіей, исторіей и образомъ жизни и быта. Извѣстно, что люди характера меланхолическаго, задумчивые, унылые, любятъ уединяться въ самихъ себя, или же ищутъ разсѣянія, облегченія въ забывчивости, отвлеченіи опъ окружающаго ихъ. Привыкнувъ къ лишеніямъ и пошерьямъ, они обыкновенно мало обольщаютъ себя заманчивыми надеждами, воздушными замками, не sperant in spem contra spem, но вмѣстѣ съ Римлянами говорятъ: saevienti fortunae animus submittendus, и попому, опказывая себѣ во многомъ, незамѣтно приучаются и смотрѣть на большую часть, такъ сказать, отрицательными глазами, и выражаться о немъ отрицательнымъ же образомъ. А кто не знаетъ, чего стоить Русскому добытый имъ кусокъ хлѣба, какихъ усилій стоить ему борьба съ его скудною, небогатою, сурою природой, съ его суровымъ, грознымъ Сѣверомъ? Въ чемъ онъ не принужденъ опказывать себѣ, вѣчно

сражаясь однимъ терпѣніемъ своимъ и спойкостью съ эшимъ непобѣдимымъ исполиномъ? . . .

Напрошивъ, историческими пѣснями Великороссіянинъ небогашъ. Причины эшого заключающся, какъ уже было выше замѣчено, въ его образъ жизни и быта и, кромѣ шого, въ его природной скромности: онъ не любитъ, подобно многимъ прочимъ, хвасташься своими подвигами, менѣе суешень и щеславень: « было и былѣемъ поросло. » Но чшобы вовсе не было у него такихъ пѣсень, эшого нельзя сказать: извѣстно собраніе ихъ, сдѣланное Украинскимъ Козакомъ, *Кишей* (Кирилломъ) *Даниловымъ*, зашедшимъ на Великую Русь, особенно скишавшимся по Сибири и распѣвавшимъ старинныя историческія пѣсни, равно какъ и относящіяся къ его времени, ш. е., къ послѣднимъ годамъ XVII и первому XVIII стол. Въ нѣкошорыхъ изъ эшѣхъ пѣсень историческія событія перемѣшаны съ чистыми вымыслами (о Владиміръ В. и нѣсколькихъ его богатыряхъ), другія же просто историческаго содержанія съ небольшими украшеніями и выдумками. Въ нихъ, большею частью, голый, но естественный, прелестный своей безыскусственностью, рассказъ, кой-гдѣ съ незапѣйливою живописью, простыми, обильными повшореніемъ, описаніями, частымъ употребленіемъ однихъ и шѣхъ же любимыхъ выраженій, оборотовъ и словъ, съ многосоюзіями, и ш. п.

Впрочемъ, правила имѣють исключенія. Нельзя же, чшобы жизнь человека-Сѣверянина не испытывала когда-нибудь значительнаго потрясенія, шѣмъ бо-

лѣе жизнь цѣлаго общества, народа въ гражданскомъ состояніи, сполько вѣковъ жившаго собственною, самоспояшельною жизнью. При всемъ однообразіи жизни Сѣверныхъ Руссовъ, выпадали мгновенія, въ кои и они цѣлою массою разыгрывали драму: холодная Сѣверная кровь возмущалась, текла кипучей струей въ ихъ упругихъ жилахъ, сердце горѣло сѣрымъ огнемъ, и они, мощнымъ взмахомъ рукъ своихъ, разили дерзкихъ, осмѣливавшихся нарушать ихъ спокойствіе, посягать на ихъ благо. Мы разумѣемъ здѣсь времена Грознаго, эпоху междоусобицъ и самозванцевъ, гражданскихъ и др. измѣненій Петра Великаго, нѣсколько лѣтъ изъ царствованія Екашеріны II-й, и, наконецъ, славный 1812 годъ; придайте еще сюда опдѣльную жизнь Великаго Новгорода, его меньшаго брата, Пскова, Войско Донское, и ш. п. Тушъ жизнь ихъ, шакъ молвишь, драматизировалась, а пошому и въ пѣсняхъ, относящихся къ эшимъ временамъ, замѣтно, хопъ не вездѣ, что-то драматическое, болѣе движенія, разнообразія, болѣе дѣйствія, болѣе жизни. Несмотря, однако же, на эши эпизоды, главное положеніе о пѣсняхъ Сѣверныхъ Руссовъ остается неизмѣняемымъ: эшо Поэзія не борьбы духа съ рокомъ, но покорности его своей судьбѣ, *ita tamen, ut flectamur, non frangamur*. Опсюда Сѣверо-Руссъ охопнѣе остается въ своемъ семейномъ кругу, ищетъ въ немъ наслажденій, отдохновенія послѣ неравнаго боя съ своей Сѣверной Природой, и ш. д., воспѣваетъ его, но все-го чаще предается глубокому унынію, или же, съ шоски, беззапретному разгулу, протпорному раз-

долю, ошчаянному самозабвенію, и, спараясь опдѣ-
лишься опъ окружающаго его, ищешь потеряться
въ просяжныхъ плавныхъ звукахъ, попопишь въ
нихъ и свое горе и себя горемыку. Эшо Поэзія —
повѣствовательно-описательная, въ коей вездѣ
видише разсказъ и вмѣстѣ рядомъ съ нимъ описаніе,
но дѣйствія, драматическаго изложенія предмета,
почти нигдѣ, или, по крайней мѣрѣ, очень мало.... 1)

VII. Совсѣмъ другое — народная Поэзія *Южныхъ
Руссовъ* (Украинцевъ, Малороссіянъ), Поэзія всѣмъ
своимъ соспавамъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, е *dia-*
metro прошивоположная Поэзіи Руссовъ Сѣверныхъ.
Да иначе и бышь не могло. Изъ всѣхъ Славянскихъ пле-
менъ Сѣверные и Южные Руссы—самые несходспвен-
ные между собою, не смошря на одинакосшь ихъ

1) Для желающихъ знать, что думаютъ о нашихъ пѣсняхъ ино-
спранцы, выпиываю характериспику ихъ, сдѣланную сочини-
телемъ упомянутой выше спавъи: Poésie pop. etc. «Quant
aux chants populaires russes qui ont aujourd'hui cours parmi
le peuple, la plupart datent d'une époque peu éloignée et n'offrent
pas le même intérêt qui s'attache aux vieux chants épiques
ou aux contes des fées en prose, dont les nourrices de ce pays
amusent leurs nourrissons. La plupart disent les espérances et les
peines amoureuses, plus souvent encore les desirs sensuels du
paysan russe.... Fidèle au génie des Slaves, cette nation chanteuse
a ses romances de naissance et de funérailles, de mariage et de
baptême: elle enlace toute la vie, le berceau et le tombeau, d'une
longue guirlande de chants naïfs. Souvent les allusions que ces
ballades contiennent se rapportent à des circonstances religieuses
de l'ancien paganisme, qui ont cessé d'être intelligibles. Souvent
aussi, mutilées et altérées à travers les âges, elles offrent un mé-
lange de toutes les époques (Чьи же пѣсни этого не имѣютъ?),
mélange fait pour déconcerter l'historien et l'observateur.—Il y a
dans toutes ces compositions populaires, un caractère de grâce
caressante, une multitude d'épithètes et de diminutifs de tendresse

общаго названія, названія, обращая вниманіе на происхожденіе ихъ, въ истинномъ смыслѣ совершенно чуждаго какъ шѣмъ, шакъ и другимъ, перешедшаго на нихъ совсѣмъ отъ другаго народа, нѣкогда сильно дѣйствовавшаго на нашемъ Югѣ и владѣвшаго тамошними Славянами (См. С. О. и С. А. 1835 NN 37, 38 и 39.). Но сколько Сѣверъ и Югъ различаются одинъ отъ другаго, столько различаются другъ отъ друга и ихъ обихъ: шущъ географическое имя какъ нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ. Такой разладъ въ свойствахъ этихъ Руссовъ и ихъ Поэзіи происходитъ отъ ихъ происхожденія, мѣстности и странъ, ими занимаемыхъ, и разности ихъ исторической и бытовой жизни и прочихъ постороннихъ обстоятельствъ, сюда прив-

qui ne se retrouvent chez aucun peuple (Это свойственно пѣснямъ всѣхъ Славянскихъ племенъ). Les mots *matouchka*, *batouchka*, *starinka* (mon petit père, ma petite mère, mon petit vieillard), son souvent appliqués même à des objets inanimés. Le dictionnaire des amans russes est d'une grande opulence, quant à ces termes de caresses naïves, de tendresses enfantines, et de délicatesse érotique (И это также обще всѣмъ пѣснямъ Славянскимъ). «Ma petite lune, ma lune brillante, mon petit soleil» sont des expressions très vulgaires. Le paysan appelle sa jeune maîtresse *yagodka*, ma petite groseille. *Douchynka* et *machynka*, ma petite âme, mon petit trésor (?!),» sont très employés. A ces expressions caressantes se joint une mélancolie secrète et sans amertume qui s'accorde très bien avec les mélodies rêveuses (?) des chants nationaux, et qui se mêle à la sensualité dont nous avons parlé. Les airs primitifs des autres nations se composent d'une ou deux notes. Les Russes ont des mélodies tout entières pensives et élégiaques, mais toujours agréables.—Dans un grand nombre de ballades, on voit dominer la vénération pour le czar, sentiment qui se mêle aux émotions profondes de la piété populaire, et qui va jusqu'au dévouement le plus complet.... (сmp. 54—56).

шекшихъ вслѣдствіе различныхъ причинъ и дѣйствій. Вспомните Югъ Русскій за девять и болѣе предъ эшимъ вѣковъ; вѣчныя, безсмысленныя ссоры и драки его князей между собою за какой-нибудь пусшой учаспокъ земли и ш. п., довели ихъ до крайняго ослабленія и передали первенство на нѣскольکو времени Сѣверу, пока и онъ, опъ шѣхъ же причинъ, не разспроился и не потерялъ его, и, наконецъ, оба не сдѣлались добычей Монголовъ и Тапаръ. Народъ не бралъ къ сердцу ихъ счешовъ между собою, не иншересовался ихъ выгодами и потерями; ему все равно было пусшошить землю, взяшь на щипъ городокъ, и ш. п., подъ спягомъ ли Олеговичей или Мономаховичей. Это была дѣяшельность, несклонявшая въ свою пользу сердца рашовавшихъ, дѣяшельность, такъ сказашь, машинальная. Доказательствомъ тому то, что народъ не почшилъ эшѣхъ усобиць ни одной своей пѣсней, никакимъ почпи преданіемъ, ни малѣйшею, хошь бы глухою, шемною, опдаленною молвой. Онъ ихъ предалъ забвенію, какъ недоспойное имени Русскаго, чего не могло бы бышь, если бы онъ бралъ въ нихъ еердечное учаспіе; напрошивъ онъ сохранилъ въ своей памяти, предалъ позднѣйшему попомсшву въ своихъ разсказахъ и пѣснопѣніяхъ дѣла предковъ гораздо древнѣйшей эпохи, кошорыя, почему бы то ни было, занимали его, дороги были ему своей цѣнностью (напр. пѣсня о посшроеніи Кіева, многія пѣсни о дѣлахъ Владимира В., и ш. п.). Но когда полчища Башыя положили, напослѣдокъ, конецъ междоусобной борьбѣ Сѣвера и Юга Руси, то первый съ покорностью

повиновался своей судьбѣ. Князья его, сперва лаской и коленнопреклоненіемъ задобривали къ себѣ Хановъ; потомъ, когда и ихъ престоль спалъ колебашься ошъ внутреннихъ несогласій и междоусобій, В. Князья Московскіе спали употреблять къ своему освобожденію изъ-подъ Азіятскаго ига полипику, въ которой они были очень свѣдуши и опышны. Напротивъ Южные Князья, безпрестанно шѣснимые, съ одной спороны, заочевавшими слишкомъ близко къ нимъ Ташарами, съ другой Лишовцами, двигавшимися изъ среды мрачныхъ Бѣлорусскихъ лѣсовъ, напрасно силились противустоять могучимъ своимъ врагамъ: имъ и полипика не помогла, и они должны были безмолвно сносить свою участь — быть данниками, пока мало помалу не перевелись. Но народъ не потерпѣлъ, чшобы прекрасная его земля осталась навсегда за *погаными*: *Melius frangi, quam flecti*, или, говоря его же пословицей: «Або добушь, або дома (въ господѣ) не бушь. Лучче въ землѣ плѣшы, нижъ Ташарвѣ службышы.»... Еще въ прежнихъ схваткахъ и битвахъ съ Печенѣгами, Половцами и пр. Азіятскими ордами, непрерывно нападавшими на *Русичей*, корешко ознакомившись съ ихъ наѣзднической системою войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо челоука, съ неприимиримой местию въ душѣ къ разорителямъ своей родины, удалились, разумѣеся, прежде всего въ дремучіе при-Днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый, ближайшій пришонъ. Но не находя и здѣсь вѣрнаго убѣжища, спустились внизъ по Днѣпру и засѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили

себѣ *Сѣчь* на островѣ *Хортыцѣ* (кажется первая *Сѣчь*), попомъ прошивъ Каменнаго запона (недалеко отъ Никополя, на правой сторонѣ Днѣпра: *Сѣчь Никитинская*, *Мыкытына застава*, *ригъ*, *перевизъ*), далѣе *Тышлицкую Сѣчь* (при Днѣпровскомъ прошокѣ, *Тышлыкѣ*, пониже *Хоршицы*? при *Ташлыкѣ*, впадающемъ въ *Синюху*? за р. *Саксаганомъ*, по сказанію *Симоновскаго*? или же гдѣ индѣ, по близости Днѣпра), при устьѣ *Бузулука*, и ш. д. *Ишамъ*, въ окопахъ (родъ небольшихъ укрѣпленій и ш. п., по обоимъ берегамъ Днѣпра по *Лыманъ*, и въ другихъ угодныхъ мѣстахъ), окруженныхъ валомъ, рвомъ, часпоколомъ, имѣя передъ ними, когда нужда преобладала, *шаньци*, *рогашки*, или *берлоги*, *западни*, *пошаенные входы* и *выходы*, *могилы*, *маяки*, *пушки*, словомъ все, что только могло обезпечить ихъ отъ нечаяннаго нападенія, гдѣ только можно было держаться, равно какъ и въ шемныхъ окресныхъ лугахъ, особенно въ *Великомъ лузѣ* (лѣсѣ, покрывающемъ низменныя мѣста: собственно занимающемъ собой весь лѣвый берегъ Днѣпра отъ устья р. *Конской* воды, впадающей въ Днѣпръ, внизъ къ Черному морю, между Днѣпромъ, *Азовскимъ моремъ* и его *заливомъ Сивашемъ*), *Чорномъ* (между большимъ *Ингулемъ* и *Телункой*), *Мотрыномъ* (подлѣ *Чигрина*, по *Тясмину* и Днѣпру вверхъ), *Лебедыномъ*, *Майдановомъ*, *Стебловомъ* (между Днѣпромъ, *Ингулемъ* *Тясминомъ*, *Росью*, *Бугомъ* и *Тилигуломъ*) лѣсѣ, и др., за Днѣпровскими порогами и на нихъ, въ *Дикомъ полѣ*, и ш. п., безопасные отъ всѣхъ поисковъ и ярма чужеземнаго, совѣшались между собой, куда и какъ лучше и вѣрнѣе направлять свои

набѣги. Дружина эшихъ *Бурлакъ, Гайдамакъ*, несмотря на ихъ холостую жизнь (женамъ шутъ не было мѣста ни по времени, ни по обстоятельству, ни по мѣсту, ни по образу жизни), не уменьшалась, но день со дня увеличивалась все болѣе и болѣе приходомъ новыхъ смѣльчаковъ, досадовавшихъ на пришельскаго *Татаръ, Лишовцевъ, Поляковъ*, и др. Вѣроятно, также, къ нимъ, по временамъ, присоединялись и разрозненные, бродившіе безъ пристанища, тамъ и сямъ, оспашки *Половцевъ, Торковъ, Берендѣевъ*, и п. и., которые, какъ малочислѣннѣйшіе и ниже образованіемъ *Русичей*, слѣдовали во всемъ примѣру эшихъ послѣднихъ: принимали ихъ вѣру, нравы, языкъ, и ш. д., и, так. обр., нечувствительно перерождались въ *Русичей*. Окруженные, осаждаемые со всѣхъ сторонъ, *во-рогами*: съ Сѣверо-Востока *Монголами, Лишвой*, съ Юга *Крымцами и Турками*, съ Запада *Польшей*, они мужались: никогда не зная себѣ покоя, распивая день и ночь кровавое вино на своемъ богатырскомъ пирѣ, *сватовъ поили и сами ложились за землю Русскую, желая луцезъ потяту, неже полонену быти. Эпи чубатые* всюду являлись, какъ снѣгъ на голову:

Постепахъ, по лугахъ,
По Татарскихъ земляхъ, по Турецкихъ горахъ,
По Черныхъ моряхъ и по Ляцкихъ поляхъ.

Никто не зналъ, гдѣ, когда и какъ покажутся эпи *безспрашные*:

Козакъ лежытъ на могилѣ, не думаетъ, не гадаетъ:
Стрепенувся да ѣ полынувъ, вѣперъ чубомъ граетъ.

Оттого ихъ молодецкая слава:

По всѣму свѣту дыбомъ спала,
 По всѣму свѣту спеномъ розляглася, простяглася,
 Да по всѣму свѣту луговымъ гоминомъ роздалася...

Но не всѣхъ же равно могла плѣнить холосшая жизнь; природа взяла свое: многіе доспавали женъ себѣ въ своихъ походахъ, или просто призывали прежнихъ подругъ; а какъ въ Сѣчѣ не впускались обабившіеся, то имъ дозволялось селиться неподалеку отъ Ковча. Изъ соединенія нѣсколькихъ куреней и хатъ эшихъ послѣднихъ образовывался постепенно хуторъ, изъ хуторовъ села, и ш. д.; подвигаясь далѣе и далѣе вверхъ по Днѣпру, коего оба-пола лежали въ пустоши по милости Монголовъ, они, такъ обр., сближались непримѣтно съ своими братьями горожанами, сами дѣлались горожанами, и образовывали незамѣтно, исподоволь Козачество городское, полковое и остьдлое, давая совершенно новый видъ, новую форму Руссинамъ, подготавливали новую эпоху жизни, не насильно, но оспорожно, черезъ прошивоположеніе стараго новому быту, черезъ наглядное сравненіе преимуществъ одного передъ другимъ. Липовцы не прекословили расселяться, какъ менѣе непріятные имъ, какъ уже сдѣлавшіеся христіанами, у коихъ языкъ Славянскій былъ актовымъ, судебнымъ и придворнымъ, но только съ условіемъ охранять отъ нападеній непріятелей Волынь, Подоль, Кіевъ и Черниговъ, особенно для нихъ важные; равно и Поляки вначалѣ той же системою слѣдовали, позволяя раздвигать имъ свои сельбища до самаго Кіева (впослѣдствіи охочекомонные Козаки). Наконецъ, за свои услуги, «за мужество великое на бранѣхъ,» получили нѣсколько

городовъ при Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, и сисстематическое устройство, разныя привилегіи, права, шишулы, и ш. д. «Опшолѣ болѣ въ силу Козаки распаху (Сшар. запорож. лѣшоп.)» Этимъ переходомъ ихъ въ гражданское общество, покончился *первый* періодъ ихъ жизни, *Бурлацтво, Гайдамацтво*, и начался новый, *гражданско-воинственный*, въ кошоромъ, хопя не было уже столько раздолья и беззапрешности, но все же воля вольная, широкая, въ полномъ смыслѣ *Козацкая* (здѣсь-то и слово *Козакъ*, прежде бранчивое, коимъ Ташары и подобные имъ ругали удалыхъ *Русичей* и оставили за ними навсегда, было облагорожено, возвышено, получило совсѣмъ другое значеніе, *лыцарское* (какъ изъ слова *Ritter*, первоначально всадникъ, то, что разумѣюшъ подѣ именемъ *Рыцарь, Кавалеръ*). Башорій, прозорливый, Великій Башорій, «*поразумѣвая о козакахъ*» предрекъ имъ блестящую будущность: «будешъ, рече, когда-сь одѣ шѣхъ юнакивъ Рѣчѣ посполишая вольная (Сшар. Запор. лѣшоп.)» Онъ всѣми мѣрами спарался привязашъ къ себѣ Козаковъ, «шановавъ и поважавъ, великіи дары даровавъ» прося, чшобы они:

Зѣ ёго Ляхамы,
Якъ зѣ риднымы брашамы
Жылы,
А ёму, королю Польщы, якъ боговъ,
Що живе високо на небѣ,
Вѣрою и правдою служымы, »

зная всю бездонность, всю мощь ихъ воли. И эта широкая, безграничная Козацкая или Рыцарская воля, нес *plus ultra* развернула себя, горячими, огненными буквами вписала время своего полного разлива въ лѣшописи, одушевленную и неодушевленную при-

роду и память людей, особенно въ XVI и XVII в., когда Козакъ на своемъ лихомъ конѣ, далеко превышавшемъ въ быспрошѣ самага царя пернапыхъ (по словамъ пѣсни), когда онъ на эпомъ волоцюзѣ, розбышацѣ, больше имъ поважаемомъ мамы, тата, сестры, брата, и не бравшій за него срибла хочѣ повную груду, съ дугообразною Дамасскою шаблею, сыпавшею зраду по всть вѣчны рокы, парою мѣшкихъ пистоливъ, съ спысомъ, оспрымъ якъ голочка, онъ, повишый войною, закаленный въ буеспи, хмарою налешалъ на бусурманивъ, грудью опспоивая свою опчизну и религію опъ ихъ наводненія, а съ пѣмъ вмѣспѣ и оспальную Европу. Эшо была пора чести, славы и вѣйсковои справы:

Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пидъ ноги топтала.

Но эша же исполинская, бездонная, адаманшовая Козацкая воля, еще больше, еще рѣзче обозначила себя въ войну за Восточную Церковь, въ періодъ престрашныхъ злыднивъ, бездольныхъ годинъ, вѣйсковыхъ чваръ, когда самая трава ничила жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонялось, когда, какъ поюшъ Украинскіе рапсоды, прилетѣли изъ западу гусы, явились попы въ ладивныцяхъ, завязалась ужасная борьба въ Церкви и Обществѣ, стала тяжка брань, такъ чшо

Дывыпшыся горе:

пошому чшо шеперь оппчилась Вѣра прошивъ Вѣры:

Вѣра Вѣру боре!

Ожесточеніе съ обѣихъ споронъ было равное: все,

что только можешь выдумать человекъ въ такомъ изступленіи самага спрашнаго, смертоноснаго, вѣрнѣйшаго для испребленія себя, все это было выдумано и исчерпано до дна въ эту религіозную войну. И тщешны, суешны были всѣ усилія Папы, Іезуитовъ и Ляховъ; Козацкая воля устояла на своемъ, охранила Вѣру, родину и свободу:

... Пройшли, изійшли злыя незгодыны:
Немае никого, щобъ насъ подолѣлы...

Не смошря на это, Козаки, однако же, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, при всемъ напряженіи силъ умственныхъ и пѣлесныхъ, не могли добыть себѣ у своей судьбы согласія на долговременную, прочную самобытность. Въ эту самую пору провидѣнію угодно было, чтобы Сѣверная Русь, Турція, Швеція и Польша ближе сполкнулись между собою, глазъ на глазъ свидѣлись, и рѣшили бы сами великую прю о первенствѣ на Восшокъ и Сѣверъ Европы и представительствѣ ихъ предъ Западомъ и Югомъ. Сыны Украйны должны были войши въ сисшему Бѣлаго Царя послѣ 8-го Генваря 1654 г., послѣ изъявленной готовности на соединеніе на вѣчныя времена, какъ одновѣрнымъ, единокровнымъ, чтобы не было разномыслия и шатости съ обѣихъ сторонъ, ежебы защитити и сохранили народъ православный отъ врага и мстника, чтобы враги не посмѣвались; и послѣ поступленія подъ Высокую руку, Козаки покорились своей судьбѣ.

Такая долгая тревоженная жизнь: цѣлые пять вѣковъ не влагать въ ножны меча, день и ночь вести

борьбу съ внѣшними и внутренними врагами, ошъ Бурлацко-Гайдамацкаго быша перейши къ Козацкому, а ошъэшого, наконецъ, съ слезами на глазахъ, къ Чумацко-Земледѣльческому (*), такая жизнь народа, всею душой своей привязавшагося пламенно, бѣшенно къ воинской славѣ, и чѣмъ долѣе упивавшагося ею, тѣмъ болѣе жаждавшаго, народа, у кошораго желѣзная Славянская мощь достигла высшей степени разгара, своего зенища, безъ всякой посторонней помочи и соспрудничества, но при лично-собственнѣхъ силахъ, такая огненная жизнь, неожиданно, ех abruptly прерванная судьбой на пуши величайшаго своего разширенія, полного разлива, на всемъ ходу, на всемъ бѣгу корабля, несшагося къ землѣ обѣщанія, что спрашиваемъ, такая жизнь такого народа должна была произвести въ немъ самомъ?

Судя по человѣчески, никакого не могло бытъ другаго слѣдствія, какъ только одно неудовольствіе, прямо ошъ глубины души шедшее и запечатлѣнное всею энаргіей ея, одна досада на свою щербатую долю.

Пошому-шо и въ пѣсняхъ ихъ эшо неудовольствіе, эша досада, эшотъ ропотъ на долю, вполнѣ отразились, во всѣхъ шочкахъ проникающъ ихъ, спояшъ на первомъ мѣстѣ. Чувствуя свое достоинство

1) Указаніе на эти три періода жизни Украинцевъ находимъ въ слѣдующемъ куплетѣ одной изъ ихъ пѣсень.

«Ой хворшуно, хворшунуно!

Послужы жъ ще такъ корысно:

Служыла въ Бурлацшвѣ, служыла въ Козацшвѣ,

А послужы жъ ще й въ Чумацшвѣ...»

и полное право на лучшій жребій, но при всемъ уси-
ліи не получая его, естественнo изъ груди ихъ
должны были вырваться горькія жалобы на свой
рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце.
Очень часто слышались стоны, вопли, крики, такіе
болѣзненные, свѣжіе, живые, что вчужѣ заплачешь,
обольешься горячими слезами; безнадежность же ни-
гдѣ такъ болѣзненно, такъ нестерпимо — мрачно,
такъ невыносимо-тяжело для сердца, такъ могиль-
но не рисуется, такимъ гробовымъ холодомъ не об-
даешь, не пашешь на васъ. Да, шепъ невольно ска-
жешь и себѣ съ *Паліємъ*: » *Лыхо жыты въ свѣтъ!...* »

Ой пиду жъ я, пиду, да зъ сѣго края пиду:
Ой покыну я да у симъ краи бѣду.
Ой оглянусь я за крупою горою, —
Ажъ иде бѣда слѣдочкомъ за мною...
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною ввязалася?
— Я зъ тобою, безпаланый, зъ тобою вѣнчалася.
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною вчепылася?
— Я зъ тобою, безпаланый, зъ тобою родылася. —

Или въ другой пѣснѣ:

Ой выйду я за ворота—погляну на провалья:
Чы всѣмъ людямъ таке жытыя, а якъ мое безпаланья!...
Да жывить, люде добры, ой якъ по вамъ подалося,
А я буду туляпыся, бо такъ мнѣ довелося!...
Ой бодай ты, моя доле, на днѣ моря упонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю впопыла!...

Характеръ женскихъ пѣсень — тошъ же самый. Тоска
по избранномъ сердцемъ, увлеченномъ долгомъ боро-
ныты Украину, долгомъ, опъ кошораго ничпо въ
мірѣ не въ силахъ опорвать его, проклятія на ви-
новниковъ одиночества, и опъ того жалобы на Небо,

пеня на долю, сѣшваніе, скорбь, грусть, недовольство своимъ жребіемъ, и ш. п., рѣдко, весьма рѣдко улыбка, распворенная счастьемъ: вошъ ихъ шема, до безконечности разнообразная. Здѣсь, кромѣ шоскливости, ропшанія, часто, шакже, слышите безнадежное опчаяніе:

Ой хворшуно несчастлива! що ты виробляешъ?
 Дала начасъ пизнапыся, шеперь розлучаешъ!
 Охъ вы рокы, охъ вы рокы, рокы неправдывы!
 Вкорошите жыпытя мынѣ, будыте мылоспывы!
 Вкорошите жыпытя мынѣ, покиль въ смупку буду?
 Лучче жъ мене умершвыте, шо всего забуду!
 Охъ вы рокы, охъ вы рокы, хочъ не прыбувайте!
 Колы вы насъ розлучылы, дакъ жыпытя не дайте!
 Лешѣвъ орелъ по-надъ моремъ, да й спавъ голоспы:
 Тяжко важко намъ убогымъ багапыхъ любыпы!
 Не такъ счастье, не такъ доля, якъ багапы люде:
 Якъ розлучушъ по любви, шо й счастье не буде...
 Степъ шырокый, воду выдно, мылого не бачу:
 Якъ почую мову ёго, шо заразъ заплачу.
 Не зхопѣвъ же, мій мыленькый, дружиною бупы:
 Ой дай мынѣ шого зилья, щобъ тебе забуды!
 Е у мене шаке зилья, близько перелазу:
 Якъ дамъ шобъ напыпыся—забудешъ одъ разу;
 Буду пыпы, выпывапы, и капли не впушу:
 Тодижъ тебе я забуду, якъ очи заплачу!...

Даже въ пѣсняхъ веселыхъ, гульливыхъ, въ коихъ даешся полная, совершенная свобода разгулу, насмѣшливыхъ, издѣвочныхъ (сапирическихъ, ироническихъ), шушочныхъ, обрядныхъ, и ш. п., шамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы вспрѣшшь, вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, замѣчаешъ примѣсь грусти, какой-то дальній опголосокъ знакомаго гореванья, извѣстной кручины, слышите журбу-тугу...

Что касается до изложенія, то оно, вслѣдствіе столько дѣятельной, бурной, кипучей, полной заботъ и безпокойствъ жизни, вездѣ почти *Драматическое*, что, на оборотъ, говоришь о сильной дѣятельности того народа, коему принадлежатъ такіе пѣсни. Гдѣ дѣятельная, разнообразная, исполненная трудностей и борьбы жизнь, тамъ и лично-народныя поэтическія произведенія непременно опливаются въ форму *драматическую*, безъ вѣдома виновниковъ ихъ бытія, пошому что это ихъ прямой, естественный, единственный путь, а другаго нѣтъ и быть не можетъ. Въ противномъ случаѣ Поэзія эта не была бы собой, тѣмъ, чѣмъ она есть, Поэзіей народа, его свѣтлымъ и вѣрнымъ отраженіемъ, его чистосердечной, *щирою* исповѣдью, его ошкровеніемъ; иначе онъ немилосердно, безсовѣстно *лгалъ бы* самъ на себя; а народы, ошколь свѣтъ споишь, въ такихъ обстоятельствевахъ, по свидѣтельству и мертвыхъ и живыхъ, никогда не пришворствують, не *лгутъ*. Если гдѣ, такъ именно здѣсь, и только здѣсь, извѣстная пословица:» гласъ народа—гласъ Божій,» имѣешь свое насоящее приложеніе, свое законное мѣсто. Въ этомъ отношеніи пѣсни Южно-Русскія—единственные въ своемъ родѣ, споятъ выше пѣсень всѣхъ прочихъ Славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко, встрѣшишь драматическое положеніе, составляющее, пошому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у первыхъ оно необходимое, повсемѣстное, существенно-естественное, природное свойство. Пѣсни Украинскія столько выше пѣсень другихъ Славянъ, сколько Драма выше прочихъ родовъ Поэзіи, составляя собой

какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой Поэзіи, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ, описаніе, и ш. п. Кромѣ того, онъ выше прочихъ и своей музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ, (кошорый, въ эпомъ случаѣ, сравнивать можно только,—изъ древнихъ съ Греческимъ, изъ новыхъ съ Итальянскимъ), стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и шоникъ, и ритму, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ шѣмъ стройнымъ, разнообразнымъ и богатымъ, своею многочисленностію и разнообразностію, и ш. д. 1). Поэтому мы не думаемъ, чтобы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и оспальныхъ Славянъ, могъ бытъ столько пѣсенлюбвымъ, пѣсеннымъ, какъ Южные Руссы (Украинцы, Малороссіяне): пѣмъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыя сошны. Любовь къ музыкѣ и пляскѣ неразрывно соединяется у нихъ

1) Все, сказанное нами шеперь, слѣдовало бы подтвердить доводами, но это далеко бы отвлекло насъ за предѣлы нашего разсужденія; шѣмъ неменѣе, однако же, все это справедливо. Кто хорошо знакомъ съ языками Славянскими и ихъ народною и искусственною Литературой, шопѣ, безъ сомнѣнія, не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пущымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣемся изложитъ этошъ важной предметъ во всей его обширности, и доказать его истинность. Что же касается до многочисленности пѣсенъ Украинскихъ, то скажемъ, что въ нашемъ собраніи ихъ, котораго опнюдь не выдаемъ за полное, начашомъ за 7 лѣтъ предъ этимъ и наполняемъ пѣснями, собранными только въ одной Полтавской губерніи, то въ немъ шеперь имѣется уже слишкомъ за восемь тысячъ, 8,000, пѣсенъ.

съ любовію къ пѣнію и пѣснямъ, идушь обруку: «Москаль до читанья, Ляшокъ до скаканья, а нашъ братъ Козакъ до спѣванья,» говоришь ихъ пословица, вѣрно характеризующая въ этомъ случаѣ при сосѣдственныхъ и одноплеменные между собой народы. Пѣсня—дневникъ Малороссіянина, въ который онъ вносишь все, что ни мыслишь, ни чувствуешь, ни дѣлаешь. «Въ этомъ отношеніи,» — справедливо замѣчаешь одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, хорошо постигающій Малороссію (Н Гоголь), — «пѣсни для Малороссіи — все: и Поэзія, и Исторія, и опщевская могила (См. см. о Малоросс. пѣсняхъ, въ его Арабескахъ). Онъ могушь вполне назваться историческими, потому что не опрываются ни на мигъ опъ жизни и всегда вѣрны шогдашней минушь, шогдашнему сосшоянію чувствъ.» Описанія въ нихъ, шакъ сказашь, мимоходомъ, эпизодическія, при всемъ шомъ всегда удивительно согласныя съ природою. Въ нихъ, обыкновенно, самыя рѣзкія, характеристическія черты предмета схвачиваются, и шо, большею частію, употребляются лишь для почтѣйшаго, сильнѣйшаго выраженія душевныхъ чувствъ, лавою исторгающихся изъ глубины сердца и ни на мгновение не охлаждаемыхъ многорѣчіемъ или длиною періода; напрошивъ, всюду порывъ спроси, сжапосшь, швердосшь, лаконизмъ выраженія, просшодушіе, ешпешвенность, особенная нѣжность и сила чувствъ. Вообще должно сказашь, что эти образы, уподобленія, сравненія, и ш. д., въ пѣсняхъ Южно - Русскихъ опшичаются всею безыскусшвенностію, непринужденностію, всею ненапянущошью, самобыш-

ностью, природнымъ изящствомъ и поразительной
 точностью, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Сѣверо-
 Русскихъ видно, по замѣчанію *Максимовича* «больше
 искусственности, нѣкотораго рода произволь, же-
 ланіе прикрасъ (См. Предисл. къ Малоросс. пѣснямъ).»
 Сравненія послѣднихъ—безпрерывно отрицательныя;
 напрошивъ того сравненія первыхъ вездѣ, исключая
 развѣ кой-какія Думы и Историческія пѣсни, по-
 стоянно — *положительныя*. Опъ этой-то любви
 къ положительному, нѣкоторымъ образомъ, происхо-
 дитъ положительность даже въ самомъ выраженіи
 единичныхъ предметовъ, взятыхъ изъ внѣшняго
 (иногда и внутренняго) міра, и замѣняющихъ собой
 цѣлое, родъ ихъ, для означенія какого-нибудь об-
 стоятельства, мѣста, времени, бывшихъ свидѣте-
 лями того или другаго случая, той или другой были:

Въ недѣлоньку рано розигралось море:
 Не одному сыну на чужинѣ горе!

Шлы коровы изъ дубровы, овечки изъ поля;
 Выплакала кары очи кры Козака споя.

Черезъ гору орелъ воду носыть;
 Дѣвчинонька Козаченька просыть.

Рыбалочка по бережку да рыбоньку ловыть,
 А мылая по мылому бѣлы ручки ломыть.
 Рыбалочка по бережку да рыбоньку удыть,
 А мылая по мылому бѣлымъ свѣпомъ нудыть.
 Рыбалочка по бережку рыбоньку хапае,
 А мылая по мылому пѣженько вздыхае.
 Рыбалочка по бережку якъ ласпівка вѣщѣця,
 А мылая по мылому якъ орлиця бѣщѣця.

Наконецъ, еще разъ повторимъ: знакомые съ народной Славянской Поэзіей, въ эпихъ словахъ нашихъ не найдуть никакого преувеличенія, оправдають нашъ отзывъ, произнося который мы были чужды всякихъ корыстныхъ видовъ, чьего бы то ни было вліянія, не возвышали одного насчетъ другаго, не приписывали одному того, чего у него вовсе нѣтъ, и не отнимали у другаго законно принадлежащаго ему, составляющаго все наличное его благо, то, чѣмъ оно красно и добро. Многіе и прежде насъ, разсматривая пѣсни Славянскихъ племенъ, то же самое думали «Я се велице на зпѣванкы шѣшимъ: небошъ Русинске писнѣ народни се ми, мези вшеми слованскими, вжды нейвице либины,» говоришь извѣстный Вацлавъ Ганка.

VIII. Теперь слѣдовало бы намъ разсмотрѣть пѣсни остальныхъ Славянскихъ племенъ, визнавъ духъ и означивъ ихъ характерстическое направленіе, какъ это сдѣлали мы съ пѣснями Чеховъ, Моравовъ, Словаковъ, Поляковъ, Сербовъ, Велико и Мало-Руссовъ. Но путь предстоящъ намъ большія препятствія: первое изъ нихъ, быть можетъ, когда-нибудь и уничтожится, но на эту пору непреодолимо, именно: отсутствіе собранія народныхъ поэтическихъ произведеній Бѣло-Руссовъ, Болгаръ, Словенцевъ (Виндовъ—Славянъ въ Крайнѣ, Шпиріи и Каринтіи), Люшичевъ (Луцицевъ въ Горной, Верхней Лузаціи, Лушицевъ въ Дольной, Нижней Лузаціи 1) и Со(е)рбовъ (—Вендовъ въ Саксоніи); другое

1) Не *Лужичанъ*, какъ обыкновенно ихъ называютъ, потому что слово это происходитъ не отъ *луже*, но отъ *лютъ*, *лютый*.

навсегда останешся препятствіемъ, ш. е. вѣчная
пошера народныхъ пѣсень Славянъ, при-Балтійскихъ:
Бодричей (Обош(д)ришовъ) 1), Вараговъ (Вагровъ),
Полабовъ, Линоновъ, Киссиновъ, Вильцевъ (Велешовъ,
иначе Люшичевъ 2), Ру(ю)говъ (Рановъ), Цирципа-
новъ, Укеровъ, Сподоранъ, Толленцевъ, Ред(ш)аровъ,
Бризанъ, Га(е)веловъ, Ви(о)линовъ, Ререговъ 3), Кас-

Верхне-Лузапцы въ своемъ языкѣ не имѣютъ слога *ти* (ti),
равно какъ и Нижне-Лузапцы, и перемѣняютъ *т* (t) передъ *и*
(i) на какую-нибудь другую букву: первые, обыкновенно, на *ц*
(c), а послѣдніе на *ш* (sz) *Лу(ю)цици*, *Лу(ю)шици*. Но произво-
дитъ названіе ихъ опъ *луже* не только противно Этнологіи,
но и самой Исторіи. Такъ въ *Comm. Rer. Lus. Christ. Manlii*
(in Hofmann. script. c. 5. §. 5.) читаемъ: «In Inferiore (Lusatia)
Lutici consederunt, qui nunc *Lusatii*, ipsi quoque Heneta seu
Slavica gens.» Hermannus Contractus, Funecius, Krantzius, и др.,
не полагаютъ никакого различія въ именахъ *Lutici*, *Lusici*, *Lusatae*.
Другіе Нѣмцы и онѣмчившіеся Славяне писали и передѣлыва-
ли это имя каждый по своему: *Litzi*, *Lictitiani* (Avent. V. 9.),
Liticiani (Cuspinian. p. 126. ed. Franc.), *Linsinzani* (Regino ad an.
963.), *Lusunci*, *Lusnici*, *Licicavici*, *Lusiti*, *Lutzentes*, *Lutzani*, *Lu-
zenses*, и т. п. См. *Rozprawy o gmenách národu Slawského*, od
Jana Kollára. Budin. 1830. стр. 393.

- 1) Въ имени *Оботритовъ* или *Аботритовъ*, иначе *О(А)бодритовъ*
о или а—придапочное, *т* переходитъ въ *д*, и наоборотъ, ко-
нечное *т* составилось изъ *ч*, *ц*, *к*: *Бодрици* (ы), *Бодроки*, *Бодри-
чи*, ш. е. *Бодрые* (смѣлые, сильные, храбрые, и т. п.), *ободрен-
ные*. Сравн. Венгер. *bátor*, *Bátory* (смѣлый, сильный), Азіят.
батуръ, *батырь* (вишазъ, герой), и Русс. *богатырь*.
- 2) *Вильци* опъ *вилкъ* (волкъ, о-и, к-ц,) *влкъ*, *влчекъ*, *wauzka*, *wü-
tzka*, ш. е. волки, иначе назывались еще *Лютици*, также опъ
люпый: «Hi quatuor populi,-говоришъ *Гельмольдъ* (L. I. p. 6.),
a fortitudine Wilzi sive Lutici appellantur.» *Вильци* писали и
Вилти, опшуда *Велти*, *Велети*.
- 3) Нѣкоторые Ререговъ считаютъ вѣшью *Бодричей*, другіе напро-
тивъ, говоряшъ, что это было только другое имя самихъ Бо-
дричей. «Deinde sequuntur Obodriti, qui altero nomine Reregi

субовъ, и др., вмѣстѣ съ испребленіемъ эпихъ нашихъ одноплеменниковъ. Правда, Челяковский въ своихъ Славянскихъ пѣсняхъ предлагаетъ понѣсколько пѣсень Славянъ перваго разряда 1), но по нимъ никакъ нельзя заключать о духѣ цѣлой Поэзіи на-

vocantur, et civitas eorum Magnopolis (Adam. Bermen. Hist. p. 19.). «*Rerich* civitas Obotritorum (Ann. Fuld. ad. an. 809).» «Trasico in oppido *Rarich* ad mare sito, per sicarios a Dano submissos, occisus est (Helm. p. 36.).» *Magnopolis*, иначе *Микилинбургъ* (Мекленбургъ), *Великій городъ*, въ первомъ періодѣ Истории Оботриповъ (910—1111.), назывался Вендскимъ именемъ *Ререгъ*, и составлялъ крѣпость, любимое мѣстопребываніе ихъ Князей и мѣсто главной морской торговли; разрушенъ Дашчанами въ IX в. Имя Ререговъ и ихъ города происходить или отъ *рарогъ*, или отъ *рорыкъ*, изъ коихъ первое у Чеховъ, Поляковъ и Босняковъ означаетъ особенный родъ сокола, именно синій голубой соколъ, *faleo cyaneus*, *Blaufuss: Raroh*, *modry sokol* (Словарь *Палковича*, Ч. II. стр. 1967.); *Raroh: strakaw' gestrah*, *accipiter stellaris*, *falco cyaneus*, *der Fischeaer*, *Blaufuss*, *Sternhabicht*, *Sprintz* (Словарь *Бернолаковъ*, Ч. IV. стр. 2618.); *Rarog*, *ptak falco buteo*, *der Blaufuss*, *wielkoŹci iastrzēbia*, *koło błot się tułaiący* (Словарь *Лунде*, Ч. III.-я, стр. 14.). А второе — *ласточку*: *Roreyk*, *deŹlow njk*, *Spierschwalbe*, *hirundo arvensis* (Палков. сл., стр. 1989); *Roric*, *trasoritka* (Бернол. слов., стр. 2738). Не отъ *Рарога* ли, *Рорика*, и имя нашего *Рюрика*? Если онъ былъ не Норманнъ, а Славянинъ, Князь Вараговъ-Руссовъ, или просто Вараговъ (Варяговъ), то имя его должно быть чисто Славянское, а не значить какой-нибудь изуродованный *Родерихъ*. Тутъ только одна буква изменена нами по свойству нашего языка или лучше Южно-Рус-

1) Исключая пѣсень Бело-Русскихъ, коихъ только нѣсколько напечатано въ В. Е. и Молвѣ. У насъ имѣется около двухъ тысячъ, 2,000, пѣсень Бело-Русскихъ, но всѣ онѣ преимущественно свадебныя и обрядныя.

рода. «Что же вы, Силезцы, вы Славяне, обитающіе на тучныхъ берегахъ Дравы, Савы, и въ другихъ мѣстахъ? Не ужели вы, молча, обрабатываете свои поля? Безъ пѣнія гоните свои спада? Безъ пѣсень проводите жизнь свою? Конечно и у васъ можно бы было найши ихъ, да нѣтъ ищущихъ.» Такъ говоришь только что названный нами писатель (См. Предисл. его къ Славян. пѣсн. Ч. I-я, стр. VII.) о невозможности, не только сдѣлать оцѣнку пѣснямъ эпическихъ Славянъ, но и просто имѣть ихъ. Однако же, имѣвшіе случай слышать пѣснопѣнія эпическихъ однородцевъ нашихъ, вопъ что говоряшь о томъ. «So mühsam auch das Verdienst der Croaten ist (die als Heumäher, Schnitter oder Drescher wandern),—замѣчаетъ Чапловичъ (Gem. v. Ung. T. II. p. 122.)—so gleicht der Zug der Arbeiter dennoch mehr einem Fest, als einem Arbeitsgang. Zahlreiche Männer und Weiber mit Blumen geputzt verlassen Haufenweise

скаго, въ которомъ о часпо переходить въ у (Рурикъ), ю (Рюрикъ). А извѣстно, что Славяне нерѣдко брали себѣ имена и прозвища отъ птицъ. Равнымъ образомъ имена брашъевъ Рюриковыхъ—поже Славянскія. Синеусъ естъ не что иное, какъ Синевъ, Знѣвъ, отъ знити, звинѣти, звѣнѣть. Длугошъ (Hist. Pol. T. I. p. 49.) пишетъ Scyniew, Нарушевити — Zyniew. Оттуда имена Зни, Зніовъ, Знинъ, Зниславъ, Звониславъ, Звониміръ, и п. п. Труворъ—чиспо Славянское имя, которому соотвѣтствуетъ Краинское Труборъ, Труберъ: извѣстный переводчикъ Краинской Библии назывался Примошъ Труберъ (XVI ст.), Чешское Труборъ, Траборъ, Треборъ, или съ прибавл. Стреборъ: «И каже кнѣзь на Спрѣбора (Кралде. рук.).» Отсюда же имена: Треборъ, Труборъ, Требата, Трибота, Требанъ, Требова, Требенъ, Требонъ, Требошъ, Требомыслъ, Треборадъ, Требиславъ, и п. д. (см. Rozpr. o gmen. nár. slaw., od t. Kollára, стр. 358, 59, 60).

und mit Freuden ihre Wohnorte: ein Pfeifer od. Geiger geht dem Zuge voran, das *Volk singt* u. jauchzt, u. auf Rastationen, sey's im Schatten der Wälder, od. neben einer Schenke, wird lustig getanzt.» «Der Serbe in der Lausitz, — увѣряешъ *Антонъ* (Ueber die Slaven. T. I. S. 33.),—der oft täglich seinem unserblichen Herrn zu Hofe dienen, oft harte Behandlung von seinem Junker erdulden muss, oft nur ein armseeliges Lassgut besitzt, und ein Thor seyn würde, wenn er es im geringsten verbessern wollte, da er nicht weiss, wie lange er es behalten werde, ist heiter und freut sich seines Lebens. Ein Volkslied von ihm trägt ganz seinen Character an sich: Hanchen, mein Liebchen sey fröhlich wenn du auch kein Körngen gesäte hast.»—

Что касается Славянъ при-Балтійскихъ, мы повторимъ только здѣсь слова *Яна Коллара* (См. Народ. зп. Ч. 2-я стр. 489—90.): «Ахъ, чего бы мы недали за то, если бы намъ можно было имѣть хоть ошрывки пѣхъ Славянскихъ пѣсень, копорыя нѣкогда раздавались надъ Бальпомъ, Лабой (Эльбой), Салой, прежде нежели несчастная судьба подавила и истребила ихъ, шакъ, что мы теперь о нихъ не знаемъ больше ничего, какъ только, что ихъ было великое множество, судя по словамъ извѣстныхъ шрехъ Славянскихъ пословъ, присланныхъ ошшуда къ Аварскому Хану, и ушверждавшихъ, что земляки ихъ, не знаясь съ войной, покойно и весело проводяшъ жизнь свою, занимаясь музыкой и пѣніемъ (Stritt. Memor. рор. II. р. 53.). » Послѣ эши, какъ извѣстно, столько тихіе, смирные Славяне, когда Нѣмцы рынулись на нихъ своими *Крестовыми походами*, опличились необыкновеннымъ му-

жесшвомъ, геройски защищая свою независимоспъ, религію, родину и шорговлю. Послѣдняя (бывшая у нихъ въ самомъ цвѣтущемъ сосшояніи, и опсправлявшаяся не только со всей Сѣверной Европой, но и съ Греціей и Азіей) была главной причиной зависти и ненависти Нѣмцевъ прошивъ нихъ, упошребившихъ свяшое дѣло религіи орудіемъ для удовлешворенія жадности своей къ корысти, порока, замѣченнаго еще древними писателями: «*Sunt Germani pecuniae imprimis avidi* (Herodianus, in Alexandro, ad an. 235.).

Для несыщенія своей жадности, они, съ свойственнѣмъ имъ искони лукавствомъ и хитроспїю 1), всѣми мѣрами спарались ослабить и совершенно искоренить несчастныхъ Поморянскихъ Славянъ: религія въ рукахъ ихъ, въ эшомъ случаѣ, была только благовиднымъ къ шому предлогомъ. Вошъ, въ корошкихъ словахъ, правила, коими они руководспвовались въ безчеловѣчной войнѣ съ Славянскими племенами при морѣ Балпійскомъ и въ Сѣверной Германіи: «*Tributum, vectigalia, decimae, simulque Chrsitianitas; et, nisi tributum et decimae, nulla Christianitas; tributo accepto factaque praeda, nullus porro de Christianitate sermo.*» Ужасна была борьба съ обѣихъ споронъ; наконецъ Славяне должны были усшупить многочисленности своихъ враговъ: одни изъ нихъ легли на полѣ бившы, другіе бѣжали въ чужую спорону, прешьи, оставшіеся у себя, со временемъ, какъ малочисленнѣйшіе, потерялись въ шолпѣ Нѣмцевъ, и,

1) Germani versutissimi natumque mendacio genus. *Vellejus*. L. 2 c. 118.

волею-неволею, непримѣтно онѣмечились, переродились. Прекрасно изобразилъ Поэтъ судьбу ихъ:

«Ан 1) лежи земѣ та, предѣ окомѣ мымѣ селзы роницимѣ,
 Нѣкды колейка, ныни народу мего ракевъ.
 Вшакѣ часу тенѣ горши е чловѣкъ, енжѣ берлу 2) железну
 Въ тѣхпо краинахѣ на тѣву, Славѣ, шѣи хопилѣ.
 А kdo се лупеже те, волаици възгору, допустилѣ?
 Кдо зганобилѣ 3) въ едномѣ народу лидспво целе?
 Зарди се 4) зависпна Тевтоніе, суседо Славы,
 Тве винѣ тѣхпо почептѣ зпахалы нѣкды руки.
 Небѣ 5) креве никде толикѣ невылилѣ чернидлаже жадный
 Непришелѣ, цо вылилѣ къ загубѣ Славы Нѣмецѣ.
 Самѣ свободы kdo годенѣ, свободу зна важипи кажды,
 Тенѣ кто до пупѣ има опрокы, самѣ е опрокѣ 6).
 Кде спе се оцплы миле zde быдлившихѣ народу Славо,
 Народы енжѣ Помори памѣ, шупо Салу пилы?
 Сорбо вѣтѣвѣ пихе, Ободрипске рише 7) попомци,
 Кде кменове Вилчо, кде внукове спе Укро?
 На право шире гледимѣ, на лево зрекѣ быспре опачимѣ,
 Нежѣ ме дармо 8) око въ Славѣи Славу гледа.
 Кде су народове ши, сихѣ кде книжапа, мѣста?
 Енжѣ первы въ северу зкришили живопѣ.
 Народе миспровскый якове пакѣ машѣ запо дикы 9)?
 Розшклубаный 10) гнусне зпощворенности вѣнецѣ.
 Якѣ вчелы медѣ завоницѣ крадне се до уле цизего
 Герну спаднѣ а пакѣ матку и дилкы бѣи:
 Такѣ шу дому власпни подробенѣ панѣ, хипре му влезлый

1) Вонѣ.

2) Оковы (собспвенно палка), цѣпѣ.

3) Обезчеспилѣ.

4) Краснѣй, спыдись.

5) Потому что.

6) Рабѣ.

7) Царство, владѣніе.

8) Напрасно.

9) Благодарность.

10) Разорванный; пошранный.

Суседъ овилъ пѣжкый смутнѣ о гардло ретѣзь 1)
 Кде спанила въ зеленыхъ гаехъ пѣла писнѣ Славенка,
 Ужъ глаголемъ зпѣвна успа умлукла нѣмымъ.
 Славы сына къ брапрому пришедого въ шы крае незна
 Брапѣ власпнѣй, аниже вдѣчнѣ му пискне руки.
 Речь го циза зарази зе рпо а швари славенске,
 Зракъ му лже Слована, слухъ кламы болнѣ кази.
 Одродили сынове вшакъ све сами мапце зачаспо,
 Бичъ мацехы гришне облизуице, лан.
 Несу ни Словане живошемъ несу ани Нѣмци,
 Полъ того, полъ того енѣ якъ непопирѣ маи.
 Народъ и чеспѣ змизели 2), съ языкемъ богове zde заникли,
 Енѣ сама зоспава природа незмѣнѣна.
 Лесъ, реки, мѣспа а весъ, змѣниши све ймено славенске
 Нехпѣлы, нежъ пѣло енѣ въ нихъ, духа Славы нени.
 О kdo приде шыпо взбудити гробы зе сна живого?
 Кымъ приведенъ слушный къ све буде власпи дѣдиць? ... 3) а

Изучая со вѣсѣмъ усердіемъ, любовію и добросо-
 совѣстностію народную Поэзію Славянъ, исключи-
 шельно въ ихъ пѣсняхъ, какъ первыхъ, непосред-
 ственныхъ предшавишеляхъ ея, мы тщательнѣ спара-
 лись угадаць духъ, вѣющій въ нихъ, соспавляющій
 ихъ основное начало, сообщающій то или другое
 направленіе, хошѣли уловишь ихъ существенный ха-
 рактеръ, то, чѣмъ пѣсни одного Славяжкаго народа,
 не смотря на ихъ общее происхожденіе и племенное
 сродство, ярко опличающія ошъ пѣсень другаго
 такого же народа, какъ и ошъ чего онѣ шушь яв-
 ляющія въ шакой, а шамъ въ иной формѣ, здѣсь
 слухъ нашъ поражающъ звуки лирическіе, идилличе-
 скіе, въ другомъ же мѣспѣ эпическіе, драматическіе,

1) Цѣпѣ.

2) Исчезли.

3) Янъ Колларъ (См. Предзпѣвъ ку Славы Дцер.).

и ш. д. Но эта Поэзія имѣетъ еще множество *частныхъ особенностей*, ей одной свойственныхъ, въ ней только встрѣчаемыхъ, коими она рѣзко отдѣляется отъ Поэзіи всѣхъ прочихъ народовъ, особенностей, составляющихъ ея всегдашній наличный капиталъ, ея удѣльное родовое наслѣдство. Изъ безконечнаго множества эпихъ впоросшепенныхъ, частныхъ свойствъ, мы упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ, замѣчательнѣйшихъ, стоящихъ въ первомъ ряду, самыхъ характеристическихъ.

Первое отличительное свойство всѣхъ Славянскихъ пѣсень, прежде всего бросающееся въ глаза каждаго, составляетъ какая-то всеобщая *томность*, меланхолическое, жалостное, *тоскливое чувство*, какая-то *унылость*, печальность, траурность, какое-то *грустное*, скорбное повѣтріе, что-то мрачное, замѣтное, даже, тамъ, гдѣ, по всему, нельзя было ожидать его, гдѣ самое содержаніе веселое, радостное. Спранно встрѣпимъ такое свойство въ Поэзіи народа, по природѣ своей одного изъ самыхъ неугрюмыхъ, непасмурныхъ, самыхъ веселыхъ, живыхъ, развязчивыхъ. Но вспомнише его былое, его дни вѣхіе: всѣ сосѣди—вѣчные, закланные враги его, не упускавшіе ни одного случая—вредише ему, шѣснише и истребляше всѣми способами, самыми пропивузаконными, нечеловѣческими. Далѣе, чрезмѣрное, необьянное пространство, на копоромъ онъ расселился, не позволявшее соединенными силами дѣйствовать пропивъ *наильниковъ*, губителей его; раздѣленіе на безчисленные мѣлкіе удѣлы, множество владыкъ и повелителей, бывшихъ, большею частію,

несогласными между собою, завидовавшихъ другъ другу; разногласіе въ вѣроисповѣданіи, ошъ чего внутрення безпокойства и неустройства; несогласіе одного племени съ другимъ; предпочтеніе чужеземнаго своему, и ш. п., все эшо непримѣшнымъ образомъ дѣйствовало на природный характеръ Славянъ, на его естесшвенную чистоту и свѣшлость, и обрашило его въ другую, чуждую ему по началу, спороную, замѣнило веселостъ унылостію, невольнo вырывало изъ груди его жалоспные, шоскливые, груспные звуки, и пришомъ въ шакомъ множесшвѣ, что они покрывающъ собой всѣ другіе шоны, сообщающъ всей Поэзіи одинъ шраурный, погребальный видъ. Да, Сенека правду говоришъ: *Ita plerique ingeniosum omnes, nostri nosmet poenitet*; а *Ψυχῆς νοσοῦσας εἰς τὴν ἰατρὸν λόγον* по замѣчанію Плутарха. — Кромъ эшого, пѣсни Славянъ опличаются чрезвычайной простотою изложенія, соединенной съ самостояшельностію исполненія, простотою средствъ и полношою дѣйствія, недосшашкомъ, или лучше, ошсущствіемъ всякаго искуссшва, и несмошря на шо, совершеншвомъ ошдѣлки, незапѣйливымъ, но геніальнымъ. Вездѣ видите необыкновенную рѣзкостъ выражений, неожиданностъ, смѣлостъ, можно сказашъ дерзостъ воображенія, ошъ чего быспроша, ошважностъ переходовъ, эши скачки въ пареніи, изліянніи чувствъ, движеніи сердца и помыслахъ души, безъ видимой послѣдовашельноспи, связи и соошношенія, безъ силлогистическаго выведенія одного изъ другаго. Эша нечаяностъ оборошовъ, на первый взглядъ кажушшихся выисканными, несоразмѣрными, странными, но вни-

кнувъ, вы замѣчаете, что поступить иначе нельзя было, что это необходимо слѣдовало употребить для осуществленія какой-нибудь мысли, какого-нибудь душевнаго движенія, что такой способъ—самый вѣрный, прямо ведущій къ цѣли, самый живой, искренній, самый выразительный: вездѣ видите горячность, пылъ чувствъ, выражаемыхъ со всей энергіей, со всѣмъ жаромъ исполненія. Тутъ вы вдругъ, безъ малѣйшаго предувѣдомленія, знакомитесь съ предметомъ, и часто съ такой стороны, съ какой и въ голову не приходило; а здѣсь васъ приготавливаютъ небольшимъ приспупомъ, всего чаще въ родѣ лирическомъ. Присупы эти, однѣ и тѣже, стоятъ нерѣдко при разныхъ пѣсняхъ, сходныхъ между собою чѣмъ бы то ни было: это какъ бы освященные образцы въ пѣсняхъ Сербскихъ, древнихъ Чешскихъ, Велико-Русскихъ, рѣже всего въ Мало-Русскихъ. — Далѣе, пѣсни Славянскія всѣ дышатъ, всѣ проникнуты какою-то короткостью, какимъ-то нелицемѣрнымъ дружествомъ, какою-то брашскою любовію людей къ природѣ. Невольно поражаетесь этою патриархальной близостью народа съ предметами видимаго міра, его сознаніемъ себя, всего творенія чадами одного семейства, одного общаго Начала. Отсюда часто вспрѣчаете въ ихъ пѣсняхъ существа одушевленные и нѣмыя, получающія на этошъ разъ душу, умъ, голосъ, языкъ, и п. д., принимающія во всемъ участіе, въ радостяхъ и скорбяхъ, кошорыя живутъ, дѣйствуютъ, веселятся, грустятъ, утѣшаются, надоумливаютъ, осперегаютъ, и п. п.: васъ окружаютъ звѣзды, солнце, мѣсяцъ, деревья,

распелія, горы, камни, но всего чаще, съ собственнымъ предпочтеніемъ, птицы: орлы, соколы, соловьи, ястребы, вороны, гуси, утки, ласточки, кукушки, и ш. д. Отсюда же, изъ этого природнаго міра, почерпаются подобія, сравненія, примѣненія, всѣ образы соотносительные, аналогичскіе, отличаящіеся своею глубиной, мягкостью, разительностью, изящной живописью. Отрицательныя сравненія, неизвѣстныя у другихъ народовъ, употребляются, большею частью, въ пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ, очень рѣдко въ пѣсняхъ другихъ Славянъ, выражающихъ ихъ исключительно положительнымъ образомъ.—Съ другой стороны, въ пѣсняхъ Славянскихъ очень замѣчательны частыя увеличительныя, особенно же уменьшительныя слова, означающія любовь, расположеніе, прошивное тому, и ш. д. Прочіе народы Европы, не исключая и Итальянцевъ, безспорно уступаютъ намъ въ этомъ: у нихъ много-много найдется пять, шесть, рѣдко за десять, такихъ словъ; напротивъ у Славянъ ихъ, такъ молвишь, цѣлый вертоградъ: душа, душенька, свѣтъ, свѣтикъ, жизнь, жизнехонекъ, голубчикъ, голубочекъ, сударушка; серденько, серденько, серденько, серденько, сердечко, серденья, серденьячко, серденьяточко, орликъ, орлычокъ, орленько, орля, орленя, орлятко, орляточко, орлянько, орляньточко, соколыкъ, соколенько, соколычокъ, матуся, матусенька, матусенечка, матунечка, матуненька, сынокъ, сыночокъ, сыноченько, сынусь, гарный гарненький, гарнесенький, гарнесенький, гарнисинький, гарнисинький, любый любенький, любесенький, любисинький, любусь, мылый, мыленький, наймыльшій;

шугай, шугайкѣ, шугайко, шугайчекѣ, ластовичка, перличка, ютренко, анелѣ, анделикѣ, андѣлочкѣ; звѣздка, звѣздице, звѣздичка, цестка, цестечка, цестичка, цестинка; коханекѣ, коханечекѣ, коханка, коханечка; ружица, девойка, дѣвойчица, кукавица, ластовица, другарица, любчица, душица, славуй, славуйкѣ; птичѣ, птича, птичекѣ, птичица, госпа, господарица, господиня, господарница, господовавка, дивица, дивичица, дивичка, дивичкица, декла, декле, деклино, деклиница, деклинчица, деклица, декличка.— Слова, предпочтительно любимыя, напр., между мужскими именами: Иванѣ, Ваня, Ивасѣ, Ивасыкѣ, Ивасенько, Ивасечко, и ш. д., Янѣ, Янко, Яничекѣ, Ясѣ, Ясинько; между женскими: Анна, Аннушка, Ганна, Ганночка, Гоннонька, Ганнуса, Ганнусенька, Ганнулька, Ганнулечка, Галя, Галочка, Галонька, и ш. д., Анна, Аначка; между цвѣтами: бѣлый; эпитетами къ глазамъ: черные, карые, голубые; между рѣками: Дунай, Донѣ; между деревьями: липа, яворѣ, береза, дубѣ, калина; между птицами: орелѣ, соколѣ, соловей, голубѣ, кукушка; между живописными домашними: конѣ, волѣ; дикими: волкѣ; между городами. Москва, Кіевѣ, Краковѣ, Прага, Быстрица, Београдѣ, и ш. д.; слова, нѣсколько разѣ повторяемыя, сряду или немного спуская. Этого въ пѣсняхъ другихъ народовъ мы вовсе не встрѣчаемъ; у нихъ шакое шождесловіе — погрѣшность (Греки, Римляне, Нѣмцы, Французы, Англичане, и др.), исключая, развѣ, Сѣверныхъ жителей, коихъ аллитерація и ассонансѣ сходствуютъ, нѣкошорымъ образомъ, съ шождесловіемъ Славянѣ;

также, по увѣренію знашковыхъ Санскрипскаго языка, Поэзія Индійская въ этомъ много сходится съ Славянскою народною 1). Русскіе, Малороссіяне, Поляки, Сербы, любящъ такое повшореніе однихъ и тѣхъ же словъ; но всѣхъ больше Словаки, у коихъ почти во всякой пѣснѣ найдете его; всѣхъ же меньше допускающъ это пождесловіе Чехи.—Не менѣе замѣчательны пѣсни Славянъ своими *подражательными* словами природѣ (*onomatopoeja*), изъ коихъ одни состоятъ только для риѣмы, другія имѣютъ значеніе сатирическое, ироническое, прешь даже іероглифическое. Есть цѣлыя пѣсни, довольно длинныя, составленныя изъ подобныхъ словъ; эшимъ, особенно, отличаютъ пѣсни Словаковъ 2).

1) Наприм. у *Калидаса*, въ его поэмѣ *Nalodaja* находятъ слѣдъ стиха:

Padam á padam ápad amá padama.
Jatam ajatamája tama jata Má.

2) Смотр. Словацк. народн. пѣсни, изд. *Я. Колларомъ*, Ч. 2. стр. 471, 472.

Положенія.

1. Всякая Поэзія, чтобы быть самоспоятельной, изящной, истинной Поэзіей, непременно должна быть *народной*.

2. Первоначальной, общей, естественной формой народной Поэзіи и вмѣстѣ ея старшимъ произведеніемъ, первенцемъ поэпическаго народнаго творчества, всегда бываетъ *пѣсня*, содержащая въ себѣ единственное условіе дальнѣйшей ея жизни, самоспоятельнаго совершенствованія, всѣ элементы развитія народной Поэзіи.

3. Изъ нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ Славяне всѣхъ *богаче* пѣснями, своей народной Поэзіей, суть *самый пѣсенный*, поэпическій народъ.

4. Общій характеръ народной Поэзіи Славянъ составляетъ строгое соотношеніе, *гармонія между идеей и формой*, между мыслию, чувствомъ и ихъ образомъ, выраженіемъ, опъ чего ни та, ни другая не подавляютъ другъ друга, напрошивъ проникаютъ себя взаимно, во всѣхъ почкахъ своего соприкосновенія, сливаются.

5. Народная Поэзія Чеховъ — *Лирическая*.

6. Такова же и народная Поэзія Мораванъ.

7. Народная Поэзія Словаковъ — *Идиллическая*.

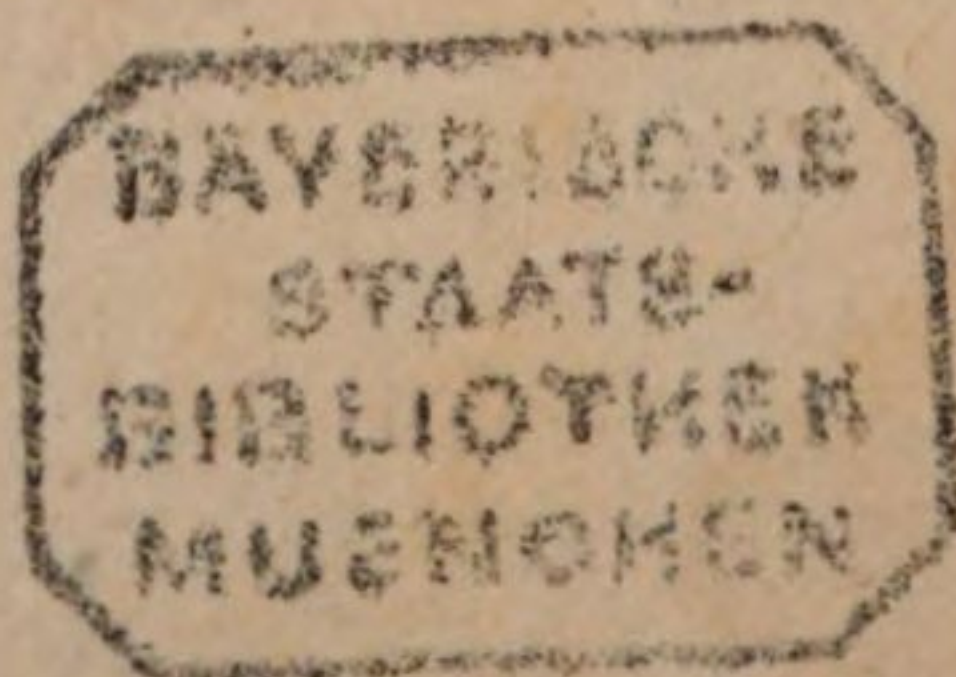
8. Единственныя представители народной Поэзіи *Поляковъ — Краковяки*, составляющіе собой ихъ національныя пѣсни. Всѣ они, большею частію, содержанія *Лирическаго*.

9. Народная Поэзія *Сербовъ — Юнацкая* (героическая, эпическая.),

10. Народная Поэзія *Сѣверныхъ Руссовъ* (Великороссіанъ) — *Повѣствовательно-Описательная*.

11. Народная Поэзія *Южныхъ Руссовъ* (Малороссіанъ, Украинцевъ) — *Драматическая*.

12. Вообще опличительныя свойства всѣхъ Славянскихъ пѣсень (или народной Поэзіи): унылое, помное, грустное, поскливое чувство; простота, естественность изобрѣшенія и изложенія, самостоятельность исполненія, совершенство отделки, необыкновенная рѣзкость и энергія выраженій. Всѣ онѣ проникнуты какою-то бражкой любовію людей къ природѣ, патриархальной близостью съ предметами видимаго міра; отсюда участіе въ ихъ пѣсняхъ существъ одушевленныхъ и нѣмыхъ, получающихъ на эпію разъ душу, умъ, голосъ, языкъ, и п. д., преимущественно же пищъ. Кромѣ того пѣсни Славянскихъ племенъ особенно опличаются своими уменьшительными, предпочтительно любимыми, нѣскольکو разъ повпоряющимися, своими подражательными природѣ, словами.

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY

NEW YORK

1880

NOV 10 1880

NOV 10 1880

NOV 10 1880

NOV 10 1880

NOV 10 1880

NOV 10 1880

NOV 10 1880

NOV 10 1880

NOV 10 1880

Peter Greiner
B
M

Bodjanskij, Osip Maksimovič,

O narodnoj poezii slavjanskich plemen razsud'enie

Moskva 1837

H.lit.p. 514 u

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10737086-6